БОЛЬШЕВИК

№ 7—8

15 июля

1 9 2 4

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. БУХАРИНА
ИЛ. ВАРДИНА
Л. КАМЕНЕВА

1 9 2 4
М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ

Главлит № 24371 Москва. Тираж 27.000 экз
4-я Тип. „Мосполиграф" Маросейка, Армянский пер., 6.

Г. Зиновьев.

К итогам Конгресса Коминтерна *).

Суровая подпольная закалка.

Я сегодня, товарищи, поделюсь с вами, и то в очень немногих словах, некоторыми соображениями о ходе работ 5-го Конгресса Коминтерна. Он еще, как вам известно, не закончился: его работы находятся в полном разгаре, но уже сейчас возможно подвести первые итоги.

Главный и основной итог, на мой взгляд, заключается в следующем. За эти годы молодые коммунистические партии прошли испытание огнем. Я к вам приехал с Итальянской комиссии, и поэтому ближе всего напрашивается итальянский пример.

Какое испытание может быть более серьезным, чем то, которое пережила итальянская партия за последние полтора-два года? Хуже режима Муссолини ничего не придумаешь. Коммунистов убивали и убивают направо и налево. Муссолини, сам вышедший из рядов социалистической партии, отлично знает всех наших деятелей. Он создал невероятный режим фашистского насилия. Более серьезного испытания для коммунистической партии представить невозможно. Однако, даже это самое ужасное испытание итальянская коммунистическая партия, при всех ее теоретических слабостях, несомненно выдержала.

Самое интересное—это сведения о ходе работы на местах. Центральный Комитет партии, при фашистской диктатуре Муссолини, все время почти сидел в тюрьме. В ряде фабрично заводских центров ни один член Центрального Комитета в течение полутора-двух лет не мог быть, и многие из них считали, что в данных фабричных центрах совершенно заглохла работа. Что же оказывается? Работа нисколько не заглохла и даже медленно двигалась вперед. Рабочие коммунисты, внедрившиеся в фабрично-заводскую жизнь, сами, собственными силами, под перекрестным огнем неприятеля, все-таки складывали кирпич за кирпичом, и теперь, когда работать стало чуточку повольнее, Центральный Комитет убеждается, что всюду, где были на местах рабочие группы, они не только не уничтожены за время фашистского террора но, напротив, выросли, окрепли и политически возмужали.

Аналогичное можно сказать относительно целого ряда других партий. Они прошли через нелегальный период, через политическое подполье, которое в Европе нисколько не легче, чем было у нас, а иногда гораздо более трудно, потому что у нас все-таки все были против царя, за исключением небольшой горсточки населения, между тем как в Европе в целом ряде стран

*) Речь на выпуске курсов Секретарей Укомов 30.VI 1924 г.

фашистский террор и просто буржуазный террор опирается на значительные слои крупной и мелкой буржуазии, социал демократии, и там коммунисты не имеют сочувствия ни в какой другой среде, как только в среде рабочих. Им приходится, повторяю, работать в гораздо более трудных условиях, чем приходилось нам в царской России, ибо вся политическая обстановка против них. Там подполье тяжелее, чем было наше. Теперь ряд партий прошел эту суровую школу, и они вышли оттуда закаленными, с гораздо более крепкими корнями в рабочих массах, чем до сих пор. Это есть первый основной итог.

Один из русских товарищей, сам непосредственно не участвовавший в коминтерновской работе, но имеющий очень внимательное ухо и хороший глаз, наблюдая за работой Конгресса, сказал, что это уже не гости, как было раньше, приезжавшие в Москву, и не молодые коммунистические группы, чувствовавшие себя учениками на Конгрессах Коминтерна, в то время как мы были тогда хозяевами, радушно их принимавшими. Такое время прошло. Это теперь хозяева Коминтерна, такие же, как и мы. Они все имеют за плечами огромный опыт.

Кривая социал-демократии идет вниз, наша—вверх.

Сидят делегации, как немецкая, среди которой много рабочих, имеющих за плечами по 5 лет тюрьмы; сидят даже самые скромные делегации, как испанская, оставившая дома несколько сот товарищей в тюрьмах. Испанская партия прошла через целую полосу подполья и нанесла чувствительный удар не только социал-демократии, но и анархо-синдикализму, который был модным в Испании. Теперь мы имеем гораздо более возмужавшие партии, воспринявшие опыт не только русской революции, на которой они учились и воспитывались, но имеющие свой собственный опыт, который, конечно, незаменим, ибо только при наличии его могут создаться действительно широкие, настоящие пролетарские революционные партии.

Бросается в глаза громадное количество выросшей силы. Никогда я не имел еще такого чувства колоссального роста наших сил, как на этом 5-ом Конгрессе, когда численно некоторые партии идут уже в уровень с самыми старыми социал-демократическими и даже явно их обгоняют. Кривая социал-демократии идет вниз, а наша — вверх. Это чувствуется на парламентских и коммунальных выборах, и на профсоюзных, и на выборах в фабзавкомы, и во всех других отраслях нашей работы. Пройдет 2—3 года, и эти партии под знаменем Коминтерна станут настолько прочно твердой ногой во всех самых крупных передовых странах капитализма, что не найдется той силы, которая сможет их опрокинуть.

Большевизация партий.

Второй большой итог работ 5-го Конгресса—это стремление большевизировать все партии. Главный лозунг на нем—большевизация партий. Как на третьем Конгрессе основной лозунг был: „к массам“, и на четвертом—„тактика единого фронта“, так

пятый, в дополнение к основным лозунгам и решениям 3-го и 4-го конгрессов, выдвигает лозунг—„большевизации партий“.

Мы предупреждаем наши коммунистические партии от перенесения всего того, что они видят у нас, целиком в свою среду. Мы напоминаем им то, что писал Владимир Ильич в своей работе: „Детская болезнь левизны в коммунизме“ о международном значении русской революции:

„Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25/X (7/XI) 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западно-европейских стран сделают революцию пролетарата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции (Гл. I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции“, стр. 1).

Под большевизацией рабочих партий Европы мы, разумеется, понимаем это последнее. Они не могут переносить на свои страны то, что было специфически российским в нашей революции, что было вызвано нашей обстановкой, но они могут и должны перенести на свои партии то, что в большевизме есть обще-значимого, международного, что действительно составляет основу большевизма, как первой победоносной пролетарской партии, как первой победоносной пролетарской революции. Это основное в лозунге—„большевизация партий“.

Крестьянский вопрос.

И, наконец, третий итог, выделяющий данный Конгресс от предыдущих,—это отношение к работе среди крестьянства. Громадное большинство наших партий до сих пор были рабочими партиями в узком смысле этого слова. Конечно, большевики—рабочая партия и ни в коем случае не рабоче крестьянская. Мы были, остаемся и будем рабочей партией в широком смысле этого слова. Но мы должны работать, должны принимать участие в борьбе, и мы знаем, как учил Владимир Ильич, что, оставаясь рабочей пролетарской партией, мы обязаны вместе с тем итти во все слои населения, как он писал в своем „Что делать“ *), и, главным образом, в те, которые являются

*) „Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать демократа. Ибо тот не социал демократ, кто забывает на деле, что „коммунисты поддерживают всякое

основным союзником пролетариата—в крестьянские массы. Западно-европейские партии этого до сих пор не сделали, потому что у них еще очень жива старая парламентская социал-демократическая традиция, гласящая, что если мы рабочая партия, то стало-быть ко всему остальному мы отношения не имеем. Мы должны действовать только в рабочем классе.

Эта идея по внешности принимает иногда довольно радикальный характер, но это сердцевина меньшевизма, это цеховой взгляд на нашу партию. Последовательный меньшевизм в эпоху своего и всего Второго Интернационала расцвета так и считал: мы рабочая партия, стало-быть—наше дело работать в рабочем классе, профсоюзах. Наше дело заботиться о поднятии заработной платы рабочих. Не наше дело думать о том, как построить организацию крестьян, какие будут группировки среди крестьянства. Эти идеи оставили большой след во многих коммунистических партиях, родившихся, как известно, из недр Второго Интернационала. Они в среде коммунистических партий нащупали себе союзников, прикрывавшихся соображениями левизны и доказывавших, что наша пролетарская партия не может заботиться о каком-то там крестьянстве. Одна из важнейших идей, которую выдвинул Владимир Ильич еще на Втором Конгрессе, это его резолюция по аграрному вопросу. Вот что он писал в ней:

„Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистических войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда сносно-мещанского, положения. Именно так бывает во многих передовых странах с „рабочей аристократией“, которая является основой якобы социалистических партий II-го Интернационала, представляя на деле злейших врагов социализма, предателей его, мещанских шовинистов, агентов буржуазии внутри рабочего движения. Действительно революционным, действительно социалистически-действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без об‘единения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним“ (Из резолюции по аграрному вопросу, тезис первый).

революционное движение“, что мы обязаны поэтому пред всем народом излагать и подчеркивать обще-демократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого обще-демократического вопроса“ (V том, собр. соч., глава III. Трэд-юнионистская и социал-демократическая политика, стр. 186).

Ленин учил нас учитывать социальные прослойки, которые мы имеем в центральных странах Западной Европы. Мы тезисы Владимира Ильича приняли, но претворить их в жизнь в полной мере не удалось, а между тем настало время, когда мы должны практически поставить во всей широте крестьянский вопрос.

Буржуазия пытается вовлечь крестьянство в свои партии

Мне пришлось цитировать на пятом Конгрессе недавнее заявление перед баварским ландтагом одного из консервативных депутатов его, который, выступая перед самыми черносотенными зубрами, сидящими там, утверждал, что у них без пяти минут двенадцать—революция. Разве вы не видите—говорил он,—что у нас в Германии существует не только громадная коммунистическая опасность со стороны рабочих, что не сегодня-завтра у нас возникнет крестьянская революция. И он прибавляет: крестьянская революция это самая жестокая революция. Это значит, пахнет кровью. Это значит, что будут пожары, что будет полыхать пламя в усадьбах помещиков, что головы помещиков будут повешены на шестах и т. д. Одним словом, он попутно довольно-таки образно обрисовывал, что такое крестьянская революция.

Если в баварском ландтаге черносотенный депутат, в такой типично-промышленной стране, как Германия, где крестьянства, как такового, очень мало, если он так говорит, если так вынуждены говорить консервативные депутаты, то этот факт еще резче подчеркивает, что положение дел становится все более острым в этой области.

В Румынии Авереску, типичный представитель контр-революции, собирает с‘езд крестьян. Правда, только зажиточных, но уже тот факт, что ему нужно собрать на с‘езд тысячи мужиков, пусть даже и зажиточных, показывает, что политическая самодеятельность крестьянства после первой империалистской войны становится гораздо более сильной. Можно указать еще и на крестьнские с‘езды, устраивающиеся мелко-буржуазными польскими партиями, где также с‘езжаются сотни и тысячи крестьян.

Это делается не от хорошей жизни. Мелко-буржуазные и буржуазные партии начинают привозить тысячи крестьян на свои контр революционные с‘езды. Они это делают не из большой любви к крестьянству,—с их точки зрения крестьянин должен пахать, а не ехать на с‘езды, и рабочий должен работать у станка. Что касается рабочих, то буржуазия уже привыкла к тому, что они организовываются, имеют свои партии и свои с‘езды, но что касается крестьянства, то приманка их на с‘езды—политическая новинка, и если буржуазные и мелко-буржуазные партии вынуждены созывать на с‘езды тысячи крестьян—это говорит о том, что крестьянин после бури, вызванной первой империалистической войной, не таков, каким был до войны.

Крестьянство—ленинизм—революция.

И это совершенно понятно. Война имела массу плохих сторон, но и одну хорошую сторону. Она растормошила народ, вытащила крестьянина за околицу его деревни, собрала сотни тысяч и миллионы людей вместе, показала город, показала „цивилизованных" людей, бросала с места на место, вышибала, как выражается Маркс, из них „идиотизм деревенской жизни". Французский крестьянин после империалистической войны не таков, каким был до войны. Немецкий, румынский, польский крестьянин все это не те люди, это уже совсем другая ступень политического развития, это уже другое крестьянство.

Вот почему теперь идеи ленинизма в этой области приобретают грандиозное международное значение. Идеи ленинизма стоят еще только в начале своих настоящих международных триумфов. То, что мы видели до сих пор, было эпизодом, было только прелюдией, только первым действием.

Если вспомнить, что представляет собой крестьянство сейчас в Центральной Европе и в Восточной, особенно взбаламученной первой империалистической войной; если вспомнить, что все крестьянство было встревожено войной, как улей, и до сих пор это волнение еще не улеглось, тогда очевидно будет, что идеи ленинизма относительно союза рабочего класса с крестьянством только начинают свое триумфальное шествие из нашей страны в центральные страны Европы и на Восток. Мы стоим перед началом побед идей ленинизма в крестьянском вопросе в международном масштабе, и мы к этим победам придем.

На Конгрессе вы рядом с типичным западно-европейским парламентарием-коммунистом, выбранным рабочими Парижа, имеете рабочих-полукрестьян, приехавших к нам из Прикарпатской Руси, где коммунистическая партия недавно одержала блестящую победу среди крестьян. Вы имеете перед собой товарищей, представляющих собой новое поколение вождей рабочих, вышедших из международного комсомола, лучших старых французских рабочих, лучших рабочих Рура.

Когда я говорил несколько раз о новом поколении руководителей Коминтерна, я чаще всего останавливал свое внимание на этих новых товарищах, которые уже на наших глазах сложились или складываются в настоящих вождей коммунизма. Я мог бы вам по именам назвать несколько товарищей, которые еще 3—4 года тому назад были французскими комсомольцами, а теперь члены французской партии, депутаты. Они уже посидели во французских тюрьмах и успели приобрести громадную популярность среди рабочих масс.

Рядом с этим новым поколением, с этими фигурами новых руководителей, рядом с ними вы видите новое поколение вождей, вышедших не из рабочей молодежи, а из среды революционного крестьянства. Опять-таки здесь я мог бы назвать несколько типичных фигур, очень сильных, очень крупных, которым принадлежит будущее в международном рабочем движении, и которые вышли из самых глубин революционного крестьянства, такого, каким мы его знаем, после первой империалистической войны.

Сила Коминтерна именно в том, что он сейчас вовлекает не только новые тысячи борцов рабочего движения, но и таких выдающихся представителей крестьянства. Мировая революция, разумеется, будет развиваться в первую очередь и прежде всего в рабочей среде и через рабочий класс, но она будет пополняться новыми слоями, в том числе и крестьянством.

Восток уже имеет свои „Группы Освобождения Труда".

И, наконец, последнее, чем выделяется наш Конгресс, что придает ему небывалую жизненность и мощь—это участие в нем целого ряда представителей Востока, причем, из самых отдаленнейших уголков. Года 3—4 тому назад товарищи с Востока приезжали к нам как гости, приезжали присмотреться к нам, послушать и поучиться у первого проповедника мировой революции—Владимира Ильича. А теперь они приезжают как представители, конечно, еще очень маленьких, но все-таки уже партий и партийных групп. Это уже представители организаций, роль которых сейчас на Востоке подобна той, которую у нас играла „Группа Освобождения Труда".

Когда вы видите индуса-коммуниста т. Роя, когда вы видите представителя с острова Явы, китайцев, бывших одиночками 2—3 года тому назад и приехавших теперь гораздо более многочисленной группой, когда видите японских товарищей, вы чувствуете, что это именно есть то, чем была „Группа Освобождения Труда" у нас.

Но они имеют то преимущество перед „Группой Освобождения Труда", что они могут действовать в такую революционную эпоху, когда весь мир переживает невероятной мощности социальные сдвиги, когда на $^1/_6$ части света существует Советская власть, когда существует подлинно-революционное международное товарищество рабочих—Коммунистический Интернационал, рассматривающий споры, ведшиеся десятилетиями и ныне изживаемые в десятки месяцев, а то и скорее.

Международное коммунистическое движение молодежи, как я уже говорил, дало целый ряд замечательных фигур. На глазах у нас подрастает целый ряд молодых коммунистических дубков, из которых несомненно выростут настоящие могучие дубы коммунизма.

Прибавьте к этому начало работы в глубинах, в низах крестьянства, всколыхнувшемся после первой империалистической войны и давшем тоже целый ряд крепких коренастых черноземных фигур, будущих деятелей Коминтерна. Если присовокупить к этому целый ряд уже сложившихся коммунистических партий или групп на Востоке, аналогичных нашей „Группе Освобождения Труда", тогда увеличивается наша уверенность в том, что не на словах, а на деле нам удастся осуществить мировую победу идеи ленинизма. Мы имеем работников не только изучающих ленинизм, но и готовых отдать свою жизнь за его идеи.

Р. К. П. (б) и Коминтерн.

Наша партия, как была, так и остается до сих пор руководящей партией Коминтерна, но от этого наша партия с готовностью отказалась бы. Это не только фраза. Мы согласны выдвинуть на эту роль другие партии, более передовых стран, как только они станут покрепче.

И уже сейчас, по мере того, как крепнут наши братские партии, мы стараемся шаг за шагом перекладывать часть функций на тех руководителей и те группы, которые новая партия выдвигает.

Мы имеем, например, перед собою немецкую делегацию. С точки зрения общей культурности, несомненно, что некоторые рабочие их сильнее наших, но что касается партийно-революционной закалки, то они, не говоря уже о молодых партиях, конечно, отстают в высокой степени от каждого из нас.

Мы можем предсказать вам, что здесь мы опытнее самых крупных социал-демократических партий, ведущих за собой миллионы рабочих. Наше преимущество заключается в том, что мы проделали три революции и в течение шести лет проводим диктатуру в нашей стране и, при том, до последнего года,—под руководством такого гениального вождя, как Владимир Ильич. Их несчастье заключается в том, что они пережили только одну революцию, и то полу-буржуазную; их лучших вождей буржуазия успела просто-на-просто истребить физически, и они должны были выдвигать руководителей из средних товарищей, учащихся маневрировать и проделывать все то, что нам удалось проделать под руководством общепризнанного руководителя и учителя.

Но, товарищи, нам есть еще чему поучиться и у них, как и им есть чему поучиться у нас. Они с величайшей готовностью учатся всему тому, что могут почерпнуть у нас. Но мы должны кое-чему поучиться у них, а чем дальше, тем шире будет поле нашей учебы.

Ленинизм—знамя Коминтерна.

Впечатление, с которым уходишь с пятого Конгресса (я говорю это не потому, что выступаю на торжественном вечере и нужно говорить приятные вещи, а потому, что это верно),—ощущение необ'ятно выросшей количественно и качественно силы. У каждого члена Конгресса самое добросовестное стремление быть настоящим ленинцем. Не все еще знают, что такое ленинизм, но все стремятся быть ленинцами. У всех искреннее желание построить партию на началах ленинизма.

Целое новое поколение вождей выдвинулось из самой гущи народных масс. Это уже не те молодые товарищи, которые 5 лет тому назад еще на все смотрели наивными глазами и не понимали, что за слово ленинизм, были одиночками в своей собственной стране; у них голос возмужал, они говорят так, что чувствуется в нем звон металла, чувствуется, что теперь они не одиночки, чувствуется, что это застрельщики пролетарской революции, мировой партии ленинизма, которую, можно ручаться головой, мы построим, и даже можно сказать, что в очень значительной степени уже построили.

Крестьянский Интернационал должен стать могучей организацией.

Товарищи, не всякий слой крестьянского и городского населения в уездах в состоянии интересоваться идеями Коминтерна. Мы не виним крестьянина за то, что он думает больше о семенном фонде, нежели о Коминтерне. Ничего худого в этом нет, но, несомненно, крестьянская молодежь, растущая политически, не может не интересоваться международной организацией пролетариата и крестьянства и должна ею интересоваться.

В этом году, как вы знаете, положено начало международному об'единению крестьян. Эта организация еще в зародыше, но я считаю, что она с великим будущим. Вы знаете из печати, что Владимир Ильич, будучи уже совершенно больным, когда не мог почти читать газет, проявлял особенное внимание именно к этому международному об'единению крестьян. Когда он узнал, что в Москве открылась международная крестьянская конференция, он интересовался каждым даже незначительным фактом из ее работы. Тот факт, что, будучи уже совершенно больным, Владимир Ильич так сильно интересовался этим делом, показывает все великое значение этой организации, не давшей еще и первых ростков. Это только семена, брошенные в землю, но эта организация, несомненно, свои ростки даст, ибо эта идея об'единения крестьянства носится в воздухе. Это пытается сделать буржуазия, десятки лет и сотни лет политически эксплоатировавшая крестьян и вызывавшая крестьянские революции. Если крестьянство до сих пор никак не могло победить, то по той простой причине, что в силу условий своей экономики, крестьянство не приспособлено для самостоятельной роли и всегда в конце концов шло на буксире за той или другой более организованной силой.

Крестьянское движение ряд столетий шло на буксире у более или менее либеральной буржуазии. Но в этот исторический момент, когда действительно великое крестьянское движение, которое еще только зарождается, может и должно пойти на буксире у революционного пролетариата, я думаю, что та организация международного крестьянства, которая родилась в текущем году и которой мы должны уделить громадное внимание—есть зачаток, зародыш великого движения, которое станет непреодолимой силой для капиталистического общества, регулируемой и управляемой международной коммунистической партией. И тогда нас никто не победит.

Коминтерн—наша партия в мировом масштабе.

Я думаю, куда бы вас судьба ни забросила теперь, вы будете интересоваться не только идеями нашей собственной партии, но и идеями нашей партии в более широком смысле слова, ибо Коминтерн это есть наша партия в мировом масштабе.

Вы будете продолжать интересоваться ростом Коминтерна, ростом его движения. Он чрезвычайно оригинален, в каждой стране имеет целый ряд чрезвычайно интересных особенностей.

Нет более интересных вещей для нас—коммунистов, как изучать этот рост во всей Европе, во всех стадиях в каждой отдельной стране. Может быть вам не удастся следить во всех отраслях за этим движением, но во всяком случае вы сможете следить за основным и вы должны свои уезды знакомить все шире и шире с идеями Коминтерна.

Оно не должно быть формальным. Деревня не только должна знать имя Розы Люксембург, но и что такое международная организация крестьянства.

Надо, чтобы деревня знала, какие трудности на нашем пути, как растет международное рабочее движение, как сливаются эти два ручья, как рабочее движение постепенно начинает присоединять к себе крестьянское, как растет движение на Востоке.

Вы помните, как Владимир Ильич в последние дни своей жизни не раз указывал на Восток, не раз говорил нам, что если Запад является основным ядром пролетариата, то основные массы, миллионы, десятки миллионов, сотни миллионов крестьян живут на Востоке, и там начинается настоящий под'ем. Он знаменует собой превращение нашей революции из европейской в мировую.

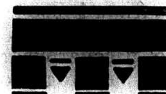
Нам еще предстоят большие бои.

Вы должны будете познакомиться с этим движением, со всеми силами его. Это тем более необходимо, что крестьянство составляет основу нашей армии, которой в грядущих боях суждено еще сыграть большую роль. Громадные бои еще впереди. Несомненно, правдив прогноз Владимира Ильича, говорившего в 1920—21 г., что это только первая очередь, первый тур войны кончается. Пройдет несколько лет, и начнется второй тур. Так и будет. Мы не можем знать, как это произойдет и кто будет нападать, а кто обороняться. Будет ли это наступительная или оборонительная война? Мы знаем, что Макдональд и нынешние пацифисты отделываются тем, что льют сейчас по кружке пацифистского елея во взбаламученные милитаристские волны. Но разве ими успокоишь эту разнузданную стихию.

Нашей Красной армии, основу которой составляет крестьянство, придется еще бороться за коммунизм. Мы вошли в такую полосу, когда жизнь интернационализировалась не в тезисах, не путем резолюций, а интернационализировалась на деле, в действительности. Мы видели недавно на Конгрессе замечательную сцену, как рабочие Ленинграда братались с рабочими немцами, рабочие Треугольника, путиловцы подносили знамя германским рабочим химического завода и т. д.

Мы все друг другу говорили: во втором Интернационале это было бы совершенно невозможно. Во втором Интернационале такие простые сцены братания рабочих друг с другом за последние десятилетия стали политически невозможными. Но из этих

простых сцен братания вытекало, как наш Коммунистический Интернационал становится повседневностью, как все ниже и ниже идет об'единение. Уже не только государство с государством, партия с партией органически сближаются, но завод с заводом, а завтра будет мастерская с мастерской. Все ближе и ближе становится об'единение, все теснее и теснее звенья, и не потому, что хорошие речи говорились об интернационализме, а потому, что сама жизнь действительно интернационализировалась. Вот откуда жгучий интерес у наших крестьян к германской революции, интерес, который будет расти вместе с ростом сознательности крестьянства ко всему, что представляют собой международные и интернациональные интересы пролетариата.

А. Тальгеймер.

О программе Коминтерна.

На Конгрессе Коминтерна я сделал краткое сообщение о дискуссиях, имевших место до сих пор в программной комиссии Коминтерна. Здесь я намерен сделать несколько поясняющих и уточняющих замечаний.

О формах перехода к социализму

и в частности, об общем значении „новой экономической политики и военного коммунизма“.

Несомненно правильно рассматривать основные черты НЭП'а, как общие формы переходного времени к социалистическому хозяйству. Основной чертой его является тесная связь с формами *) капиталистической экономики, прежде всего с формами распределения (форма заработной платы в деле снабжения рабочих и форма капитала для средств производства) при измененном социальном содержании (прибыль, земельная рента, проценты являются преимущественно формами дохода уже не капиталистов, а рабочего класса). Рабочий класс, владеющий решающими для всего хозяйства средствами производства и транспорта, является уже не только получателем заработной платы, но и владельцем прибавочной стоимости (в ее различных формах). Это является характерным экономическим выражением, с одной стороны, совершившейся социальной революции, а с другой стороны, того факта, что эта революция еще носит на себе отпечаток общества, из которого она вышла.

Таков общий закон перехода к социализму, формулированный Марксом:

...„Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества,—значит, еще покрытым во всех отношениях—экономическом, нравственном, умственном—родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы. Так, общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоющем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой.

Здесь, очевидно, господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего кроме своего труда, а с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой. Поэтому здесь равное право—все еще по своему принципу буржуазное право, хотя принцип и практика и не ссорятся более, тогда как при товарном обмене, обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае“... (Маркс. Замечания на программу германской рабочей партии. Госизд. 1923 г. стр. 53—54).

—„Так как подобного рода формы производства, совершенно не отвечающие капиталистическому способу производства, могут быть подведены—и не без известной правильности—под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства“...

...„Надо, впрочем, сказать, что такого рода подведение всех хозяйственных форм под господствующие было свойственно и прежним способам производства, напр., феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечавшие ему, стоявшие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, напр., в Англии tenures in common sacage (в противоположность tenures in knight's service), хотя они предполагали исключительно денежные повинности и лишь по имени были феодальными“... (Маркс. „Капитал“ т. III ч. 2 стр., 405—6).

Этот закон может быть формулирован в программе Коммунистического Интернационала только в его наиболее общей форме. Конечно, он должен претерпеть некоторые изменения, соответственно особой структуре хозяйства отдельных стран, к которым он применяется; но эти изменения нисколько не меняют общей основы закона. Нигде, даже в странах с наиболее высоко развитым капитализмом, не представится возможным, после совершившегося захвата политической власти рабочим классом, совершить скачок непосредственно от форм капиталистического хозяйства к формам совершенного, коллективистического, планомерного, всеобемлющего хозяйственного строя. Находящееся в руках рабочего класса хозяйство, развиваясь сначала по линии экономических форм капитализма, постепенно изживет старые

*) О формах здесь говорится в тесном смысле слова, в отличие от способа производства.

формы и перейдет к новым, соответствующим его измененному социальному содержанию.

Основными моментами, решающими для видоизменений переходных форм к социализму в отдельных странах, я считаю следующие:

1) Уровень развития капиталистической централизации и концентрации капитала и ее формы к моменту захвата власти. При этом нужно принять во внимание то, что капиталистическое хозяйство отдельных стран перейдет в руки рабочего класса, конечно, не в его наиболее развитой форме, а в более или менее упадочном состоянии. Дальнейшее развитие экономических форм начнется только после восстановления наивысших форм старого общества. Такова качественная сторона дела.

2) Количественное соотношение между капиталистическим хозяйством и размерами некапиталистического ремесленного производства, крестьянским хозяйством и т. п. Мерилом для этого соотношения в первую очередь является соотношение между ценностями ежегодно произведенных продуктов, а во вторую очередь— между количествами занятых в том и ином производстве лиц. Экономическая отсталость России состояла не в качественной отсталости ее капиталистической индустрии, а в незначительности удельного веса ее в общем хозяйстве страны. В общем можно сказать, что в отсталых странах сравнительно запоздалое развитие, а вследствие этого и незначительные размеры капиталистической индустрии, транспорта и т. п. обратно пропорциональны качественной высоте этой индустрии. При этом не надо упускать из вида того, что по мере развития пролетарской революции нужно будет рассматривать уже не каждое хозяйство различных стран в отдельности, а хозяйства всей области, охваченной революцией.

3) Условия захвата власти, особенно продолжительность того промежутка времени, по истечении которого буржуазия будет побеждена и практически прекратит борьбу. А это в свою очередь зависит от силы и длительности классовой борьбы внутри страны, а также от состояния международной классовой борьбы.

Все эти факторы существенно влияют на степень централизации планового хозяйства в период НЭП'а, на степень вовлечения в эту централизацию мелких и средних хозяйств, на размеры вольного рынка и т. п. В общем и целом, можно сказать, что в странах, достигших более высокого капиталистического развития, с самого начала влияние планового хозяйства и вовлечение в него мелких и средних хозяйств будет очень велико.

Конкретные детали этого вопроса выявятся только на опыте.

Какую роль будет играть военный коммунизм? Является ли он только „ошибкой"? Во время перехода от военного коммунизма к Нэп'у, конечно, в первую очередь, необходимо было выявить его ошибки. В то время военный коммунизм мог показаться слишком быстрым и решительным переходом к социализму, по сравнению с которым Нэп являлся как бы отступлением. В известной ограниченной степени это верно, особенно если обратить внимание на некоторые теоретические толкования, связанные с военным коммунизмом (напр., на представление о возможности уничтожить деньги путем прогрессирующего обесценения их и т. п.) В настоящее время мы, исходя из практического опыта, можем лучше оценить историческую роль военного коммунизма, независимо от сопровождавших его ошибочных представлений. Военный коммунизм, как форма перехода к социализму, сошел со сцены. Но он должен быть признан, как более или менее неизбежная, как более или менее длительная ступень или предпосылка к Нэп'у. Основные причины военного коммунизма были двоякого характера: во первых, необходимость привести буржуазию к полному подчинению, вырвать из ее рук все экономические средства властвования, в то время, когда она еще пользовалась ими в гражданской войне как боевыми позициями против рабочего класса—только после этого страна созрела для Нэп'а. Без этой предпосылки Нэп был бы невозможен. В других странах, как и в СССР, буржуазия подчинится, конечно, также только после того, как она исчерпает в борьбе все свои силы; и там также для покорения буржуазии необходимо будет сначала захватить и разрушить больше экономических позиций, чем можно будет удержать. Но тот момент, к которому буржуазия капитулирует перед пролетарской революцией, в различных странах наступит в разное время.

Второй причиной неизбежности военного коммунизма явилась необходимость снабжения Красной армии и городского населения продовольствием и военными припасами во время гражданской революционной войны. К этому имелись две предпосылки: 1) существование запасов, оставшихся от прежнего режима и необходимость рационально распределить их, 2) передача помещичьих земель крестьянам, благодаря чему они воспринимали реквизицию продовольствия как оплату расходов по захвату земли. И в других странах также вначале дело едва-ли обойдется без принудительных реквизиций у крестьян. А с запасами старого режима дело относительно будет обстоять еще хуже.

Исходя из всего этого, общая программа Коминтерна должна будет ограничиться тем, чтобы в самой общей форме определить те условия, которые могут сделать необходимыми мероприятия военного коммунизма.

В стадии непосредственной подготовки к захвату власти отдельные страны, исходя из существующего положения, должны будут создавать для себя более конкретные планы и должны быть готовы к быстрым и решительным изменениям, согласно требованиям момента.

Дифференциация внутри рабочего класса.

Здесь имеется опасность слишком строгого разграничения: об'ективное единство пролетариата, как класса, является залогом того, что в конце длительного исторического процесса коммунистической партии удастся осуществить суб'ективное единство его сознания. Именно в этом заключается роль коммунистической партии внутри рабочего класса; при осуществлении этой задачи она наталкивается не только на об'ективные препятствия, в виде дифференциации рабочего класса в процессе производства и в виде наличия различной степени идеологического влияния буржуазии; она наталкивается на совершенно сознательное стремле-

ние буржуазии увеличить рознь внутри рабочего класса путем целого ряда экономических мероприятий (различие заработной платы мужчин и женщин, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, взрослых и подростков и т. п.), но на помощь коммунистической партии приходит преобладающая об'ективная тенденция упадочного капитализма понижать, и тем самым выравнивать различия жизненного уровня внутри рабочего класса, а также ограничивать размеры квалифицированной рабочей силы по сравнению с неквалифицированной.

Типизация отдельных стран.

Типизация отдельных стран по отношению к революционной стратегии и тактическим принципам должна быть как можно более упрощенной и должна быть рассчитана на основные типы революции, исторически стоящие на очереди.

Основными моментами являются следующие:

1) В соответствующей стране может предстоять типично-пролетарская революция. Встает вопрос, в какой стадии развития по отношению к этой революции находится данная страна?

Поясняю: совершенно очевидно, что в Соединенных Штатах, Англии, Германии мы имеем дело с типом пролетарских революций, что период буржуазных революций во всех этих странах можно уже считать завершенным. В то же время они находятся в различных стадиях развития по отношению к пролетарской революции.

Об'ективными основами этих различных фазисов являются:

а) большая или меньшая степень и глубина потрясения хозяйственного равновесия.

б) размеры и глубина потрясения политической мощи буржуазии.

Суб'ективная сторона этих процессов выражается в следующем:

а) существует ли в данной стране коммунистическая массовая партия или имеются только коммунистические тенденции, группировки, зародыши;

б) находится ли коммунистическая массовая партия в той стадии, когда она еще борется за руководство рабочим классом и остальными слоями трудящихся.

в) находится ли коммунистическая партия в стадии перехода к непосредственному наступлению в целях завоевания власти, в стадии проникновения в массы конечных лозунгов коммунизма.

2. Соответствующая страна еще не имеет дела непосредственно с пролетарской революцией, но с комбинацией буржуазной и пролетарской революции или, иными словами, с буржуазной революцией, которую необходимо перевести в пролетарскую.

Таков тип „запоздалых" буржуазных революций. Ни тот, ни другой тип не может быть рассматриваем *изолированно*. Так, например, российские революции 1905—1906 г. и 1917 г. не могут быть поняты иначе, как на *фоне* общего развития социализма в Европе. *Выступление русского рабочего класса отражает всю сумму вышедших из недр рабочего класса социалистических и революционных идей, оно является только частью революционного движения рабочего класса всего мира, так же как российская буржуазия выступает только, как часть мировой буржуазии.* Этот тип, конечно, также имеет самые разнообразные разновидности и оттенки.

Комбинированные буржуазно-пролетарские революции, переживаемые в настоящее время или предстоящие в ближайшем будущем, уже по одному тому имеют общий исторический фон и историческую связь между собой, что в одном месте (в России) уже произошел прорыв капиталистического фронта, а в ряде других капиталистических стран уже развиты массовые коммунистические партии.

Этот общий исторический фон и историческая связь определяют также и все течение революции буржуазно-пролетарского типа.

3. Момент национального и колониального восстания, национального освобождения от империалистического рабства и национального об'единения.

Этот момент может сочетаться с каждым из первых двух типов революций и с различными видоизменениями и фазисами этих типов. Так, например, предстоящая революция в Германии может быть рассматриваема, как комбинация пролетарской революции с национальным освободительным движением; революция в Индии соединяет момент национального освобождения и об'единения и колониального восстания с моментом буржуазно-пролетарской революции.

Все индивидуальные типы революции могут быть сведены к различным комбинациям этих трех элементов. Страны советского типа, взятые в отдельности, находятся уже, в строгом смысле этого слова, по ту сторону революции, т. е. в стадии *социалистической эволюции*; но взятые в общей мировой связи, они все еще находятся в стадии революции, до тех пор, пока пролетарская диктатура еще не достигла перевеса в мировом масштабе над мировой буржуазией.

Классификация стран с точки зрения революционной стратегии резко отличается и иногда даже прямо противоположна их классификации с точки зрения зрелости для перехода к социализму. Для последней решающей является степень развития и относительные размеры капиталистического производства в целом и в отдельных его частях.

К дискуссии по аграрной программе.

Точка зрения германского ревизиониста *Давида* в аграрном вопросе (тенденция к созданию мелких и средних крестьянских хозяйств) отличается от точки зрения Каутского своей *активной, но мелко-буржуазной и реакционной установкой*. Точка зрения Каутского ориентируется на социалистическое крупное производство в сельском хозяйстве, но рассчитана на *пассивное* историческое развитие *внутри* капитализма, хотя это отчасти должно было бы быть активным делом пролетарской диктатуры.

Крестьянство рассматривается здесь, как об'ект автоматического экономического процесса, но не как об'ект революционной

стратегии и сознательного социалистического строительства со стороны борющегося за власть или уже победившего пролетариата.

Коммунистическая точка зрения коренным образом отличается от обеих вышеизложенных. Она активно революционна в двух направлениях: во-первых, в смысле приближения крестьянской бедноты к рабочему классу для общей борьбы за власть. Во вторых, в смысле планомерного развития крестьянского хозяйства в социалистическое крупное производство, при помощи социалистической индустрии и транспорта и путем воспитательного воздействия господствующего пролетариата.

Создание новых мелких крестьянских хозяйств является для коммунизма не целью, как для Давида, а только переходной стадией, исходя из которой, ведется курс на крупное социалистическое сельско-хозяйственное производство. Таким образом, различие между коммунистической и социал-реформистской, или попросту реакционной, точкой зрения глубоко принципиально.

О новых формах буржуазного господства.

Здесь важно отметить, что фашизм, как тип, невозможен без национальных разновидностей. Фашизм, как таковой, следует понимать как реакционное массовое движение, поднятое после революционных потрясений прежними господствующими классами, главным образом, крупной буржуазией, и опирающееся преимущественно на мелкую буржуазию. В зависимости от организованности и силы крупной буржуазии, по сравнению с мелкой буржуазией и рабочим классом, формы проявления фашизма, а также и его методы, различны в отдельных странах. Сравним, например, Италию и Германию. В Германии крупная буржуазия не нуждалась в „походе на Рим“ переодетой фашистской мелкой буржуазии. „Поход на Берлин“ мелко-буржуазного крыла германского фашизма превратился в гитлеровский фарс в мюнхенской пивной. В Германии центром является организованное регулярное классовое войско крупной буржуазии—рейхсвер. Фашизм здесь господствует, но не управляет. Обычный буржуазный государственный аппарат становится фашистским.

Вышеизложенные замечания являются лишь дополнением к заслушанным на Конгрессе докладам, которые скоро должны появиться в печати.

Москва, 30 июня 1924.

Н. Бухарин.

О некоторых задачах нашей работы в деревне.

Сейчас довольно значительная масса нашей квалифицированной партийной молодежи (учащихся и кончивших учебные заведения) раз'езжается на лето по провинциальным городам и селам Советского Союза. Не подлежит никакому сомнению, что роль этой силы будет довольно значительна. Вот на эту тему нам и хотелось бы сказать несколько слов.

1. Изучение деревни.

Одной из главнейших задач, которые стоят на очереди дня, является задача изучения деревни. Не стоит тратить много слов на тему о важности этого вопроса. Но обязательно нужно понять, до какой степени мало знаем мы деревню. Между тем, если мы вспомним наше собственное прошлое, то увидим, как пристально присматривалась всегда наша партия к аграрному и крестьянскому вопросам, как тщательно изучали наши партийные теоретики эту сторону общественного развития России. Наличность хорошо поставленной земской статистики давала возможность марксистской обработки ее данных. Под лупу марксистского анализа брались мельчайшие процессы, происходившие в деревне. Работа велась упорная, систематическая, не ограничивавшаяся только мелочным анализом, но и дававшая блестящие теоретические обобщения. Стоит вспомнить лишь „Развитие капитализма в России“ В. Ильина. Теоретические работы по аграрному вопросу, которые выдвинул русский марксизм, являлись наиболее важными работами в этой области. И обработка материала и теоретическое продумывание вопроса до конца, до самых основных его глубин,— все это было в нашей партии.

Теперь, к сожалению, дело изменилось и изменилось к худшему. Если взять вопрос об обработке материала, то, во-первых, у нас нет таких данных, как данные земской статистики; во-вторых, у нас до чрезвычайности мало людей, которые обрабатывают и скудные данные, имеющиеся налицо. В области чисто-теоретической доминирует мелкобуржуазная и либеральная доктрина Чаянова, Кондратьева и прочих профессоров „русской“ школы. Что противостоит им здесь? Позор признаться, но нужно признаться: очень мало, почти ничего. И это при общепризнанной гегемонии марксизма в Советском Союзе! Такое положение вещей абсолютно нетерпимо, недопустимо. Оно прямо опасно. Удивительное дело! В то самое время, когда все мы кричим и вопим

о „смычке“, принимаем резолюции и еще раз резолюции, у нас нет даже более или менее сносной информации о деревне, за исключением нескольких экспедиционных обследований, которые, конечно, ни в коей мере не могут дать нам целой картины. Вся буржуазная шваль, вся эмигрантщина, от Прокоповичей до великих князей, спекулирует сейчас на крестьянстве, издает сборники, „исследования“ etc. А мы, которые теоретически понимаем всю важность проблемы, готовы изучать какие угодно вопросы, писать и издавать какие угодно книжки, но только не об этом, хотя „это“ и почитается самым важным из того, что у нас есть.

Здесь нужно самым радикальным образом переломить настроение. Товарищи, раз'езжающиеся по деревням и по провинциальным городишкам, должны использовать летнее время для самого внимательного изучения деревни. Они должны заглянуть в наши статистические учреждения, они должны и сами сделать все возможное, чтобы пособрать материал, планомерно вести наблюдение за теми процессами, которые совершаются в деревне (прежде всего, конечно, за экономикой), они должны—хотя бы кустарным образом—сделать все возможное, чтобы на место двух-трех обследований мы к осени получили целый ряд таких обследований. Эта работа более необходима, чем всякая другая.

В связи с ней необходимо будет „немножко“ иначе повести и научно-учебную работу в наших экономических семинариях. Часть товарищей нужно прямо бросить на изучение современных отношений в Союзе. Мы должны создать здесь научную литературу; только так можно подвести действительную основу для научной марксистской политики по отношению к деревне.

2. Советская общественность в деревне.

Все сведения, которые идут из деревни, говорят о громадной жажде знания, о культурном росте в наших селах и деревнях. Иначе и быть не могло, после такой встряски, какую представляют из себя пережитые и переживаемые события. Как использовать эту под спудом лежавшую энергию, разбуженную громом революции? Как направить ее в русло, по которому должно течь развитие нашего Союза, идущего по пути к социализму? Общие задачи, общие пути указаны здесь нашими с'ездами, и на этом мы не будем останавливаться. Нам хотелось бы сказать несколько слов на другую тему, на тему о роли нашей культурно уже отшлифованной молодежи, которая будет работать в деревне или будет с этой деревней соприкасаться.

Эта роль должна быть теперь, в теперешних условиях, в значительной мере ролью культуртрегерской. Только обеспечив культурную гегемонию в деревне, будем мы в состоянии обеспечить себе и гегемонию политическую. В чем заключается основная опасность сейчас? В большей культурности кулака, в том, что полунищие деревенские власти часто живут на хлебах кулака и попадают от него в полную зависимость; в том, что кулак, опираясь на свою зажиточность и на нищету других, забивает остальных своей большей грамотностью, ловкостью и находчивостью, знаниями, связями и проч. и проч.

Ему нужно уметь противопоставить честных, выдержанных, опытных, дельных коммунистических культуртрегеров.

Но перед этими товарищами стоит сложнейшая задача. Они должны суметь овладеть идейно очень широким слоем, в первую очередь деревенской молодежи, у которой наиболее остро стоит вопрос о „новой жизни“. Здесь нужно прямо поставить, нам думается, вопрос о развитии советской общественности на селе. Что мы под этим разумеем?

Вот что. Нужно направить развивающуюся энергию крестьянства, в особенности крестьянской бедноты и бедняцкой молодежи, по руслу образования всевозможных добровольных кружков, обществ и т. д. и т. п. „Общество друзей многополья“, общество „Долой неграмотность“, общества и кружки агропропаганды, борьбы с алкоголизмом, борьбы с табаком, общества благоустройства деревни, помощи кооперациии и так далее — вот что мы имеем в виду. Необходимо, чтобы пионерами, застрельщиками, организаторами, „коноводами“ этого дела и выступили коммунисты, комсомольцы, комвузовцы и другие партвузовцы. При умелом подходе к делу, при надлежащем подборе лиц, при деловитости их, можно захватить под наше коммунистическое влияние очень значительный круг лиц. А именно это то и нужно.

В связи с этим стоит и проблема привлечения лучших элементов деревенской интеллигенции: агрономов и учителей. Если мы—отчасти при их помощи—сможем создать, наладить, укрепить культурные гнезда, все гуще рассаживая их по лицу советской земли, то тем самым мы решим одну из самых головоломных задач нашего строительства.

Здесь главное—это то, кто будет с нашей стороны таким культурным пионером. Хороший работник, знающий, тактичный, осторожный, не фразер, не „командир“, а действительный советник и энтузиаст своего дела, может сделать чудеса. И если наши товарищи из учащихся проникнутся вот этой миссией и поставят себе целью ее выполнить по мере сил и возможностей, мы будем иметь довольно крупные результаты в общем балансе нашей общественной работы.

На этом пути, нам кажется, только и может быть решена задача контроля низов, борьбы с бюрократизмом и так далее. Ведь, не подлежит никакому сомнению, что главная трудность в решении это задачи, поставленной и так ярко обоснованной Владимиром Ильичем, заключалась в отсутствии достаточно культурных людей из низов, в отсутствии целого ряда дополнительных канальчиков, по которым энергия масс притекала бы к партии, союзам, органам государственной власти. Задачей тех культурных оазисов, о которых мы говорили выше, будет укрепление советской общественности на деревне и вместе с тем подведение действительно прочного базиса под строительство всенародного контроля.

Конечно, эту задачу можно решить лишь при умелом руководстве и умелой организации разнообразных культурных ячеек. Нужно помнить, что здесь необходимо наше идейное

влияние, что организационные формы должны быть таковы, чтобы при помощи минимума коммунистов охватить максимум беспартийных крестьян. Задача не из легких. Но это—задача, которая —с точки зрения всего исторического процесса—является одной из самых благородных и одной из самых благодарных задач, какие только стоят у нас на очереди дня.

3. Культура советского чиновничества.

В связи с этим стоит и другой вопрос, который играет крайне существенную роль в действительной жизни и поэтому неизбежно принимает политический характер. Мы говорим о культуре советского чиновничества, в особенности о советских работниках в деревне.

Мы ставим вопрос здесь довольно остро и резко. В переходный период чиновничество до известной степени неизбежно. Оно исчезнет лишь тогда, когда культурный уровень масс настолько поднимется, и общественное сознание будет бить настолько горячим ключом, что каждый на деле будет принимать участие в управлении. Но беда наша в том, что у нас наши советские чиновники часто не имеют свойств хороших чиновников и отличаются качествами, которые ни в коем случае не могут быть терпимы. Это явление понятно. Во-первых, громадную роль играет нужда, в особенности в низовом аппарате. Во-вторых, это—неизбежное явление переходного времени. Мы разрушили старые нормы чиновничьей добродетели, с'ели чиновника с потрохами, дискредитировали его в общественном сознании, но не успели еще выработать своих правил, своих норм, своих порядков, не успели еще создать среди наших совслужащих такого рода связующее и очищающее начало, каким у буржуазной бюрократии была корпоративная честь и профессиональная добродетель. Нам нужно создавать культуру работников нашего совапппарата, формировать их идеологию; эта идеология должна бичевать, клеймить позором, ставить бубновый туз всякому совработнику, который груб, лает на посетителей, отсылает их без нужды от Понтия к Пилату, лихоимствует, страдает комчванством, задирает нос, неряшничает, нерадив по службе и так далее.

Все эти весьма элементарные и весьма прозаические вещи категорически необходимы нам. Без них мы прожить не можем, в особенности в деревне. Мы массу теряем от того, что какой-нибудь „коммальчишка" об'являет себя всезнайкой, когда он ничего не знает; или, как власть имеющий, „командует", когда нужно и можно убедить; или хватается за мандат и проявляет административное усердие, когда нужно подумать и осторожно и терпеливо выжидать.

Все это кажется мелочью с точки зрения больших задач, громадных битв, великих перспектив. Но нужно отчетливо понять, что в этих-то мелочах и заключается фундамент нашего будущего, ибо это и есть составная часть той переделки человеческой „природы", о которой говорил еще Карл Маркс.

Товарищи, которые поедут в деревню, должны быть носителями этой „ответственной культуры" „ответственных работников". Это одна из важнейших задач. Ее решением, в первую голову, можно укрепить наш советский аппарат, в том числе и низовой, деревенский аппарат, приблизить его к населению и сверху помочь делу борьбы с бюрократизмом, который продолжает еще быть нашим бичом.

4. Воспитание молодежи и детей.

Необходимо обратить также внимание, дав здесь соответствующий толчок, на дело воспитание молодежи и детей крестьянства. Кроме обычной работы комсомола, нужно пробудить инициативу и двинуть вперед дело переработки самого молодого поколения, детей крестьянства. Если из теперешних взрослых и даже юношества мы, в первую очередь, должны готовить кадровый состав, то за этой задачей не следует упускать другой задачи: задачи подведения человеческого фундамента под все наше строительство. Как есть у нас оборотный и основной капитал; как есть у нас текущая хозяйственная работа—с одной стороны, и электрификация—с другой, точно так же и в деле переработки человеческого материала. Мы в более или менее пожарном порядке готовим активые кадры строителей; мы страхуем себя от всяких чужеродных влияний, не пуская в Комсомол и партию иначе, как под строгим социально-классовым отбором. Но за этим мы не должны забывать и того, что нам предстоит переделать весь человеческий материал. И здесь самой важной задачей, задачей, так сказать, электрификационной, является воспитание крестьянских детей. Наше пионерское движение развито крайне слабо как раз в деревне. Это дело нужно двинуть вперед с максимальной быстротой. Дети гораздо легче поддаются влиянию, а через них мы будем подкапываться и под основные устои деревенского экономического и идейного „Домостроя".

5. Против шаблона.

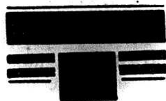
Во всей работе в деревне нужно остерегаться готовых мерок и шаблонов. Вообще, советский работник находится в более трудном положении, чем чиновник буржуазного государства. У того проторенные пути и дорожки, готовый штамп, готовые решения, проверенные десятками—если не сотнями—лет. Ничего подобного нет у нас. У нас поэтому ремесленник-чиновник—неподходящая фигура. Нам нужны люди, подмечающие все новое, оригинальное, свежее; люди, могущие понять это новое, сообразоваться с ним, форсировать рост этого нового, т. е. давать оригинальные решения.

Для этого нужна особая находчивость. К сожалению, ее не всегда хватает. Между тем, если мы хотим вести дело к социализму—а именно этого мы и хотим—необходимо самое внимательное нащупывание новых форм, зародышей и ростков этого нового в самых различных уголках общественного хозяйства, обще-

ственного быта, общественной психологии и идеологии. Только подмечая эти росточки, эти зеленя, мы можем двигать свое дело со всех концов, со всех сторон. Величайшим свойством тов. Ленина было именно то, что он всегда видел оригинальность положения, всегда отмечал—хотя бы самый малюсенький—зародыш нового, те звенья, за которые нужно тянуть, чтобы вытянуть, в конце концов, всю коммунистическую цепочку.

Об этой задаче точно также должны помнить наши товарищи, едущие в деревню. С каждым годом мы будем все сознательнее и сознательнее относиться к этой периодически повторяющейся работе. Эти летние культурно-политические кампании, этот живой культурный обмен веществ между городом и деревней будет воспроизводиться на все более широком основании.

Но нужно не дожидаться стихийных результатов этого процесса. Необходимо самым сознательным образом использовать этот опыт. Ибо—повторяем—у нас нет, с точки зрения пролетариата,—задачи более важной, чем задача правильного отношения между городом и деревней, деревней, о которой мы так позорно мало знаем.

Ник. Карев.

О группе „Рабочая Правда“.

I.

Когда говорят о возможности перерождения некоторых групп внутри нашей партии, то не всегда заслуженно в данном случае употребляют слово „перерождение“. Перерождение человека предполагает, что он когда-то был иным, чем в тот момент, когда злая судьба поймала его в свои цепкие лапы и направила по неправедному пути. Но кто бы назвал мошенника, прикинувшегося святым и в удобный момент обнаружившего свою истинную природу,—переродившимся? Тем более, что, как известно, и чрезмерная святость не лишена лукавства...

„Рабочая Правда“—прикидывается левой группой. Фразеология ее ультра-революционная и сугубо-пролетарская. Можно подумать, что авторы ее писаний спят и во сне заботятся лишь о нуждах и лишениях русских пролетариев, стонущих под гнетом советской власти и РКП. Несколько ее членов состояли даже членами нашей партии, правда, в огромном большинстве своем вступившими в нее намного позже Октябрьской революции и очень быстро дезертировавшими из нее под иные, более близкие их духу, знамена. Это того типа зеленая молодость, в которой больше плесени, чем зелени. Но все же на словах мы имеем перед собой как будто очень радикальную группу. Однако, только на словах. Задачей нашей статьи будет показать, как очень часто, подобно тому как, идя по кольцу слишком долго налево, в конце концов попадаешь направо, так же и в политической борьбе, под флагом весьма р-р-революционных и сокрушительных фраз, скрываются ренегаты пролетарской, действительно революционной борьбы. Это святая левизна того типа, которая очень часто оказывается хуже воровства. Очень и очень часто в отношении ее, как и в примере с „Р. П.“ („Рабочей Правдой“), нельзя говорить даже о перерождении. Через посредство всех подобных ей групп и фракций дезертируют от социалистической революции не настоящие ее ратники, не разлагающиеся от соприкосновения с чуждыми нам классами рабочие и коммунисты,—дезертируют люди, всегда очень мало общего имевшие с действительной борьбой пролетариата и идеологически ей чуждые.

„Рабочая Правда“ представляет собой пример не столько меньшевистско-буржуазного перерождения, сколько пример возрождения меньшевизма в нашей стране. Разобрать ее идеологию и программу значит показать массовику-партийцу те дрожжи, на которых вновь разбухает меньшевизм в современных условиях, те ошибки, на которых он растет.

Сама по себе группа „Рабочей Правды“ давно умерла и никогда никакой политической роли не играла. Мы позволим себе поэтому не особенно подробно разбирать ее практически-политические требования, тем более, что в них весьма мало нового, по сравнению хотя бы с меньшевиками, и оставим в стороне совершенно ее историю. Зато с тем большим вниманием должны мы будем сосредоточиться на ее идеологии, поскольку в ней мы находим целый ряд черт, которые сказываются и до сих пор в воззрениях некоторых групп внутри нашей партии. Это тем более важно, что в своих общетеоретических построениях „Р. П.“ опирается целиком и полностью на А. Богданова, книги которого, довольно далекие от марксизма, до сих пор, к сожалению, широко распространяются среди нашей молодежи.

При этом мы будем исходить главным образом из книги А. Богданова „Вопросы социализма“, вышедшей в 1918 г., т. е. после Октябрьской революции, и некоторым образом составляющей, в параллель старой книге Бернштейна, ревизионистское credo А. Богданова в отношении социалистической революции. Тожество взглядов „Р. П.“ и А. Богданова в вопросах теории, оценки нашей революции и задач пролетариата вряд ли нужно доказывать. Оно простирается вплоть до того, что проект общей части платформы „Р. П.“ заимствует у А. Богданова не только его идеи, но и его слова и выражения.

Начнем с рассмотрения общетеоретических взглядов „Р. П.“ и А. Богданова и их отношения к теории Маркса и Ленина. Тем самым мы должны будем прощупать те исходные принципиальные и методологические пункты, в которых коренятся все политические и тактические ошибки этих горе-героев нашего времени, выступающих во всеоружии богдановщины против нашей партии и пролетарской революции. Здесь для нас подтвердится старая истина марксизма, что теория и практика неотделимы друг от друга. Оппортунистическая практика неизбежно приводит в конце-концов к ревизии в теории (Бернштейн), ревизия в теории к оппортунистической практике (Богданов).

II.

Как известно, наша партия, рабочий класс в своей революционной работе опираются на учение Маркса, его теорию исторического материализма. Согласно этой теории не общественное сознание, идеология, определяет бытие, а общественное бытие определяет сознание. В основе человеческой истории лежит развитие производительных сил и соответствующих им систем производственных отношений. Они определяют собой разделение общества на классы, они составляют тот базис, на котором возвышается вся совокупность государственных, правовых и идеологических надстроек. Поэтому и освобождение рабочего класса может быть достигнуто, по Марксу, лишь путем революционной борьбы классов, результатом которой должно быть изменение самих материальных условий жизни общества, преобразование общественного производства на новых началах.

Таково учение Маркса. А. Богданов и группа „Рабочей Правды“—тоже „марксисты“. Ревизионизм почти всегда начинает с того, что не отрицает революционную теорию, а дает ей лишь новое истолкование, „дополняет“ и „подправляет“ ее, но непременно в „духе“ учителей. При этом достается по первое число „чересчур ортодоксальным“ ученикам, якобы гоняющимся за буквой учения и в ослеплении „авторитарной психологией“ не видящим ее сути.

Таким же путем идет и Богданов с „Рабочей Правдой“. Он тоже „марксист“, тоже всячески честит учеников типа Ленина, Плеханова (в философии) и др., тоже „развивает“ и „дополняет“ Маркса, но этот его дополненный марксизм нельзя назвать иначе, как марксизмом фальсифицированным. Нашей задачей будет показать, как из этого искаженного понимания марксизма вытекают с непреоборимой логикой все, и теоретические, и практические, ошибки и самого Богданова и его законных наследников на практике классовой борьбы — группы Р. П. Теоретические ошибки, отравленная пища для умов, в конце концов всегда приводят и к ошибкам практическим. Это можно показать на судьбах любого теоретического уклона и это же обязывает нас к такой бдительности в области революционной теории.

Рассмотрим же, в чем они заключаются у Богданова. Мы оставляем здесь в стороне его чисто-философские воззрения, в свое время разоблаченные Лениным, как идеалистические [1]), и сосредоточимся исключительно на богдановской теории общества.

Богданов исходит из того положения марксизма, что хозяйственная, трудовая деятельность людей есь тот базис, развитие которого определяет собой всю человеческую историю. Трудовая деятельность людей совершается посредством орудий труда, при помощи которых человек овладевает природой и приспособляет ее к своим нуждам. Возникающие между людьми отношения в обществе определяются теми отношениями, которые устанавливаются у общественного человека к орудиям труда. Экономика определяется техникой. „Так техника первобытного человеческого общества с его стихийной связью орудий с общиной в целом определяет и первобытно коммунистический строй общины. Ремесленная техника, связь орудия с отдельным работником, соответствует обществу меновому, мелко-буржуазному, ранне-капиталистическому, индивидуалистическому общественному строю. Машинная техника создает сознательно организованную связь между орудием и коллективом работников („Рабочая Правда“ № 2, стр. 17). До сих пор все как будто верно, хотя подозрительно выпадение из хода рассуждений богдановцев производственных отношений. Ведь производительные силы, техника, определяют собой не непосредственно отношения между людьми в обществе, а определяют собой прежде всего те отношения, которые складываются между людьми в процессе производства, в классовом обществе—отношения владельцев условий производства к непосредственным производителям.

Далее, сами производительные силы это не просто техника, а техника вместе с рабочей силой, охваченная ее трудом. А если это так, то тогда и развитие техники совершается не изолированно от развития всего данного нам экономического строя общества.

1 См. Ленин—Материализм и эмпириокритицизм, соч. т. X.

данных производственных отношений, а во взаимодействии с ними. И лишь тогда, когда рост техники, производительных сил, достигает такого предела, когда он более не может ужиться в рамках данной экономической структуры, он вступает с ней в противоречие, совершается революция и появляется новая экономическая система.

К чему же здесь ведем мы и к чему ведет Богданов? Экономика определяется техникой. Если взять это в таком изолирующем одно от другого виде, как это имеет место у Богданова и у „Р. П.", то неясно, чем же определяется техника, ее развитие? Поскольку мы отвлеклись совершенно от тех производственных отношений, в рамках которых происходит это развитие, например, для современной машинной техники,—от капиталистического производства, его потребностей, экономических движущих сил и т. д., поскольку перед нами вместе с орудием труда остается человек не как член того или другого класса, участник того или другого способа общественного производства (рабовладельческого, капиталистического и т. д.), а как просто человек, борющийся с природой и для этой цели употребляющий орудия труда. Тем же, что организует эту его деятельность, руководит техническим процессом, оказывается человеческая идеология, человеческое сознание. Во всем своем развитии, пишет Богданов, „идеология сохраняет тот же характер и значение: системы организующих форм производства, иначе говоря—организационных орудий общественного бытия людей"—(А. Богданов—Вопросы социализма, стр. 56).

Под флагом марксизма, таким образом, у Богданова на деле протаскивается самый неприкрытый идеализм. Достаточно привести, как иллюстрацию к этому, пример Богданова на той же странице. „Весь капитализм, - пишет он,—практически организуется при посредстве права частной собственности и морали индивидуализма". Делать ударение на праве частной собственности в характеристике капитализма и не понимать, что право частной собственности есть лишь юридическое выражение для вполне реального господства частной собственности, а в том последнем вся суть дела—это ведь перл! Ибо что значит—капитализм „практически" организуется? Имеет ли здесь в виду Богданов еще и его теоретическую организацию в своей собственной голове? И не организуют ли капитализм на самом деле не право с моралью, а экономические законы стоимости, конкуренции и т. д., только идеологическим и юридическим выражением которых оказываются право и мораль? Не указать на это, значит все на свете перепутать. Но зато, правда, тогда действительно идеология оказывается решающей силой исторического развития. Но если идеология оказывается организатором общественного строя, то спрашивается, как же все таки это примирить с марксизмом, который считает идеологию не базисом, не руководителем истории, а лишь одной из ее надстроек?

В ответ Богданов отрицает какое бы то ни было противоречие в своей теории и, наоборот, выискивает его у марксистов. Ответ его весьма прост. Идеология исторически вытекает из практической жизни, ее потребностей—рассуждает Богданов. Расписание поездов появилось позже изобретения паровоза. Но это

не мешеет этому же расписанию управлять движением поездов в наше время. Никудышность такого тяжеловесного, поистине паровозного, аргумента очевидна. Если зависимость идеологии от базиса такова только, что немыслимо ее самопроизвольное зарождение, как немыслимо расписание движения поездов до изобретения паровоза, но в дальнейшем она независима от практической жизни и даже определяет ее, управляет ею—где же здесь хоть гран от марксизма?

Мы привыкли считать, что по Марксу идеология не только исторически возникает из общественного бытия людей, но и на каждой ступени своего развития определяется им.

Но, восклицает Богданов, тогда здесь противоречие в самом марксизме. С одной стороны, идеология, например, классовое сознание пролетариата—надстройка, а с другой—основная задача рабочей партии есть развитие этого классового сознания. Отрицая за идеологией руководящее значение на словах, его признают на практике. Разве это не противоречие?—и вновь нашим глубокомысленным философом все поставлено вверх ногами, на голову.

Основная задача рабочей партии есть социалистический переворот, путь к нему—организованная борьба рабочего класса. В этой борьбе рост классового сознания играет важнейшую роль, но марксисты никогда не учили, революционные марксисты, что идеология никакой роли не играет. Так же, как в противовес оппортунистам, они никогда не учили, что социализм осуществляется сам собой, без самостоятельной борьбы пролетариата и его партии. Но рост классового сознания рабочих сам есть, при всем его значении, производная роста классовой борьбы рабочих, материальных условий их существования и т. д. Вот эта-то сторона дела игнорируется Богдановым. Он совершенно не понимает диалектического взаимодействия между техникой, экономикой и идеологией, того, что, будучи одним из необходимейших орудий революционного переворота, идеология действует все же не изолированно, а сама в свою очередь определяется иными, более глубокими общественными причинами.

После же того, как Богданов изолировал идеологию от всей остальной совокупности общественной жизни, естественно, что она стала вполне самодовлеющей силой, неограниченно властвующей в области организации и управления человеческим обществом. Это подобно тому, как если бы инженер возомнил себя неограниченным господином в капиталистическом предприятии, забыв совсем о той решающей зависимости, в которой он находится от использующего его, правящего им капиталиста.

Насколько несостоятельна богдановская точка зрения, показывают два приводимых им же примера.

Что идеология имеет руководящее, направляющее значение, следует, по Богданову, хотя бы из примера войны. „Что может быть поразительнее сплочения враждовавших только что классов передовой страны—буржуазных, полубуржуазных и пролетарских, в один реакционный истребительный блок посредством националистической идеологии, как это было в начале войны?"—восклицает Богданов.

Но что же может быть поразительнее этого „об'яснения для детей"?

Мы вовсе не собираемся отрицать здесь роль, которую играло в руках буржуазии разжигание националистических страстей в отсталых и мелко-буржуазных слоях населения. Но разве этой причиной может быть об'яснено событие, захватывающее основные интересы различных классов да еще передовых стран? Всякому политическому младенцу известно теперь, что предательство с.-д. во время войны определялось не только той поистине беспримерной волной лжи, которая лилась буржуазией в ряды еще отсталых рабочих масс, но и заинтересованностью верхушек рабочей аристократии в результатах войны и успехе своей отечественной буржуазии. Но там, где дело касается реальных интересов, Богданов слеп на оба глаза.

Или другой, более невинный, но от того еще более смехотворный пример. „Распоряжением правительства, замечает Богданов, переведена часовая стрелка на час вперед—административная поправка к астрономической формуле—и изменяются условия производства (??), потребление топлива, осветительного материала и пр.". Разве не блестящее доказательство управляющей роли идеологии? Переведите часовую стрелку—и условия производства изменились, потребление топлива и т. д. иные; без малого переворот во всей общественной жизни. Чем не чудодейственная сила идеологии? Пример тем более нелепый, что, не говоря уже о с ног сшибательном значении подобного изменения условий производства, само оно вызывается, ведь, хозяйственными же потребностями и совсем не является продуктом чистого, организационного, идеологического творчества.

Везде и всюду, служебную и посредствующую в хозяйственной и общественной деятельности, роль идеологии Богданов возводит во всенаправляющего и всеуправляющего организатора.

Но при всей беспомощности подобного идеализма в об'яснении общественных явлений, он имеет определенный общественный смысл и из него вытекают вполне определенные политические выводы.

Ради них мы и позволили себе занять столько места теоретической критикой социологии богдановщины.

Итак, если „основное орудие самоорганизации человечества—его идеология, общественное сознание", как пишет „Р. П.", то тогда уже не отношение производителей к владению средствами производства, как у Маркса, определит собой деление общества на классы, а то, в чьих руках оказывается идеологический опыт, кто господствует в области общественного сознания. Отсюда основное противоречие эксплоататоров и эксплоатируемых у Богданова и „Р. П." должно подмениться противоречием между организаторами и организуемыми. Классы возникают не с появлением разделения труда и частной собствености, а с выделением „хранителей и носителей идеологии, знания и опыта", организаторов, захватывающих в свои руки в силу этого своего положения производство,—т. е. точка зрения противоположная той, которую мы имеем у Маркса.

Отсюда схема деления истории на периоды ставится в зависимость от типа отношения организаторов к организуемым—

патриархов, феодалов, буржуа и технической интеллигенции в государственном капитализме. В этой последней—соль системы. Типы эксплоатации, зависящие от того, владеют ли непосредственные производители условиями производства и какую мы имеем форму собственности, подменяются типами организации. Богданову и „Р. П." мало дела до того, что вся эта схема не верна исторически, так как, например, весьма трудно указать, какую производственно-организационную роль играет современный рантье, пайщик какого либо акционерного общества. Богданов совершенно игнорирует тот факт, что в капиталистическом обществе организует не капиталист, а его капитал, на чем особенно настаивал Маркс. Но что до исторической правды Богданову? Разве дело в ней? Ведь истинно, по Богданову, лишь то, что социально значимо, т. е. попросту то, во что поверит большинство людей. Мало ли на свете дурачков и особенно в среде столь беспокоющей сердце Богданова интеллигенции?

Итак, классовое разделение общества проходит по линии организаторов и организуемых, исполнителей. Социализм должен привести нас к тому, что все человечество станет коллективным организатором общественной жизни. Идеологический опыт должен будет перестать быть достоянием небольшой группы людей и стать достоянием всех. Но если это так, то путь к социализму должен рисоваться Богданову совсем иначе, чем всем остальным грешным марксистам. И, конечно, тогда великим борцам за пролетарскую культуру из „Р. П." не по дороге с РКП. Разберем же, в чем здесь дело.

III.

Для марксистов, для большевиков, для ленинцев путь к социализму—путь классовой борьбы. В классовой борьбе пролетариат должен завоевать государственную власть, обобществить производство и, опираясь на свою диктатуру в государстве и на социализированную промышленность, построить такой общественный порядок, при котором отмерли бы сами общественные классы и государство. Для Богданова и „Р. П."—все наоборот. Они совсем не понимают роли политической борьбы, для них не существует проблемы диктатуры пролетариата. О ней нет нигде ни слова. Если социализм дело только и прежде всего обобществления идеологии, то естественно, что путь к нему—культурное воспитание пролетариата, пролетарская культура. Так культурная задача не сопутствует политической, а подменяет ее. Преувеличенное воззрение на роль культуры, хотя бы и пролетарской, оказывается лишь ступенькой по пути на буржуазную точку зрения, по пути к меньшевизму. Если социализм есть проблема культуры, и путь к нему есть путь исключительно культурной работы, то это в переводе на политический язык есть чистейший реформизм и утопизм, чистейшая маниловщина. Ни Богданов, ни „Р. П." не понимают совсем тех специфических трудностей, которые стоят перед пролетариатом в деле строительства социализма в силу его особо угнетенного положе-

ния в буржуазном обществе (см. у Бухарина в статье „Буржуазная революция и революция пролетарская"). Утопия Богданова—это утопия такого типа „врастания в социализм", который навеки обеспечивает его невозможность. В этой подмене культурно-организационной задачей задачи политической—реакционность всей богдановской системы. Это подобно тому, как если бы мы лечили болезни вместо лекарств заклинаниями.

Но ход мысли Богданова не останавливается на одной „программе культуры".

Исходя из своей всеобщей организационной точки зрения, Богданов, а за ним и „Р. П.", как мы видели, рассматривает и социализм, прежде всего, как проблему организационную. В деле организации основное—план. План же есть явление идеологического порядка. Отсюда—всезаполняющий панидеологизм Богданова. Вот ход его мысли. „Хозяйственный", как и всякий вообще „план", есть сам по себе идеологическое построение, продукт тех или иных методов мышления, и путь к реализации плана идет всецело через развитие классового сознания, т. е. оформленной классовой идеологии". Богданову невдомек, что план носит действительно чисто идеологический, а потому и совершенно бесплотный, формальный характер лишь до тех пор, пока он измышляется из головы и, опираясь на одни голые „методы мышления", пока совершенно забывает о тех реальных элементах, через посредство которых он может быть осуществлен в действительности, что реальный план не носит поэтому характера вымученного выверта из предвзятых организационных методов, а создается путем учета и роста связи реальных хозяйственных сил.

И здесь технически-организационная задача заменяет собою политическую проблему отношений между классами, установления связи между ними в данной совершенно конкретной хозяйственной обстановке и т. д. так же как раньше ее подменяла проблема культурная. И в том и в другом случае уклон от марксизма и ленинизма, так как гениальность Ленина как раз и заключалась прежде всего в величайшем уменьи отыскивать звенья политической борьбы, отношений пролетариата и крестьянства и т. п. При выпирании культурного или технически-организационного момента неизбежны в первом случае недооценка роли политической и централизованной партии, переоценка роли идеологии; во втором случае недооценка политического руководства партии, переоценка организационно-технических методов и задач. И то и другое синтетически соединено в „Р.П."—отсюда ее сугубый теоретический ревизионизм и политический меньшевизм.

Самый путь к социализму поэтому для Богданова не „скачок, а трудный путь", в противовес Энгельсу. Никто, и, конечно, Энгельс в том числе, не думал никогда, что социализм может быть построен в пять минут. В данном случае смысл „скачка" у Энгельса в революционном осуществлении социализма, точно так же, как смысл „трудного пути" у Богданова в его реформистской „программе культуры".

IV.

Естественно, что общий реформистский дух учения Богданова должен был отразиться и на оценке им и его учениками нашей революции. Здесь, таким образом, мы подходим к непосредственным политическим требованиям „Р. П." Они могут быть характеризованы двумя словами: чистейший меньшевизм. Прежде всего это касается общей оценки переживаемой нами эпохи. Для Ленина это период загнивания капитализма, период социалистической революции. Для Богданова „социалистической революции в Европе, как и в России, теперь не будет (писано в 1908 г. Н. К.). В ней возможны лишь иные революции". Богданов из всех сил доказывает, что финансовый капитал во время войны потерял былое значение и возросло вновь значение промышленного капитала. Это ему нужно для того, чтобы показать способность капитализма восстановить свои силы, но на этот раз при содействии нового общественного класса — технической интеллигенции, организующей производство в новой форме, в форме государственного капитализма. Во всем этом Богданов остается верен своей организационной точке зрения, подменяющей борьбу противоречий гармонической организационной схемой. Отсюда же отрицательное отношение к большевистскому „максимализму" и трафаретно-меньшевистское выведение военного коммунизма из солдатской идеологии. Но что же такое тогда, с этой точки зрения, наша партия и октябрьская революция?

Большевизм был рабочей партией до „Октябрьской революции",—пишет „Р. П." До? Не лучше ли сказать, до тех пор к нему примыкал Богданов? Не правда-ли? „Р. П." видит, впрочем, также революционность б-ков и в их антимилитаристской позиции во время войны, но не понимает при этом, что и здесь гвоздь дела не в том, о чем говорит „Р. П.", а в требовании смены войны империалистической — войной гражданской. Точка зрения „Р. П." оказывается и в данном случае точкой зрения интеллигентского пацифизма, очень недалекого от меньшевиков.

Но чем же тогда была октябрьская революция? Революцией буржуазной—в униссон с меньшевиками отвечает „Р. П." Однако, при этом она стремится прокричать и свою ноту, от которой получается такая какофония, что даже меньшевик Далин затыкает от нее уши, в, казалось бы, ко всякой пакости привыкшем „Соц. Вестнике".

Октябрьская революция, с точки зрения „Р.П.", установила в России государственный капитализм и Р. К. П. стала партией ныне господствующего класса—организаторской интеллигенции. В этом открытие „Р.П.",—РКП переродилась в партию организаторов и руководителей государственного аппарата, в партию новой буржуазии. Это открытие, надо отдать ему справедливость, вполне вытекает из всей теории богдановщины. Если организаторы и организуемые та линия, по которой проходит классовое деление общества, то естественно, что можно и ответственных советских работников, администраторов, специалистов превратить в особый общественный класс. Мало беды в том, что значительная часть такого, с позволения сказать, класса (спецы) после Октября саботировала изо всех сил, отчасти саботирует и до сих пор (дело Клера и др.) нашу

т. е. якобы свою, партию. Что до истины, когда зато есть прекрасная схема.

С точки зрения марксизма ошибка в ней совершенно очевидная. Перерождение определенных слоев нашей партии, занятых в хозяйственной и административной работе, возможно, частично даже совершается (свидетельство тому чистка), но корень дела совсем не в том, что те или другие группы исполняют организаторские функции. Если стать последовательно на эту точку зрения, то вообще надо признать вредной всякую организационную работу в силу неизбежного отрыва организатора от массы,— точка зрения попахивающая одновременно анархизмом и преувеличенной оценкой значения организатора, власти, столь типичная для интеллигентского и мелко-буржуазного индивидуализма. Дело в том, что в хоз. и админ. работе члены партии соприкасаются с враждебной нам средой и материально ставятся в такие условия, которые способствуют их разложению.

В этом реальная опасность и возможность перерождения, а не в богдановских небылицах. Вновь и вновь технический и организационный момент преобладает над политическим и классовым. Когда Богданов и „Р. П.“ пишут о перерождении в силу того, что партия или отдельные ее работники исполняют авторитарную, аппаратную роль, то это так же умно, как и об'яснение Богдановым оппортунистических и религиозных предрассудков из отсутствия у массы организационной точки зрения (см. наприм., „Вопросы социализма“, стр. 66). Наилучшим опровержением такого типа разговоров о перерождении партии является простой факт ленинского призыва. Но это не значит, что не надо закрывать глаза на действительные опасности перерождения, которые идут из нашего советского и хозяйственного аппарата, в котором представители нашего класса теснее всего соприкасаются с мелкой и нэповской буржуазией, в котором они ставятся в такие материальные условия, которые при современном хозяйстве, когда еще не отмерли остатки капитализма в нашей стране, облегчает для неустойчивых элементов отрыв от своего класса и разложение. Но это не имеет ничего общего с богдановским пониманием разложения в результате голого выполнения работником организаторской функции.

Еще большая путаница у „Р. П.“ по вопросу о нашем капитализме. Здесь же мы переходим к отношению „Р. П.“ к нэпу.

Схема очень проста. Раз у нас есть буржуазия и есть наемный труд, товарное обращение, значит наш строй буржуазный. Раз строй буржуазный—то нет рабочей власти, а у власти буржуазия. Схема чисто-меньшевистская. Так же, как и у меньшевиков ранее не было понимания возможности для пролетариата играть роль авангарда в буржуазно-демократической революции, так же и теперь Богданов и „Р. П.“, не понимают диалектического положения рабочего класса, допускающего в известных пределах рост капитала для укрепления своей социалистической промышленности с целью тем более верного уничтожения его в будущем.

Но какой же у нас капитализм, по теории „Р. П.“? Капитализм государственный. „Р. П.“ при том абсолютно не понимает того смысла, который вкладывал в этот термин Ленин. Она не видит капитализма там, где он зреет на самом деле, и ищет его там,

где его нет. Наша социалистическая промышленность для нее есть база государственного капитализма, в то время как она есть база социализма [1]). Основные же элементы государственного капитализма составляют сдаваемые нами в аренду и на концессии предприятия, смешанные общества. Самый всамделишний частный капитал представляют в Сов. России частные торговые и промышленные предприятия. Но их-то „Р. П.“ опасливо обходит. О новой буржуазии „Р. П.“ говорит, что „лавочники разные, арендаторы и другие собственники веса большого не имеют—капиталов у них мало“. Действительную опасность роста частного торгового капитала „Р. П.“ сознательно игнорирует, для нее она не существует. Более того, она заявляет, что производство должно быть восстановлено и развито путем рационализации производства (?) и путем привлечения иностранного капитала, концессии которому должны быть даны, но так, чтобы они не закабалили страну. Оговорка в устах „Р. П.“ для дурачков. О рационализации производства несколько слов ниже. Сейчас же экономическая программа „Р. П.“ очевидна—не угнетать частного торговца, пустить концессионера и бороться с государственной социалистической промышленностью. Замечательна в этом отношении точка зрения „Р. П.“ на экономическую борьбу рабочих и „производственную“ точку зрения. Много страниц посвящается во всех писаниях „Р. П.“ необходимости организации экономической борьбы рабочих за улучшение своего положения на государственных заводах. В этом направлении Р. П. не стесняется никакой демагогией. „Р. П.“ за стихийный экономизм рабочих, который требует переводить на рельсы борьбы с „коммунистическими фетишами“, против нашей партии и во вне и внутри ее. Но нигде нет ни слова об экономической борьбе на частных и концессионных предприятиях. Осуждая производственную точку зрения, как эксплоататорскую, „Р. П.“ вместо нее выдвигает невиннейшее требование рационализации производства, которое, очевидно, должно подменить политические проблемы, стоящие перед рабочими. Все тот же технически-культурный мотив. В такой форме экономизм „Р. П.“ оказывается простой попыткой буржуазии, как по своему об'ективному смыслу и в старом экономизме,—использовать стихийное рабочее движение в своих целях и направить его по анти-коммунистической и антисоветской линии.

Во всех рассуждениях „Р. П.“ о госкапитализме и наемном труде в Советской России основная ошибка та, что она совсем не понимает изменения положения наемного рабочего на предприятии с переходом его из рук частного капитала в руки рабочего государства. В данном случае, если отвлечься от части, отхватываемой у нас, в силу недостатков государственной торговли и т. д. частными посредниками и проч., мы уже не имеем эксплоатации в старом смысле слова. Рабочий никогда не будет получать полный продукт своего труда (см. у Маркса в „Критике готской программы“). Вся проблема заключается в том, чтобы он получал то, что может ему дать промышленность на данном уровне раз-

---

[1]) Ср. Ленинскую схему сосуществования у нас в России различных типов экономических структур в его брошюре о продналоге, а также его замечания в статье о кооперации.

вития производительных сил и за вычетом того, что совершенно необходимо для удержания его господствующего положения в обществе. Поэтому наш директор для рабочего не старый хозяин, наш наемный рабочий не только наемный рабочий, но и один из участников владения всем общественным производством. Отсюда и его заинтересованность не только в своей заработной плате, но и в процветании общественного производства. Но все это для „Р. П.“ книга за семью печатями. Вся ее революционность лишь в том, что она ничегошеньки не понимает в революции.

Правда, „Р. П.“ иногда не прочь отдать дань даже антинэповской фразеологии. Но это толко фразеология. Поддерживая все оппортунистические элементы, когда бы то ни было бывшие в нашей партии, в частности Мясникова, „Р. П.“ ругает его за синдикализм и утопизм. Антинэповская фразеология главным образом характерна для ее популярных изданий для рабочих. Здесь мы имеем обычную буржуазную агитационную двойную бухгалтерию.

Итог „Р. П.“ следующий—Октябрьская революция выявила неподготовленность пролетариата к организационной задаче, привела к власти техническую интеллигенцию, мы имеем не кризис, а под'ем капитализма, выход в том, чтобы пойти на выучку... ко всеобщей организационной науке и пролетарской культуре выпечки Богданова. Но отсюда не далеко до пути на выучку к капитализму!

V.

Политическая программа „Р. П.“ не дает ничего нового по сравнению с меньшевизмом. То же непонимание роли крестьянства (для члена группы Ивановой—оно лишь „пушечное мясо“, авантюристическая формула), так же нет ни слова о советах, то же требование демократии (только у Богданова откровеннее, чем у „Р. П.“—„как постоянный государственный порядок, эта (советская) система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентская демократическая республика и в сущности совсем непригодна“). То же требование свобод, отрицание „фетиша диктатуры“ и т. д.

А в заключение—логика для сумасшедших—требование в мировом масштабе единого фронта против организаторской интеллигенции, выделяющейся из среды рабочего класса. „Р. П.“ даже надеялась некогда использовать для этой цели Коминтерн, но тому помешала связь его с „капиталистической Россией“. В переводе на наш язык это означает, что „Р. П.“ рассчитывала на западно-европейское коммунистическое движение в тот период, когда оно было менее большевистским, чем сейчас. Хороший пример для тех, кто до сих пор не забыл фраз о русском засилии. Борьба против русского—в данном случае оказывается лишь маской для борьбы против большевистского.

На этом можно, пожалуй, и кончить наш разбор идеологии и программы „Р. П.“, поскольку тактика ее ничем не отличается от всех других такого же типа групп, всегда ставящих себе исходной целью расшатать основной устой нашей пролетарской диктатуры—нашу партию. Стоит отметить значение, придаваемое „Р. П.“ пролеткультам и требование эмансипации их от советских органов.

Мы позволили себе несколько смять изложение политических воззрений „Р. П.“ еще и потому, что меньше всего группа эта может рассчитывать на роль идеолога каких бы то ни было слоев рабочего класса, как это отчасти имеет место хотя бы в отношении мясниковщины. Диалектика судьбы богдановщины и ее последышей из „Р. П.“ в том и заключается, что, провозглашая, везде и всюду борьбу с технической и организаторской интеллигенцией и тем самым переоценивая ее роль, на деле сама богдановщина является ничем иным, как идеологией этого типа интеллигенции. Поэтому и в коммунистическом движении уклоны типа Богданова возможны скорее всего в интеллигентских группках к нему так или иначе примыкающих. Как раз для интеллигенции, мелко-буржуазной и буржуазной, наиболее характерны—эта преувеличенная оценка роли идеологии, схематизм, переоценка значения формы, организационного момента и недооценка учета той реальной обстановки, в которой развивается классовая борьба. Ремесленник умственного труда—интеллигент во всем прежде всего видит работу мышления, созданную в его уме схему и не видит скрывающуюся за ней и целиком определяющую действительные задачи политическую обстановку.

Отсюда вытекает для партии важнейший урок—обязательно следить за всеми ошибками в этом отношении, так как логика их развития, как показывает пример „Р. П.“, неизбежно ведет от марксизма и ленинизма к меньшевизму. Внимательнейшим образом следить за теми действительными процессами, которые совершаются в стране в отношениях между классами и внутри самих классов. Изучать элементы того действительного перерождения, которое определяется давлением на партию мелко-буржуазной и буржуазной стихии и которое, как мы видели на опыте „Р. П.“, приводит в конце концов к дезертирству от революции, защите интересов буржуазии против рабочего государства, хотя бы и под флагом фразеологии сугубого рабочелюбия, в конечном итоге—к отказу от самой мысли о социалистической революции, подменяемой культурным, хотя бы и пролеткультурным, постепеновством.

Эта идеология мелко-буржуазных и интеллигентских попутчиков революции, отходящих от нее, должна встретить беспощадный отпор со стороны партии, партии, которая никогда не позволяла затуманивать лежащую перед ней перспективу борьбы за социализм с иностранным и нэповским капиталом—бесплодными рассуждениями о перерождающихся организаторах и всеисцеляющем культурничестве.

А. Слепков.

Об уклонах и возможных путях возможного перерождения.

Статья вторая.

Некоторые процессы, играющие значительную историческую роль, протекают одновременно в ряде этажей социального здания. Обратимся хотя бы к следующему примеру. Необычайно крупной проблемой, которая встала перед рабочим государством в эпоху социалистического строительства, является проблема физического оздоровления рабочего класса, столетиями истощаемого капитализмом.

Разумеется, эта задача может разрешаться только по мере нашего экономического укрепления, по мере улучшения материальных условий существования рабочего, вместе с повышением культурного уровня и изменением к лучшему нашего быта. Словом, на 75% это есть задача профилактическая: у нас не будет болезненного, физически нездорового рабочего, если будут обеспечены хорошие—в социально-гигиеническом отношении—условия жизни.

Особенно трудной в этом отношении представляется нам проблема преодоления профессиональных болезней. При знакомстве с разными категориями рабочих крупного предприятия, особенно поражает тот факт, что в соответствии с дробным разделением труда, в рабочей среде имеется дробное разделение болезней по профессиям. Возьмите, например, какое нибудь крупное кожевенно-обувное предприятие. В дубильном отделении поражает высокий процент ревматиков, у собственно-сапожников—туберкулез; среди работающих над точной и мелкой отделкой—порча зрения и т. д. Бороться с этими профессиональными болезнями очень трудно потому, что в наших предприятиях чрезвычайно живучи еще и надолго неустранимы элементы дробно-мануфактурного разделения труда, неизбежно связанные с уродливой непропорциональностью в степени развития различных частей организма у рабочих различных специальностей.

До известной степени аналогичные явления имеются и в политической области, даже в рамках нашей партии.

Р. К. П. стоит перед громаднейшими задачами строительства социализма. Она правящая партия, внутри которой существует сильно дифференцированное разделение труда, являющееся базой для пестрых оттенков в общей коммунистической идеологии: НЭП создает обстановку, благоприятствующую развитию и проявлению в различных группах нашей партии тенденций центробежного характера.

Достаточно взглянуть на условия хозяйственного строительства социализма, чтобы увидеть эту особенность эпохи.

Город и деревня смыкаются через рынок; через рынок же происходит обмен веществ и между различными отраслями социалистической промышленности. Последнее обстоятельство маскирует социально-экономическое единство пестрого ряда различных советских производственных комплексов и возрождает в несколько иных формах и иной обстановке конкурентную борьбу внутри социалистической хозяйственной системы; борьбу, которая находит и свое идеологическое выражение в ведомственно-профессиональном уклоне у руководителей данного предприятия или группы предприятий.

Моменты антагонизма появляются и в более широком масштабе между различными организациями советского общества: профсоюзами и хозяйственными советскими учреждениями, организациями, руководящими производством и организациями распределительными и т. д. и т. д.

И всюду, на каждом участке советского фронта, в этих условиях дробного разделения труда в товарном обществе—неизбежно появляется уродливая гипертрофия ведомственно-профессионального идеологического момента, аспект профессиональной колокольни.

Бытовым явлением стали в наших условиях ведомственные трения: совершенно конкретное содержание в глазах всех имеют такие понятия, как „ведомственный подход", „ведомственная слепота" и т. д.

Эти явления учитываются нашей партией, которая правит вожжами всего советского общества и координирует деятельность отдельных отрядов коммунистической армии: здесь с многих товарищей снимаются их ведомственно-профессиональные очки и перед ними развертываются общие задачи строительства социализма, которым подчиняется и частная работа этих товарищей.

Нас не занимает сейчас пестрое многообразие профессионально-ведомственных болезненных уклонов; нас интересует та общая тенденция, которая намечается в этом многообразии, то характерное и типическое, что является общим для самых пестрых форм этих уклонов.

Это общее, с нашей точки зрения, заключается в подмене политических проблем техническими, в уклоне, который можно назвать „техницизмом".

II.

„Техницизм" проявляется в самых различных отраслях нашей советской политики.

Обратимся, прежде всего, к промышленной политике.

Мы подчинили себе значительное количество спецов, ставших служить советской власти верой и правдой. Но много ли среди этих спецов доросло до общегосударственной точки зрения. Многие ли из них способны рассматривать свою хозяйственную деятельность в аспекте общесоциалистического хозяйственного строительства. Едва ли кто ответит на этот вопрос положительно. Типичный спец может недурно руководить технически-организа-

ционной работой предприятия, но соразмерить и сочетать эту работу с общим хозяйственным движением советского общества—он не в состоянии, ибо здесь встают во всей своей огромности и сложности вопросы политики.

Но спецовская однобокость не чужда зачастую и коммунисту-хозяйственнику. Когда мы разрешали вопрос о некоторых изменениях нашей промышленной политики для сжатия „ножниц" (что имело громадное политическое значение)—целый ряд хозяйственников был против снижения прибылей, ибо для них существовала только проблема технического оздоровления промышленности без тени понимания тех политических условий, которые необходимы для этого оздоровления.

Тем же техницизмом веет от преувеличения роли плановости в наших хозяйственных условиях; гипертрофия плановости, проявляющаяся в переадминистрировании—имеет почву в непонимании социально-политических условий хозяйственного строительства, в подмене политико-экономической организационно-технической проблемой [1]).

Проблема „ножниц" взволновала и сельско-хозяйственных работников.

Ряд товарищей тогда устно и письменно пытался доказать, что главная проблема не в „ножницах", а в развертывании работ по землеустройству.

Очень памятно нам выступление одного видного партийного практика-аграрника, доказывавшего, что повышать цены на продукты сельского хозяйства не стоит: главное, лучше поставить землеустройство и агрономическую пропаганду.

Ход рассуждений у товарища был, примерно, такой: хлеб дешев—это верно; но почему бы не посоветовать крестьянину за счет этого дешевого хлеба подразвить лучше животноводство, например, употребить этот хлеб на откорм свиней.

Мы не отличаемся магометанской нетерпимостью к свинье и совсем не возражаем против культуры свиноводства, но являлось бы свинством по отношению к крестьянству, если бы мы считали это предложение разрешающим проблему „ножниц".

Прекрасно, скажем мы: выкормим дешевым хлебом свиней. Но со свиньями-то что делать? Ведь „ножницы" постригли и крестьянскую свинью.

Технически-агрономическая работа нужна, но не нужно и вредно забвение политико-экономических проблем, разрешение которых является условием, предпосылкой рационализации хозяйства.

Совсем недавно мы имели литературную дискуссию о вопросах преподавания общественных наук в высшей школе, и здесь на просвещенческом фронте мы встретили тот же самый организационно-технический подход к вопросу громадной политической важности, который мы отметили выше в нашей хозяйственной политике.

Проблема заключалась, во-первых—в актуализации преподавания общественных дисциплин и, во-вторых, в согласовании их между собой.

[1]) Здесь „цеховщина" и „техницизм" встречаются вместе отнюдь не случайно; в некоторых отношениях это методологически родственные течения. А. С.

Некоторые товарищи полагали, что в целях лучшей педагогической организации материала следует соединить ряд общественных дисциплин, как то:—политическую экономию с экономической географией, историю—с историческим материализмом и т. д. и т. п.

Мы не против борьбы со схоластицизмом, не против методического освежения преподавания общественных наук,—мы за это.

Но едва ли марксист может стерпеть и не ринуться в драку, если под видом реформы методики преподавания ему подносят ревизию методологии марксизма, ибо разве соединение теоретической экономии (т. е. теории капитализма) с экономической географией не есть попросту уничтожение и первой, и второй, не есть результат непонимания методологии марксизма?

И здесь педагогически-организационная точка зрения заслонила политико-методологический аспект, обязательный для марксиста.

Аналогичный уклон в „техницизм" имеется буквально во всех отраслях нашей советской политики.

Все эти проявления „техницизма" свидетельствуют об одном: нам грозит опасность не только со стороны крестьянско-кулацкого уклона, не только со стороны „цеховщины", но и со стороны технически организаторского аполитицизма.

Этот последний уклон имеет и своего идеолога, логически развернувшего аргументацию за методологию „организаторско-технической интеллигенции": им является А. А. Богданов.

История сыграла с ним только ту же самую злую шутку, которую она сыграла с меньшевиками. Когда то меньшевики обвиняли большевиков в том, что последние своей тактикой подчиняют рабочее движение буржуазной гегемонии; будучи в своих собственных глазах идеологами самостоятельного классово-осознавшего себя движения пролетариата, меньшевики об'ективно, на деле приложили все силы к тому, чтобы обеспечить гегемонию буржуазии над пролетариатом.

Являясь вдохновителем контр-революционной „Рабочей Правды", которая писала о технически-организаторском буржуазном перерождении Р. К. П. и советской власти, А. А. Богданов на деле, фактически, по методологии своего мышления, является бесспорным идеологом именно техническо-организаторской интеллигенции.

Но кто-же теперь, после исторического разоблачения мелко-буржуазных партий, судит о социальной сущности политической партии по тому, чьей партией считает себя она сама?

Наша партия вслед за Лениным скажет: „Только круглый дурак верит на слово в политике".

А. Стецкий.

Новые откровения г. г. Гильфердинга-Каутского.

Одновременно с «Большевиком» в апреле этого года в Берлине начал выходить под редакцией Р. Гильфердинга, автора «Финансового капитала» и бесславного министра финансового правительства Штреземана ежемесячник «Общество», (Die Gesellschaft. Internationale Revue für Socialismus und Politik). В журнале принимают участие такие матерые представители II Интернационала, как Бауэр, Каутский, Вандервельде, Брантинг и проч. Каутский, растерявший на старости лет последние остатки марксистской идеологии и превратившийся в гнусного соратника королевских министров от социализма, шамкает по поводу выхода в свет этого журнала, что последнему предстоит сыграть для международной социал-демократии такую же роль, какую играл когда то „Neue Zeit", и стать теоретическим органом новой, четвертой фазы марксизма, характеризующейся приходом к власти рабочих правительств такого типа, как английское.

Букет имен, украшающих обложку журнала, дает уже представление об его физиономии. Конечно, с марксизмом журнал ничего не имеет общего, хотя ученые реформистские попы и продолжают по старой традиции прикрывать кое где для приличия свои рассуждения обрывками марксистской фразеологии. Не марксизм, а измена ему,—таков настоящий лозунг этой социал-предательской компании. Прикрашивание капиталистического общества, вместо его критики, затушевывание противоречий капитализма в его новой современной фазе, вместо их исследования и раскрытия, проповедь реакционных, мещанских иллюзий, против которых сами боролись когда то и Гильфердинг и Каутский—такова линия этого журнала. Он является, таким образом, органом, в котором находит себе теоретическое выражение и обобщение реакционная практика международной социал-демократии, направленная к защите и укреплению капиталистического строя (чего стоит один только призыв Каутского—содействовать восстановлению капиталистического производства), ее предательская политика по отношению к рабочему классу.

Но социал - демократия является еще крупной силой, главным врагом коммунистического движения. Поэтому не лишне познакомиться с тем, как расценивают теперешнюю обстановку ее теоретики, какие принципы тактики и какие задачи они теперь выдвигают.

* * *

Наибольший интерес представляют статьи Гильфердинга и Каутского. В своей руководящей статье «Проблема эпохи» (Probleme der Zeit) ex-министр Гильфердинг ревизует Гильфердинга—автора «Финансового капитала». Рассматривая изменения, происшедшие в капиталистической системе за время войны и в послевоенный период, автор при-

ходит к выводам, ликвидирующим основные положения «Финансового капитала».

Военный и послевоенный период капитализма характеризуется усилением тенденций концентрации. «Развитие картелей и трестов получает сильнейший толчок. Наступает конец эпохи свободной конкуренции. Большие монополистические об'единения становятся, в тесной связи с банками, в которых концентрируется и которым и предоставляется в распоряжение хозяйства общественный капитал, решающими властителями хозяйственной жизни. Разделенные раньше формы промышленного, торгового и банкового капитала стремятся к единству в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму». Отсюда можно было бы—следуя автору «Финансового капитала»—сделать выводы относительно дальнейшего обострения капиталистических противоречий, конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими монополиями внутри страны и на мировом рынке, не изживания, а обострения кризисов, об усиливающейся опасности империалистических войн и проч.

Однако, ex-министр и теоретик II Интернационала приходит к прямо противоположным выводам.

«Это является попыткой регулирования и организации общественных производительных сил в интересах распоряжающихся средствами производства слоев... *Неустойчивость капиталистических отношений уменьшится, кризисы, или по крайней мере их действие на рабочий класс, смягчатся.* Планомерное распределение новых вложений капитала большими трестами, известная осторожность при новых инвестированиях основного капитала во время высокой кон'юнктуры соответственное регулирование кредитов со стороны больших банков, поддерживаемое соответствующей денежной политикой центрального банка, были бы средствами такой политики».

Таким образом, не обострение противоречий капитализма, а их смягчение, не усиление капиталистической анархии, а замена ее планомерным регулированием, не банкротство капитализма, а его восстановление и укрепление, вот что несет по мнению автора—новая фаза капитализма. И это пишется Гильфердингом, который в «Финансовом капитале» утверждал, что «капиталистический кризис как раз представляет явление мирового рынка,—и чем дальше тем больше», что, следовательно, изменения в структуре капитализма одной страны не спасают весь капиталистический мир от анархии и кризисов, что, наконец, и внутри страны «картели не могут воспрепятствовать возникновению кризисов: в такой же мере не могут они избежать их действия». Положение, очевидно обязывает: хоть и экс—но все-таки министр Гильфердинг, по долгу социал-предательской службы, повторяет теперь усыпляющую сказку вульгарных экономистов о преодолении кризисов. Повторяет в то время, когда капиталистическое хозяйство, вышедшее из состояния равновесия, запутавшееся в глубочайших противоречиях, в течение семи лет после окончания войны не может двинуться с места и продолжает биться в тисках хронического кризиса... [1]).

---

[1]) Любопытно сравнить эти рассуждения Гильфердинга насчет упрочения капитализма в после-военную эпоху с рассуждениями на ту же тему некоего „товарища Бориса" в № 11—12 „Die Internationale". Сдается, что сей „ультралевый" товарищ позаимствовал целиком свою теорию у социал-предателя Гильфердинга.

С другой стороны, по Гильфердингу «Новая эра» сулит рабочему классу значительное улучшение жизни. «В таком иерархическиом организованном капиталистическом хозяйстве модифицируются одновременно и отношения труда. Они приобретают устойчивый характер, безработица становится менее угрожающей, ее действия смягчаются путем (социального) обеспечения... Социальная реформа, в первую очередь в виде обеспечения на случай старости, инвалидности, безработницы, затем как средство, путем ограничения рабочего времени, сделать механизированный, но в то же время чрезвычайно интенсивный процесс труда сносным для относительно хорошо оплачиваемой рабочей армии,— обеспечит свое консервативное действие и будет вызывать приспособление (Anpassung) рабочего класса к этой хозяйственной системе». Что капиталисты крупнейших империалистических стран подкупали и подкупают свой рабочий класс за счет грабежа колоний и тем стараются «примирить» его с капиталистическим порядком—это правильно. Однако, хронический кризис, переживаемый в настоящее время мировым капитализмом—ослабляет возможности такого подкупа. В большинстве капиталистических стран, особенно в странах побежденных, буржуазия стремится переложить тяжесть кризиса на рабочий класс и за его счет восстанавливать свою хозяйственную систему. Не повышение, а понижение жизненного уровня,—сокращение реальной заработной платы; не улучшение, а ухудшение условий труда—ликвидацию восьмичасового рабочего дня и массовую безработицу принесла с собой новая эра капитализма. И потому не миром между классами, как того хочется реформистскому попу Гильфердингу, а обострением противоречий и борьбы между ними, выражающимся в периодических упорных стачках, вооруженных восстаниях рабочих, ставящих под вопрос капиталистический порядок—характеризуется эта новая эра.

Гильфердинга дополняет Каутский, возвещающий самоновейшую теорию крушения капиталистического общества.

«Конечно,—говорит он,—социализму должно предшествовать банкротство капитализма, *однако, его моральное банкротство перед массами, а не экономическое банкротство, как результат остановки* (Vergagen) *производства.* Капитализм ведет к социализму через перепроизводство, в то же время, как феодализм, именно вследствие растущего недопроизводства, позволил выступить капитализму, в роли экономического спасителя общества». *Таким образом, капитализм жизнеспособен до конца и обладает возможностями безграничного развития производства.* Азбука марксизма—противоречие между развитием производительных сил и экономической структурой общества, вызываемые этим противоречием хронические катастрофы, кризисы, а на определенной ступени—застой и разрушение производства, т.-е. экономическое банкротство капиталистической системы, банкротство, происходящее теперь на наших глазах—вся эта азбука повторенная и раз'ясненная автором на сотни ладов в многочисленных брошюрах, выбрасывается теперь за борт. Остаются лишь мещански-поповские фразы о моральном банкротстве.

* * *

Развитие капитализма за военный и послевоенный период усилило концентрацию капитала, привело к разорению промежуточные слои мелкой и средней буржуазии и к сосредоточению экономической силы в руках многих «властителей хозяйственной жизни». Оно завершило, таким образом, создание экономических предпосылок социализма и поставило последний в первый пункт порядка дня во всех передовых капиталистических странах. Какую же программу выдвигает в связи с этим социал-демократия?

Гильфердинг считает, что лозунгом эпохи является «*хозяйственная демократия*» (Wirtschaftsdemokratie). «Организованный капитализм будет устранен превращением иерархически организованного хозяйства в *демократически организованное.* Сознательное регулирование хозяйства немногими в их интересах будет заменено регулированием масс производителей. Так ставит капитализм, как раз тогда, когда он достигает своей высшей ступени—организованного по новому общества—проблему хозяйственной демократии».

Не нужно долго ломать головы над тем, зачем Гильфердингу понадобилась подмена термина социализм, пресным термином «хозяйственной демократии», который включает в себя все, что угодно, и под которым с радостью подпишется любой представитель кучки хищников финансового капитала, распоряжающейся всеми средствами производства капиталистических и колониальных стран. *Этот термин нужен Гильфердингу для того, чтобы прикрыть его отход от социализма, отказ социал-демократии от поставленной эпохой задачи непосредственного осуществления социализма.* Выдвигая этот лозунг «хозяйственной демократии» Гильфердинг переходит в ряды самых беспардонных апологетов капитализма, превозносящих, например, *акционерную форму* предприятий—одно из наиболее сильных средств подчинения производства в руках финансовой олигархии—как *форму демократизации капитала.*

С полной очевидностью реакционная сущность этой «хозяйственной демократии» вскрывается в рассуждениях Гильфердинга относительно способов ее осуществления. «Ясно, что установление хозяйственной демократии является неслыханно сложной проблемой, решение которой возможно лишь в длительном историческом процессе, в котором вызываемая концентрированным капиталом организация производства в то же время все более подвергается демократическому контролю...»

«Только в течение этого процесса приобретают производители способности и чувство ответственности, которые позволят им принимать в растущей мере участие в руководстве производством. Этот психологический переворот является необходимой предпосылкой хозяйственной демократии». И, наконец: «организованный капитализм, выдвигая проблему хозяйственной демократии, ставит производителей духовно перед новой ситуацией. Капиталистическим хозяйственным организациям противостоят теперь организации производителей. Выдвижение их (рабочих организаций) членов внутри иерархически организованного хозяйства становится содержанием их политики вместе с стремлением, *самим влиять на хозяйственные (капиталистические) организации и их демократически преобразовывать.* Фабричная демократия, усиление позиций фабрично-заводских комитетов, контроль над производством во всех нюансах слова вплоть до конечного осуществления хозяйственной демократии будет содержанием политики рабочих организаций. Профессиональные союзы перестают тем самым быть только органами социальной политики и становятся носителями демократической производственной политики».

Итак, осуществление «хозяйственной демократии» возможно по Гильфердингу лишь в результате длительного «эволюционного»—подчерки-

вает он—исторического процесса. Предпосылками осуществления этой демократии являются, во-первых, изменение психологии производителей, рост чувства ответственности за производство и пр., во-вторых, реформа воспитания, завоевание рабочим классом науки и культуры. «Мы должны,—говорит Гильфердинг, перефразируя лозунг фабианцев,— воспитать самих себя к господству над производством».

В «Финансовом капитале» Гильфердинг указывал, что эпохой выдвинута задача непосредственного осуществления социализма, что эта задача должна определять всю политику пролетариата. Теперь Гильфердинг старается отодвинуть социализм подальше, превратить его в мерцающую из глубины столетий конечную цель и предлагает рабочему классу заняться пока самовоспитанием и перевоспитанием, завоеванием права на полное и равное для всех образование, завоеванием науки и культуры и прочими хорошими вещами. А на счет социализма обождать: капитализм ведь еще крепок и способен к дальнейшему развитию.

Но главное не в этом. *Суть дела в том, что Гильфердинг обходит центральный вопрос о политической власти.* Осуществить эту самую «хозяйственную демократию» Гильфердинг предлагает в условиях диктатуры капитала. Что может быть нелепее при политическом и экономическом господстве магнатов финансового капитала, осуществляющих кое-где свою власть и при помощи, так называемых, рабочих правительств, предлагать рабочим организациям выдвигать своих членов на командные посты экономических организаций капитала, организовывать рабочий контроль над капиталистическими предприятиями, «демократически» преобразовывать капиталистические тресты, синдикаты и банки? Кто из магнатов финансового капитала, какой Крупп или наследник Стиннеса позволит подобное вмешательство в его дела и какое капиталистическое государство допустит подобное нарушение священных прав капиталистической собственности? У г. Гильфердинга был уже маленький опыт в этом деле.

Предоставим, однако, слово автору «Финансового капитала». «Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над хозяйством дает в то же время господство над политическими ресурсами государственной власти. Чем выше концентрация капитала в экономической сфере, тем неограниченнее подчинение государства. Это строгое сплочение всех сил государства представляется величайшим развитием его сил, *государство—непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти—предпосылкой экономического освобождения*... Финансовый капитал в его завершении, это—высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же делает... господство капитала во всякой стране все более несовместимым с интересами масс, эксплоатируемых финансовым капиталом, но им же и вызываемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата *).

Так говорил автор «Финансового капитала». Экс-министр Гильфердинг выдвигает теперь на место прежней программы *архи-реакционную, в современных капиталистических условиях—пошлую реформистскую программу мирного хозяйственного врастания в социализм, путем постепенного усиления влияния рабочих организаций на капиталистические*, «демократического» преобразования последних и проч. реформистской чепухи, имеющей один смысл: отвлечь внимание и силы рабочих масс от задачи ниспровержения капитализма на путь погони за безобидными мещанскими иллюзиями.

*) Гильфердинг. „Финансовый капитал“ Изд. „Книга“ 1918 г. стр. 552—553.

Необходимо остановиться еще на двух откровениях Каутского, относящихся к этому же вопросу. «Меня много упрекали с радикальной стороны, что я уже в начале революции (германской) выдвинул как ближайшую и важнейшую задачу восстановление производства. Думали, что это называется восстанавливать капитализм. Видеть во всеобщей остановке производства—так побивает Каутский своих оппонентов— подготовку социализма достойно мудрости тех, которые предполагают, что как раз тот момент, когда дом горит и есть наилучший, чтобы отделать этот дом по новому». Итак, необходимо сначала восстановить капиталистическое производство—потушить пожар мирового кризиса,— а затем уже думать о социализме. Десятичасовой рабочий день, снижение зарплаты, фашистская диктатура, позволяющая держать в узде рабочий класс—все это средства восстановления капиталистического производства. Ко всему этому Каутский и его партия приложили свою руку, мотивируя... стремлением осуществлять подготовку социализма.

Что касается ближайшей программы, то Каутский не требователен, да он и никогда не был таким. Вот что советует он Макдональду: «При теперешнем соотношении сил, введение социализма английским рабочим правительством исключено. *Оно (правительство) сделает уже много, если ему удастся то, о чем редактор нашего английского органа говорит так пренебрежительно: сделать капитализм немножко менее неприятным*».

Итак, не экономическое банкротство капитализма, а моральное; не разрушение капиталистической системы, а ее восстановление, не осуществление социализма, а маленькое смягчение капитализма—таковы три последние откровения социал-демократического Заратустры.

* * *

Замечательны рассуждения Гильфердинга относительно возможности новых войн, рассуждения, выявляющие действительную ценность той борьбы с военной опасностью, которую будто бы ведет II Интернационал. Гильфердинг утверждает ни больше ни меньше, как то, что военной опасности в настоящих условиях не существует или она стала значительно меньше. Указывая по старой памяти на стремление империалистских государств к экспансии, к господству на мировом рынке, которое приводит в конце концов к военным конфликтам между ними, он продолжает так: «Но война предполагает всегда известное равновесие сил, которое позволяет надеяться на победу каждой группе. *Неслыханная перетасовка сил после войны сильнейшим образом действует против (возможности) военного исхода, точно так же, как хозяйственное неравенство государств, а также неслыханное разорение, которое означает война.* Интересы англо-саксонских стран, особенно английских, заключаются скорее в закреплении и организации завоеванного, чем в новой территориальной экспансии, тем более, что военные и вызываемые ими революционные потрясения ускоряют национальный под'ем колониальных народов и их высвобождение из-под власти метрополии. В

одном направлении с этими интересами и соотношениями сил действуют интересы и демократических, добившихся большого влияния внутри государства—масс». Перетасовка сил, о которой говорит Гильфердинг, передел Европы, обострил отношения между отдельными капиталистическими странами. Вместо прежних противоречий англо-германских и франко-германских выдвинулись новые—англо-французские. Ни для кого не секрет, что осью европейской политики является англо-французское соперничество, ни для кого не секрет, зачем вооружаются сейчас Франция и Англия, растрачивая колоссальные средства на подводный, надводный и воздушный флот, на организацию химической войны, на всякого рода «культурные изобретения» вроде «дьявольских лучей», представляющих последнее слово техники истребления. А ученый поп Гильфердинг затушевывает тем временем противоречия между империалистическими странами - победительницами, между победителями и побежденными, противоречия, которые угрожают в любой момент, как это показал захват Рура, столкновение на Балканах и т. п., разрешиться новой войной, успокаивает рабочих и отвлекает их внимание от опасности войны и от борьбы с этой опасностью.

Мало того. Он предлагает вообще подвергнуть пересмотру прежнюю оценку империализма. «Не обозначает ли все это—видоизменение капиталистических стремлений к экспансии в направлении использования и сохранения мирового рынка в общих интересах? Не ведет ли это к *ослаблению военных тенденций* и не становится ли возможной политика, которую можно определить *как реалистический пацифизм? Идентичен ли действительно капитализм с войной, так что только через его преодоление можно обеспечить мир, и нельзя ли путем последовательной политики,* которая ограничивает суверенитет отдельных государств над государственной организацией (очевидно, Лигой Наций), *создать новые формы международно-правового порядка?* Не дается ли также здесь больше места эволюционному развитию, чем это полагалось раньше?»

Нет сомнения, что в ближайших номерах журнала Гильфердинг, или какой либо из его соратников, не замедлит разрешить эти вопросы положительно: так как они решены в этом смысле уже давно практикой социал-демократии, подменившей революционное разоблачение военных опасностей и революционную борьбу с империалистской войной, соглашательским замазыванием империалистских противоречий и предательским пособничеством войне.

Новый теоретический орган социал-демократии неизбежно проявил себя уже на первых шагах, как орган гнуснейшего ренегатства матерых апологетов «новой эры» капитализма.

* * *

С революционным марксизмом политика II Интернационала давно не имеет ничего общего. Между ними лежит не только пропасть: II Интернационал является самым ожесточенным врагом революционного марксизма. Задача нового теоретического органа социал-демократии состоит в том, чтобы закончить разрыв с марксизмом в теории. Новый орган должен привести теорию социал-демократии в полную гармонию с ее практикой, дать последней теоретическое завершение и обобщение.

Как мы видели—уже в первом номере сделано много в этом отношении. Теория укрепления капиталистической системы за послевоенный период, перехода капитализма в новую высшую стадию организованного капитализма, в котором разрешаются все неразрешимые капиталистические противоречия, смягчаются отношения между классами, преодолеваются войны и кризисы, наконец, теория мирного врастания в социализм путем «хозяйственной демократии»;—таковы элементы новой теоретической системы изобретаемой теперь Гильфердингом и К-о отчасти по старым рецептам Бернштейна.

Нашим западно-европейским товарищам коммунистам нельзя пройти мимо этих теоретических откровений вождей II Интернационала. Необходимо своевременно доводить эти откровения до сведения рабочих масс, разоблачать перед последними их реакционную сущность, чтобы тем самым ускорить процесс отхода рабочих от социал-демократии.

И. Краваль.

Заработная плата и производительность труда.

„Держать курс на под'ем заработной платы в соответствии с под'емом промышленности и производительности труда").
(XIII конференция Р. К. П. Резолюция по экономической политике).

Проблема заработной платы и производительности труда в настоящее время сосредоточила в себе как в фокусе внимание наших хозяйственных и профессиональных организаций. Сама жизнь со всей остротой выдвигает эту проблему—как основную проблему хозяйственной политики для настоящего периода. От того, как будет она разрешена, в значительной степени будет зависеть дело восстановления нашего хозяйства.

Несмотря на то, что это восстановление требует от рабочего класса и крестьянства в настоящий момент величайших жертв в целях накопления новых рессурсов, советское государство уже теперь предоставило рабочему возможность без перенапряжения своих сил получать необходимые ему средства к жизни во все увеличивающемся масштабе.

Данные о динамике заработной платы за период с 1921—22 г. по настоящее время говорят о неуклоном росте ее, выразившемся в повышении с 27,1% довоенного уровня в 1921—22 г. до 65% в январе—марте 24 г. [1]). При этом в заработную плату не включены расходы на соц. страхование, культнужды, коммунальные услуги и др. накладные расходы на рабочую силу, значительно возросшие по сравнению с 1913 годом.

Таким образом, если Советское государство вынуждено в значительных размерах присваивать прибавочный продукт труда рабочих для восстановления основного и оборотного капитала хозяйства, то уже теперь, по мере его восстановления, наше государство все большую часть вновь созданных ценностей возвращает рабочим в виде все возрастающей заработной платы. Наша система оплаты рабочей силы хотя *внешне* весьма похожа на капиталистическую (сдельщина), но по существу, по своему внутреннему содержанию ни в какой мере не может быть названа системой эксплоатации труда, потому что создаваемый прибавочный продукт идет целиком на расширение социалистического производства, на увеличение заработной платы, на то накопление экономической и политической мощи рабочего государства, которое только и может привести в конечном итоге к максимальному улучшению жизненных условий рабочего класса.

1) Данные ВЦСПС.

Здесь перед нами во всей широте встает проблема производительности труда. Именно потому, что мы сейчас еще невероятно бедны, а прибавочный продукт идет почти целиком на усиление хозяйственной мощи нашего Союза,—именно поэтому мы не можем и не должны позволять себе никакой расточительности в области использования рабочего времени. В области борьбы на хозяйственном фронте не менее чем в непосредственной боевой обстановке гражданской войны нужны точность, дисциплина и сознательность каждого бойца.

Каждый боец на любом участке трудового фронта должен знать, *чего* мы хотим и *как* мы можем добиться поставленной цели. Красная армия именно потому и оказалась победительницей в гражданской войне, несмотря на перевес технических орудий борьбы у противника, что каждый красноармеец знал, чего мы хотим и как мы можем добиться поставленной цели. Не меньшая, а во сто крат увеличенная сознательность и дисциплина, являются абсолютно необходимыми условиями для нашей победы на хозяйственном фронте.

Совершенно прав тов. Кактынь, указывая, что в «этой борьбе за будущее каждый рабочий час, давший максимальный эффект, становится решающим фактором в пользу Советского государства, в пользу рабочей власти, точно так же, как каждый потерянный час становится гирей, задерживающей восстановительный процесс нашего хозяйства. Нам необходимо добиться максимального трудового эффекта, добиться максимальной эффективности нашего рабочего дня в смысле создания и накопления тех благ, которые должны обосновать нашу хозяйственную мощь». [1]) Между тем, эта основная задача в нашем хозяйстве еще не только не разрешена, но только теперь ставится во всей широте. Если мы обратимся к нашей повседневной практике, то увидим, что на наших фабриках и заводах, в наших сов. учреждениях, на транспорте, в сельском хозяйстве и т. д. бесчисленное количество драгоценного рабочего времени пропадает бесполезно, как вследствие плохой организации дела, так и вследствие несознательного отношения к своему времени, вследствие нашей безалаберности и неаккуратности, вследствие того разгильдяйства и бюрократизма, которые мешают нам правильно использовать труд и рабочее время.

Данные хронометража на Московском машино-строительном заводе дают следующую картину рабочего дня на предприятии: 52%—основная работа, 22,9%—вспомогательная работа, и 24,2%—простой. Рабочий день представляет самую бессистемную смесь работы основной, работы вспомогательной и простоев. Трудовой режим отсутствует совершенно [2]). Квалифицированный рабочий из 8 ч. своего рабочего дня только 52,9% затрачивает на непосредственно производительную работу, остальное падает на простой и вспомогательную работу, которая с неменьшим успехом может быть выполнена рабочим самой низшей квалификации. И это при том положении, когда мы отнюдь не можем похвастаться перепроизводством *высококвалифицированной* рабочей силы. Обследование Тульского Оружейного завода показало, что загрузка станков колеблется там от 1½ до 3½ ч. На Даниловской камвольной фабрике нагрузка работниц трикотажного отделения составляет всего 44%, а при гребнечесальных машинах не более 30% [3]). В Пресненском Тресте рабочий день используется по времени только в 20—40% на

1) „Политика и практика зар. платы" стр. 12, изд. „Эк. Жизни".
2) См. „Организация Труда". Орган ЦИТ-а при ВЦСПС № 1 стр. 29.
3) См. „Предприятие" № 5, стр. 35.

таких работах, где возможно использование 8 час. рабочего дня до 70% [1]). Тартальщик в нефтепромышленности не использует рабочего дня в размере от 10 до 25% при 6 ч. рабочем дне. Таких примеров недостаточного использования как оборудования, так и рабочей силы, можно было бы привести большое количество. Аналогичные данные по обследованию, произведенному Центр. Инст. Труда дают возможность ему сделать следующий вывод: «Приведенный пример (о Мос. маш. тресте), не исключение. Вообще нужно заметить, что в подавляющем большинстве предприятий *трудового режима нет*. И лишь в редких случаях этот вопрос ставится практически» [2]). В этом отсутствии трудового режима, в низкой производительности труда, в нерациональном использовании рабочего дня и оборудования—кроется величайшая опасность как для всего нашего хозяйства в целом, так и для судеб рабочего государства.

* * *

Если проследить динамику заработной платы и производительности труда с октября 22 г. по декабрь 23 г., то мы увидим следующую картину.

КВАРТАЛЫ.	Ежедневная зараб. плата в условных моск. копейках.	Зараб. плата в % к кварталу 22—23 г.	Валовая выработка на 1 чел. в день в дов. руб.	Валовая выработка в % к 1 кварталу 22—23 г.
1	2	3	4	5
22—23 г.				
Октябрь—Декабрь (I кв.)	59,5	100,0	4,47	100
Январь—Март (II кв.) . .	72,9	122,5	4,72	105,5
Апрель—Июнь (III кв.) .	76,6	130,0	4,99	111,5
Июль—Сентябрь (IV кв.)	74,6	126,0	5,06	113,1
23—24 г.				
Октябрь—Декабрь (I кв.)	83,7	140,7	5,31	118,8

Данные этой таблицы говорят о том, что в то время, как заработная плата за период с октября 22 г. по декабрь 23 г. возросла на 40,7%, валовая выработка на 1 чел.-день возросла всего только на 18,8%. За предыдущие 1¼ года рост производительности отстает, таким образом, от роста заработной платы,—факт, указывающий на неизбежность возрастания доли заработной платы в единице продукции, что должно приводить к увеличению ее себестоимости.

1) Организация Труда. Изд. ЦИТ-а при ВЦСПС № 1 стр. 30.
2) Там же.
3) Таблица составлена по данным ВЦСПС о заработной плате и данным Госплана о валовой выработке.

Если обратиться к данным за текущий хоз. год, то здесь перед нами развернется следующая картина:

	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.
	1923 года.			1924 года.		
Зарплата на 1 чел.-день в условных московских копейк.	80,8	86	84	92	90,7	94
В % к октябрю.	100	106,4	102,5	114	111	115
Валовая выработка на 1 чел. день по довоенным ценам	5,28	5,48	5,41	5,40	5,63	5,70
В % к октябрю	100	103,9	102,5	102,3	106,6	108,0

Анализ динамики заработной платы и валовой выработки за первое полугодие текущего хозяйственного года указывает на ту же самую картину дальнейшего отставания роста производительности труда рабочего от роста заработной платы. Заработная плата по данным Центрального Бюро Статистики Труда ВЦСПС возросла по сравнению с октябрем на 15%, в то время как валовая выработка возросла на 8%. Темп возрастания заработной платы почти вдвое обгоняет темп роста валовой продукции на 1 человеко-день. Такое положение следует признать не только ненормальным, но и угрожающим как развертыванию промышленности, так и дальнейшему росту заработной платы.

Теоретически могут быть мыслимы три источника для дальнейшего повышения заработной платы: а) повышение заработной платы за счет дотации государства, 2) повышение зарплаты за счет повышения цен продуктов промышленности и 3) повышение заработной платы за счет роста производительности труда.

Первый источник—дотация для государства, в основе которого лежит сотрудничество рабочих и крестьян, совершенно неприемлем, потому что это означало бы увеличение заработной платы за счет усиленного обложения крестьянства—что привело бы к сокращению емкости крестьянского рынка. А сокращение емкости рынка, сбыта изделий промышленности неминуемо должно приводить к свертыванию производства, что отнюдь не в интересах рабочего класса, не говоря уже о тех политических последствиях, какие могло бы вызвать подобное увеличение заработной платы. Кроме того, интересы окончательного закрепления денежной реформы не допускают и мысли о прорыве бюджетного фронта по линии увеличения дотации.

Повышение заработной платы путем увеличения себестоимости продукции неизбежно должно вести к повышению цен, а повышенные цены влекут за собой сокращение сбыта продукции и совершенно нежелательные кризисы сбыта. Осенний кризис сбыта в 1923 г. был ли-

квидирован достаточно быстро именно потому, что государство приняло все меры к быстрому снижению цен, а сниженные цены, став более доступными для массового покупателя, дали возможность выйти промышленности из осеннего кризиса, не свертывая производства. В капиталистическом государстве промышленник, стремящийся расширять производство и увеличивать свои доходы, не может и мечтать о поднятии продажной цены: этому мешает конкуренция. Советское государство в других интересах, в интересах сохранения и закрепления союза рабочих и крестьян, тоже не может и не должно итти на повышение цен. Поэтому этот второй из возможных источников роста заработной платы тоже в интересах самих промышленных рабочих и их государства не может быть использован для этой цели.

Нашему государству остается единственный выход — увеличение коэффициента производительности предприятия, путем увеличения выработки на каждого рабочего. Это единственное реальное средство—как для дальнейшего роста заработной платы, так и для под'ема всего нашего хозяйства в целом.

Этот фактор, позволяющий при капитализме странам с высокой стоимостью рабочих рук успешно конкурировать с теми, где стоимость рабочих рук низка, в условиях советской действительности должен явиться источником социалистического строительства. Темп социалистического строительства при советской власти целиком зависит от темпа роста производительности труда. Чем ниже производительность труда, тем меньше шансов оказаться победителем в том соревновании, которое происходит на хозяйственном фронте между нами и капиталистическими странами. Наоборот, чем выше производительность труда, чем быстрее будет восстанавливаться хозяйство, тем больше шансов на победу на этом самом важном в настоящий момент участке. Кроме того, нельзя ни на минуту упускать из виду, что обороноспособность нашей страны в очень значительной степени обуславливается нашими хозяйственными успехами или неудачами. Окружающие нас капиталистические страны весьма зорко следят за нашим хозяйственным развитием, и уже при первой крупной заминке на хозяйственном фронте становится весьма вероятной возможность предательского нападения со стороны буржуазных стран.

* * *

Между тем, анализ нашей конкретной хозяйственной действительности показывает, что в области производительности труда нам остается желать еще очень и очень многого.

Так, данные, полученные непосредственно от крупнейших предприятий путем анкетного обследования, произведенного ВСНХ, рисуют следующую картину.

Эти отчетные данные по крупнейшим предприятиям металлопромышленности говорят о том же факте несоответствия между производительностью труда и заработной платой, который неизменно приводит к удорожанию продукции. Даже на таких предприятиях, как Кольчугинский завод и Ленингр. Экономайзер, где количество рабочих превышает довоенное, где заработная плата на первом достигла довоенной,

		Число рабочих.	Стоимость продукции по довоен. ценам в месяц.	Выпуск на 1 рабоч. в м-ц по довоенным ценам.	В % к 1923 году.	Средняя месячная зарплата рабоч. в товар. руб.	В % к 1913 году.	На 100 руб продукции в довоеных цен расх на зарплату в товар. руб.	В % к 1913 г.
Красное Сормово	1913 г.	10.786	1.464.880	150,12	100	35,28	100	23,5	100
	II кв. 1923—1924 г. январь март	12.232*) 9.543	479.427	44,08	29,4	22,17	62,8	50,3	214
Брянский	1913	11.931	1.179.002	96,43	100	31,45	100	32,6	100
	II кв. 1924	6.764	225.616	33,16	37,7	20,03	63,7	64,7	199,5
Колчугинский Трест Госпромцветмет	1913	2.823	1.004.451	358,00	100	31,00	100	7,8	100
	II кв. 1923—1924 г.	3.019	507.211	141,00	36,5	30,33	97,9	21,5	275,6
Ленинградск. крупного машиностроения	1913	3.170	1.004.618	329,53	100	43,00	100	13,0	100
	II кв. 1923—1924 г.	1.755	179.450	106,71	32,4	28,91	67,2	27,1	208,5
Экономайзер Ленинград	1913	362	52.310	144,05	100	21,77	100	16,0	100
	II кв. 1923—1924 г.	422	40.030	102,00	70,6	32,08	150,6	34,3	227

*) Произведенное с января по март сокращение вспомогательной рабочей силы на 2689 чел. совершенно не отразилось на размерах продукции.

а на втором значительно (на 50%) превысила довоенную, даже в этих предприятиях мы имеем выпуск на 1 рабочего на первом заводе равный 36,5%, а на втором 70,6% от выпуска 1913 года.

Отсюда следует, что даже доведение заработной платы до уровня довоенного и выше еще не обеспечивает параллельного роста производительности труда. Это говорит о том, что проблема производительности труда должна быть поставлена, как проблема величайшей важности пред всем рабочим классом во всей своей широте.

Из предыдущей таблицы видно, что доля заработной платы на 100 руб. продукции [1]) по перечисленным предприятиям в сравнении с 1913 г. возросла в среднем более чем на 100%. Здесь возможно возражение, что это, может быть, относится только к предприятиям металлопромышленности, но, что, быть может, в других отраслях промышленности, в особенности в легкой индустрии, мы увидим обратное.

Если обратиться к текстильной промышленности, то мы увидим, что в то время, как заработная плата по камвольному тресту превысила довоенную (вместо 18 р. довоенных, теперь 21,5 руб. товарных), производительность труда значительно ниже довоенной—около 60%. В связи с этим стоимость рабочей силы на единицу продукции возросла на 77% по сравнению с довоенной. В льняной промышленности заработная плата уже достигла довоенной,—вместо 16 руб. в 1913 г.—35 черв. руб. в марте 1924 г., валовая же продукция упала с 4,8 пудо-номеров на человека в 1913 г. до 3,1 пудо-номеров и 1 кв. 1924 г., т.-е. всего на 64%.

Все эти данные говорят о том, что средние цифры в 75% довоенной производительности и 65% заработной платы (см. «Экономич. Жизнь» № 198, ст. Рейнгольда, а также отчет о Пленуме ВЦСПС доклад Догадова) при проверке их на материале о состоянии заработной платы и производительности труда по отдельным предприятиям и трестам, оказывается, не выдерживают испытания. Данные говорят об обратном. Заработная плата по сравнению с довоенными нормами обогнала производительность труда. При этом при подсчетах не включены в заработную плату накладные расходы на нее в виде отчислений на социальное страхование, культнужды, санаторные койки и т. д., составляющие в среднем свыше 20% заработной платы. Такой оптимизм по вопросам производительности труда, усыпляющий бдительность рабочего класса и партии, ничего кроме вреда принести не может. Это не значит, что следует удариться в другую крайность—пессимизм. Это значит только, что в настоящее время необходимо, чтобы партия, профсоюзы и весь рабочий класс в целом сосредоточили свое внимание над разрешением проблемы заработной платы и производительности труда. Проблема производительности труда лобовой атакой разрешена быть не может, здесь требуется колоссальная, упорная и систематическая работа. Чем больше участников будет привлечено к этой колоссальной важности работе, тем быстрее мы сможем ее продвинуть вперед.

---

[1]) Заработная плата выражена в товарных рублях, а продукция в довоенных ценах. Сравнение хотя и грубое, но современная статистика, к сожалению, не выработала лучших методов учета.

* * *

Нет такой проблемы, которую не в состоянии были бы разрешить коллективные усилия трудящихся. В эту огромную работу по улучшению производства, по выявлению и исправлению всех технических, организационных и др. недочетов, имеющихся на наших предприятиях—должна быть в первую очередь вовлечена 200-тысячная молодая ленинская гвардия рабочих, влившаяся в нашу партию. Здесь широкое поле деятельности для развертывания нашей советской общественности. Здесь огромное поле для применения инициативы и самодеятельности по организации производственных совещаний, производственных ячеек на отдельных предприятиях по НОТ'у, ячеек «Лиги Времени», «По улучшению торговли», «Культуре ячеек» и т. п. На каждом предприятии в зависимости от состава рабочих, от отрасли производства и других условий может быть создана своя форма об'единений по добровольному вовлечению масс в эту работу. Ни один из наших молодых практикантов-студентов не должен вернуться осенью в ВУЗ, не оставив после себя на предприятии организованной им ячейки рабочих по улучшению производства. Каждый из них должен проделать маленькую исследовательскую работу о состоянии того предприятия, в котором он работает.

Так, и только так может быть поставлена проблема производительности труда. В том споре, какой ведется на страницах печати по этому вопросу, речь идет не о том, нужно или не нужно повышать заработную плату,—она у нас сейчас еще на таком уровне, что повышение ее будет неизбежным. В этом расхождений нет. Совершенно правильно и точно формулировал проблему заработной платы тов. Дзержинский [1]).

«Вся проблема заработной платы заключается в том, где и *каким способом* найти средства для роста заработной платы при условии удешевления изделий промышленности и расширения их производства до размеров покупной способности и потребностей всего населения, в первую очередь крестьянства. *В том, как найти эти средства и заключается вся проблема* (подчеркнуто мной, И. К.).

Далее, разрешая эту проблему, он говорит: «*зарплата может получить базу для своего роста, только при условии все увеличивающейся продукции и все уменьшающегося расхода на единицу изделий как рабочей силы, так и материалов, т.-е. при условии увеличения всей валовой продукции на одного участника производства независимо от причин этого увеличения*».

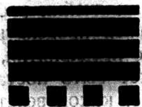
Правильная постановка и правильное разрешение проблемы заработной платы возможны только в связи с общей проблемой организации производства, потому что «проблема заработной платы—это, прежде всего, производственная проблема» [2]). Поэтому задача улучшения организации труда и производства во всем об'еме должна стать тем боевым знаменем, вокруг которого должны об'единиться хозяйственники профессионалисты и широкие рабочие массы. Всякое же противопоставление хозяйственников профессионалистам и, наоборот, как это

---

[1]) См. „Правда" № 136 „К проблеме зарплаты".
[2]) См. „Труды Госплана". Струмилин. „Заработная плата как фактор производства". Стр. 72.

пытался сделать тов. Кактынь [1]), как экономически, так и политически, совершенно несостоятельно.

Не может быть разнобоя по этому коренному вопросу нашей хозяйственной политики еще и потому, что по этому поводу мы имеем совершенно определенную директиву XIII всесоюзной конференции, которая обязывает «держать курс на под'ем заработной платы в *соответствии* с под'емом промышленности и производительности труда» (подчеркнуто мной И. К.). Поскольку темп роста производительности труда отстает от темпа роста заработной платы, постольку ближайшая задача заключается в том, чтобы все усилия сосредоточить на борьбе за увеличение производительности труда, рост которой создаст материальную базу и для роста заработной платы.

[1]) См. „Эконом. жизнь". 15 июня Кактынь. К проблеме зарплаты.

Ем. Ярославский.

Марксизм и анархизм в антирелигиозной пропаганде.

(По поводу статьи т. Полидорова в № 2—3 „Спутника Коммун.")

«Можно считать вполне установленным наличие двух течений в антирелигиозной пропаганде. Открытой полемики друг с другом они не вели, но различие в характере пропаганды, в постановке вопросов, в подходе к массам в достаточной мере выяснили. Пора уже *скрытую неоформленную борьбу* (подчеркнуто мною. Зачем же вы вели скрытую борьбу до сих пор? Е. Я.) вывести на свет и поставить на обсуждение перед партией.

Уже теперь вполне можно судить, какое именно из двух направлений оправдало себя в антирелигиозной пропаганде». (Спутник Коммуниста № 2—3 1924 г., орган МКРКП (б)).

На статью тов. Полидорова можно было бы не отвечать, если бы она не появилась в «Спутнике Коммуниста», органе крупнейшей организации, охватывающей почти десятую часть нашей партии. И хотя статья тов. Полидорова помещена в дискуссионном отделе и Московский Комитет считал таким образом вопросы, выдвинутые тов. Полидоровым, спорными, подлежащими дискуссии, обсуждению, однако, труднее всего ***найти в этой статье бесспорные положения***. Дело не в отдельных частностях, деталях статьи тов. Полидорова,—отдельные, отрывочные мысли в ней могут быть и правильными, дело в самой постановке вопроса. Такая постановка вопроса уместна была бы в органе анархистов, отрицающих государство, в органе «немедленных социалистов», которые готовы проповедывать немедленный переворот во всех решительно общественных отношениях, абсолютно не считаясь с тем, существуют ли условия для этого переворота. К сожалению, статья появляется в органе партии, стоящей у власти в стране с мелко-буржуазным хозяйством, с крепко укоренившимися религиозными верованиями, с 95% населения, принадлежащего к разным религиозным культам, в стране, где, под влиянием экономических и политических перемен, под влиянием октябрьского и послеоктябрьского переворота, совершаются огромные сдвиги в религиозных настроениях масс. Чрезвычайно неблагодарная задача раз'яснять, *что партия обязана внимательнейшим образом изучить эти явления, различать отдельные их фазы, степени, оттенки, следить за столкновением отдельных групп, помогать трудящимся разбираться в сущности этих «реформаций», в возникновении новых церквей, новых сект.*

Главная ошибка тов. Полидорова заключается в том, что он ставит вопрос: *антиклерикализм или безбожие.* Разве марксист может ставить так вопрос: *«или—или», или* антиклерикализм, *или безбожие?* Марксист может поставить вопрос только так: *антиклерикализм и безбожие.* В самом деле, как рассуждает тов. Полидоров? Все церкви равны, все

религии равно вредны для рабочего класса, а поэтому незачем различать религиозные группы и делать вид, будто бы одна религиозная группа лучше другой. *В каком отношении* «лучше» или«*хуже*», *вот о чем надо думать.* Ведь религиозные организации не существуют для пропаганды *только* религиозных идей. *Религиозная организация в основе своей есть классовая организация.* Те или иные религиозные идеи только оболочка для прикрытия тех или иных классовых стремлений, иногда для прикрытия политических лозунгов, политической борьбы. В буржуазном государстве вопрос об отделении церкви от государства входит в состав последовательной буржуазной программы, ничего специально социалистического, коммунистического в пункте об отделении церкви от государства, конечно, нет. Однако, не забыл же тов. Полидоров, что наша партия до октября 1917 г. выдвигала именно это требование *буржуазной* программы, отделение церкви от государства и осуществила это требование одним из первых. Но партия наша не может ограничиваться провозглашением «свободы совести», отделением церкви от государства и школы от церкви. Процесс полного отделения церкви от государства, процесс освобождения трудящихся масс от всякой религии есть чрезвычайно длительный процесс. В течение еще многих лет, пока мелкособственническое хозяйство не будет заменено плановым социалистическим хозяйством, пока не наступит полное освобождение трудящихся от гнета экономического, от власти природы, останется власть религиозных отношений. Область их будет все более и более суживаться, но уже пережитые нами годы показали живучесть церковной организации. *Церковь приспособляется, и каждый коммунист, марксист, ленинист, а не анархист, обязан дать себе отчет, все ли равно ему, все ли равно трудящимся, как будут держать себя церковные организации по отношению к советскому государству, будут ли они вести яркую политическую борьбу, как вел ее Тихон и руководившаяся им православная церковь в первые годы революции, или эта церковная организация будет «лойальна» по отношению к советской власти, не будет выступать враждебно против советского государства.* Всякий согласится, что это вовсе не все равно. И *с этой точки зрения, с точки зрения политической* мы обязаны очень внимательно изучить отношение к советскому государству различных религиозных групп и течений. И опять-таки: неужели это такой *дискуссионный* вопрос, котрый нужно было поднять в 1924 г., как это делает тов. Полидоров? При этом он приписывает мне точку зрения, которой я никогда не имел, мысли, которых у меня никогда не было, сваливает меня в одну кучу с т.т. Бонч-Бруевичем и Луначарским, тогда, как всем известно, что между моими взглядами на религиозные вопросы и взглядами тов. Луначарского ничего общего нет, между моими взглядами на сектантство и взглядами т. Бонч-Бруевича ничего общего нет. Тов. Полидоров пишет:

«Считать, что для борьбы с религией сочинения Льва Толстого сослужат хорошую службу, опасный и вредный путь. По этому пути идут т.т. Луначарский, Бонч-Бруевич. Ему не чужд и Ярославский. Православие—мракобесие, а очищенная религия—это дело другое.

Указанные авторы не видят, что образы бога, Будды, Христа вовсе не красивы.

Они не видят, как безобразны эти образы, как через надетую на них дымку вырисовывается наглое лицо капитала. С таким вредным уклоном надо беспощадно бороться».

Можно было бы на это ответить в двух словах: это чистый вздор, никогда ничего подобного я не писал и не проповедывал, а писал и говорил как-раз обратное.

Чтобы не быть голословным, приведу выдержку из своей книги: «Как живут, родятся и умирают боги и богини» (стр. 36—38).

Говоря о классовом характере религии, я именно на примере Толстого раскрываю этот классовый характер.

«Если мы возьмем (определение религии) Л. Н. Толстого, то на нем очень легко показать недостаточность и несостоятельность остальных. Во-первых, какая разница между «истинной и неистинной религией». Кто эту разницу устанавливает. Не ясно ли, что это тот же спор о ложных и истинных богах: на определенной ступени развития человечества для него является истинным именно тот бог, в которого он верит.

... Толстовец не замечает этого.—Он убежден, что спасение человека может прийти от таких религиозных людей, хотя бы они принадлежали к различным классам общества. Религию все эти люди об'являют делом «надклассовым». Поэтому Толстой проповедует: «Если он (религиозный человек) принадлежит к правящим классам, он не только не захочет скрывать истину ради выгод своего положения, но напротив, возненавидя эти выгоды, все силы своей души употребит на освобождение себя от этих выгод и на проповедь истины»... Если же он принадлежит к порабощенным, то точно так же, отказавшись от общего людям в его положении желания улучшить условия своей плотской жизни, такой человек не будет иметь другой цели, кроме исполнения воли бога». Никто не сумел бы так хорошо выразить вредную, противорабочую сторону религии, «истинной религии», как это сделал сам Толстой. И нельзя было лучше подчеркнуть именно *классовый характер* религии, как это сделал Толстой.

В самом деле. Что он рекомендует «правящим», господствующим классам. Отказ от привилегий и выгод своего положения. Мы тысячи лет религиозной жизни имели позади, а примеры людей, которые отказывались бы от выгод своего положения — можно пересчитать по пальцам—абсолютно ни на волос не уничтожили зла в мире. Но зато это удобная ширма, за которой может скрываться какая угодно эксплоатация.

А что такое религия порабощенным. Что она советует рабочей и крестьянской бедноте. Ведь толстовцы отлично знают, что множество преступлений совершается из-за ужасающей нищеты, из бедноты, что необходимо уничтожить причины и возможность голода, проституции и других социальных бедствий. Нет, отвечает толстовец-христианин, нехорошо. Совсем этого не нужно, *нужно отказаться* от общего людям в его положении желания улучшить условия своей плотской жизни». То-есть рабочий и крестьянин вовсе не должны есть досыта, одеваться в чистую одежду и обувь, жить в хорошо устроенном доме.

Да ведь это же как раз и есть проповедь этих господ. Религия таким господам прямо на руку. Вот почему богатые люди так поддерживают попов.

* * *

Тов. Полидоров никакой Америки не открывает, когда говорит, будто с «очищенной» церковью идеологически бывает труднее бороться чем с «грубой». Но он не умеет совершенно рассуждать материалистически, как диалектик-марксист.

«Как мы должны оценить это «очищение». Считать его положительным или отрицательным. Гладить ли по головке таких попов нового типа, одобрять работу по очищению религии.

Т.т. Ярославский, Галкин и др. склонны отвечать: да. В издаваемом ими журнале «Безбожник» они постоянно отмечают факты такого очищения. И наоборот, нападают с несравненно большей силой на «тихоновщину».

Поэтому переносить центр тяжести антирелигиозной пропаганды на критику действий попов, их грязной жизни, нелепости обрядов, предпочитать более «чистые» обряды, это значит — *делать за попов и верующих дело реформации церкви, очищения религии.*

Не очищать мы ее должны, а *разрушать.* Не собирать анекдоты о попах—их тоже нужно использовать, но не в них главное направление критики. *Не антиклерикальную агитацию нужно вести, а безбожную».*

Чтобы читателю было ясно различие между точкой зрения марксистской и точкой зрения анархистской в *этом* вопросе, я приведу ряд выдержек из своих статей и статей тов. Горева-Галкина вместе с которым мы редактируем орган Главполитпросвета «Безбожник», который приобрел огромную популярность в деревне и перевалил с 6.000 тысяч тиража в короткое время до 90 тысяч к 15 июня и который выражает не только мою точку зрения, но и точку зрения руководящего органа партии в ряде существеннейших вопросов нашей борьбы с церковниками и религией. Уже в первом номере «Безбожника» мы читаем в статье тов. Флеровского (21 декабря 1922 г.) «Живая церковь и возрождение церкви:

«Обе группы заявляют о том, что они признают и революцию и даже социализм, *но к этим заявлениям нельзя относиться иначе, как к пустословию.* Уж очень поздно появились эти заявления. Да и не в словесных заявления суть, не слова нужны, а дела. Если ты действительно за революцию и за социализм—сними *рясу, перестань морочить голову людей кадильным дымом и стань в ряды революционеров. Но для этого надо перестать быть служителем религии. Религия и социализм две силы несовместимые и прямо враждебные».*

Неужели это сколько-нибудь похоже на поддержку живой церкви. Если назвать заявление живоцерковников пустословием, если сказать, что их учение несовместимо и враждебно учению рабочего класса, неужели в этом есть хоть малейший намек на поддержку живой церкви.

В № 7 от 23-1—23 г. в моей статье «Революция в производстве—революция в умах» я об'ясняю рабочим и крестьянам сущность того, что происходит в области религиозных верований в России. Я писал тогда:

«Церковь приспособляется. Либеральные богословы стремятся примирить науку с религией, доказать, что наука и религия едино есть. Они подделывают поэтому религию и науку одновременно».

И дальше, об'ясняя, почему под влиянием революции в производстве ослабляется влияние религии, я писал:

«Тем больше это ослабление теперь, когда на месте капиталистического государства складывается новое, коммунистическое. Старые производственные отношения рушатся, с ними рушатся и старая идеология и старая религия. Конечно, церковь старается приспособиться». Живая «она уже мертвая, ибо мертвая, «умирающая церковная организация держит в своих пальцах» живую, умирающую вместе с нею». То, что сейчас происходит, тот огромный интерес к безбожникам, те тысячи на диспутах по религиозным вопросам, те десятки тысяч антирелигиозных демонстраций-карнавалов, ведь это совсем особенное, новое. Многие не замечают, что здесь массы народа окончательно разрывают с отошедшей для них в прошлое религией, что наступает целая новая полоса безверия, безбожия, как наступает и создается новый общественный хозяйственный строй».

Не думает ли тов. Полидоров, что *такое* об'яснение необходимо и полезно, и что это об'яснение марксистское, и не находит ли он, что *такая линия* ничего общего не имеет с той, которую он мне пытается приписать?

В № 8 «Безбожника» от 4-II—23 г. тов. И. И. Степанов в статье «Чуют гибель» об'яснял значение выдвинутых живоцерковниками к поместному собору тезисов предстоящей реформы. Он писал:

«*По существу своего положения они не спасут* (они, то-есть, попы). Они и сами не верят в возможность какого бы то ни было возрождения церкви». Они понимают, что находятся на гибнущем, со всех сторон об'ятом пламенем научного знания, корабле»...

«Но не фантастическая рука, фантастического библейского Иеговы, а самая реальная рука нового, освобождающегося от духовных цепей, человечества уже пишет на церковных стенах свое грозное «Мэнэ, тэкэл, фарес, взвесь, высчитай, измерь. Всяким богам и всяким церквам конец».

Неужели и здесь есть *хоть намек на малейшую поддержку* живой церкви.

Тов. Полидоров ставит нам в упрек, что, наряду с этим, мы помещаем корреспонденции, в которых ругают тихоновцев и «поддерживают» живоцерковников. Можно пожалеть только о том, что есть еще такие коммунисты, которые держатся взглядов, будто крестьяне и рабочие нуждаются в соске, и что им нельзя рассказывать о том, что делается в разных местах по отношению к различным церковным группировкам. Не думает ли тов. Полидоров, что *мы не обязаны* изучать то, что делается, что мы не обязаны освещать в своих газетах и журналах, посвященных вопросам антирелигиозной борьбы, все, что делается среди верующих?

В № 12 от 4-III—23 г. мною написана статья «*Вино старое, меха новые*», в которой я как раз определяю, в каком смысле нас больше всего интересуют различные церковные группировки. Я писал тогда:

«Нас мало интересуют догматические споры всех этих людей, групп и церквей. Мы знаем, что меньше всего живого сможет внести какая-нибудь живая церковь...

Для нас важно совершенно другое. Если церковь, какая бы то ни было, если какая бы то ни было церковная организация хочет существовать в советском государстве, она должна определить прежде всего свое отношение к этому советскому государству. Это *не только касается живой церкви,* которая стоит, конечно, *в этом*

отношении на более верном пути, чем многие другие, но это касается решительно всех организаций.

«Антигосударственных организаций, чем бы они ни прикрывались, какими бы текстами священного писания всех времен они ни оправдывали себя, советское государство допустить не может, будет с ними вести борьбу».

Так вот, тов. Полидоров, в чем дело. *Вот в каком отношении* мы должны различать различные церковные группировки. *Нам вовсе не все равно, как эти группировки относятся к советскому государству.* Против тихоновцев мы вели ожесточенную борьбу не только в антирелигиозных журналах и диспутах, мы и административными мерами боролись с ними. Мы в тюрьмы сажали и даже казнили смертной казнью священников, которые проповедывали гражданскую войну против рабочего класса, против советского государства, которые призывали к неповиновению советской власти в вопросе об из'ятии церковных ценностей, которые организовали «Дружины святого креста» для Колчаковской и Дутовской армии. И мы держим себя совершенно иначе по отношению к Тихону и тихоновцам, когда они открыто раскаиваются в этих своих поступках и открыто об этом заявляют и призывают верующих к лойальному отношению к советской власти. Неужели это не ясно? Только анархист может рассуждать так, как рассуждаете вы, т. Полидоров. Конечно, хорошо, если бы от наших с вами антирелигиозных выступлений, антирелигиозных статей и журналов, от ярких и талантливых карикатур тов. Моора и «Безбожнике у станка» и «Безбожнике» Главполитпросвета сами собою рушились церковные организации, сама собою уничтожилась религия, но ведь это уже не марксистская точка зрения—допустить что-либо подобное.

Тов. Полидоров поучает меня, что реформированная церковь может оказаться еще более опасной, чем старая тихоновская. Зачем и кому это нужно? Эту мысль я гораздо лучше т. Полидорова об'ясняю в своих статьях.

В № 20 помещена статья «Защитный цвет», мною написанная. И в этой статье я особенно предостерегаю против живоцерковников. Живоцерковники заявили, что они признают программу нашей партии, кроме пункта об антирелигиозной пропаганде. Я писал тогда:

«Наше безбожие, наша борьба с религией вовсе не придаток к нашей программе. Это *безбожие является борьбой против всяких остатков порабощения трудящихся*. Наш материализм не отделим от нашей программы, от нашей борьбы, а религия враг материализма. Тем, кто отвергает наше безбожие, наш материализм, а признает кусочками нашу программу, пролетариат может сказать: «Устами чтут меня, а сердце их далеко от меня».

«*Опаснее всего для трудящихся, если их обманет защитный цвет живоцерковников*. Живоцерковники правы, когда они осуждают тихоновщину, как контр-революцию, когда они стремятся установить признание законов советского государства. Но пролетариат этим нельзя подкупить. *Задача безбожника бороться со всякой религией, со всякой религиозной организацией, разоблачать всякие защитные одежды и показывать истинное лицо всякого духовенства.* И пусть не сетуют на нас, если мы это делаем открыто. *Мы делаем* это не для того, чтобы наставить на путь истинный живоцерковников священников, а *для того, чтобы рабочие и крестьяне, которым претит мертвая и смердящая тихоновщина, не обманулись словами о признании социальной революции*».

А теперь, тов. Полидоров, согласуйте это с тем, что вы написали обо мне, о моей точке зрения по этому вопросу. Не думаете ли вы, что это совершенно две разные вещи? Ту же точку зрения защищает в № 21 от 13-V—23 г. в передовой статье «Церковная реформация» и тов. М. Горев. Я не привожу здесь выдержек. Кто захочет проверить, тот убедится в том без всякого труда. Убедился бы в этом и тов. Полидоров, если бы он был несколько внимательнее к той точке зрения, которую он берется критиковать.

8-V—23 г. в № 22 «Безбожника» в передовой статье «*Бывший патриарх*» я пытался дать краткую оценку выступлениям Тихона. Если бы верно было то, что приписывает мне тов. Полидоров, то я бы должен был по этому поводу написать чуть не хвалебную статью Тихону. А что я писал на самом деле?

«Мы безбожники,—писал я,—не видим особенных поводов радоваться даже в том случае, если гражданин Василий Белавин сделается самым «живым попом». *Мы будем разоблачать его так же, как мы разоблачаем и живую церковь. (Разоблачаем,* тов. Полидоров, *а не поддерживаем).*

И нам не безразлично, искренно ли отношение религиозных проповедников к советскому государству или они держат против него камень за пазухой. А по мнению тов. Полидорова я не должен был писать такой статьи, а просто, ничего не об'ясняя рабочим и крестьянам, кричать: не верьте Тихону, долой Тихона. Если бы я был анархистом, это было бы верно, но так как я коммунист, то я обязан был об'яснить *политическое значение* покаяния Тихона. А что касается отношения к самым церковным организациям, как к *религиозным* организациям, то-есть, отношения к ним, как к проповедникам религии, «Безбожник» всегда давал совершенно недвусмысленный ответ.

* * *

Думаю, что довольно я привел доказательств, которые рассеивают легкомысленное обвинение меня тов. Полидоровым в защите живой церкви, и надеюсь, что эти выдержки помогут читателям разобраться в разнице между анархистской и марксистской точкой зрения на антиклерикализм. По мнению тов. Полидорова, антиклерикализм есть просто на просто буржуазное занятие, которым непристойно заниматься коммунисту. Чтобы покончить с этим, я хотел бы ознакомить товарищей с тем, как относился к этому вопросу Ленин. Кстати, это поможет нам разобраться и в другом вопросе, нужна ли нам борьба с поповщиной, против которой также в сущности высказывается тов. Полидоров, когда ставит свой совершенно немарксистский тезис: «*Не антирелигиозную агитацию нужно вести, а безбожную*».

Тов. Ленин как бы предвидел возможность такой точки зрения, какую проповедует тов. Полидоров, и заранее давал ей отпор. Он писал:

«Отделять абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е., разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев—значит рассуждать не диалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности».

И дальше Ленин поясняет, почему несостоятельна такая точка зрения: немедленно долой религию.

«*Анархист*,—писал Владимир Ильич,—*проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии* (подчеркнуто мною: Ем. Я.) (как и всегда анархисты на деле помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку. Всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: живи и жить давай другим, и т. д., и т. п.». (Собр. сочин., т. II, ч. I, стр. 255).

В статье «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», написанной 4—17 июня 1906 г. (см. собр. соч. Н. Ленина, т. II, ч. I), Ленин дает анализ взглядов различных партий в буржуазном государстве на духовенство и религию. На этом примере мы опять-таки видим несостоятельность такой точки зрения, которую проповедует тов. Полидоров. Мы обязаны самым внимательным образом приглядываться к тому, как относятся разные классы, разные группы к церкви, к религии, к различным религиозным группировкам. Попутно Ленин дает урок, как надо вести антирелигиозную пропаганду.

«Крестьянин Рожков,—писал Владимир Ильич,—правда, обнаружил своею речью всю свою политическую бессознательность: он даже повторил пошлость кадетов насчет того, что союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но за то, *когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак, кроме денег, «бутылку водки», закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я говорить боюсь»* (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета),—черносотенная дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что за издевательство? что за безобразие? вопили черносотенцы, чувствуя, что *простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революцинизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления* (подчеркнуто мною. Е. Ярославский). И шайка зубров отстаивающая самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа и заставила его лишить слова Рожкова». (Собр. соч., т. II, ч. I, стр. 266—267).

Видите, т. Полидоров: по поводу этой речи Ленин говорит: «*Простая мужицкая речь о поборах с изложением таксы за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления*». А когда мы в

«Безбожнике» в газете, которую мы направляем, главным образом, в деревню, печатаем десятки корреспонденций, писанных самими крестьянами о похождениях духовенства, мы, я думаю, выполняем как раз ту линию, которую так одобрил Владимир Ильич. Мы не теоретическими рассуждениями, не неудачными пересказами марксизма (над этими пересказами в другом месте иронизировал Владимир Ильич), а изображением конкретной действительности жизни духовенства ведем борьбу с церковью, борьбу с попами, борьбу с религией.

Теперь, я думаю, всякому ясно, что нельзя противопоставлять, как это делает тов. Полидоров, как два совершенно разных метода антиклерикализм *и безбожие*. Всякому, надеюсь, ясно, что марксист в период, когда еще существует церковь, и когда 95% крестьян являются верующими, может ставить вопрос только так: и антиклерикализм и безбожие. И никто не имеет права забывать, что по отношению к церкви, по отношению ко всякой религиозной организации у коммуниста в советском государстве есть политические задачи и никто не имеет права забывать, что отделять политические задачи от задач антирелигиозной пропаганды—это совершенно не марксистская, не диалектическая точка зрения.

* * *

А теперь по поводу истории религии. Точка зрения тов. Полидорова, насколько я знаю, и некоторых других товарищей, работающих в «Безбожнике у станка» такая: так как история религии совершенно не изучена или плохо изучена марксистами, то и незачем нам излагать историю религии. Чтобы не быть голословным, я привожу то, что буквально пишет тов. Полидоров:

«Древние религии плохо изучены. Руки марксистов к ним почти не прикасались. Религия—сложная идеология и об'яснить влияние мифов одной религией на другую, вследствие неразработанности истории религии, в данное время, невозможно».

«О связи с экономикой во всех таких толкованиях нет и помину.

Для борьбы с религией этот прием дает очень мало. Если Христос родился от девы и еще штук пять богов родились от дев, то эти сведения мало разрушают религию».

Я не стану спорить против совершенно бесспорного положения, что история религии марксистами не изучена. По вопросу о происхождении религии существует несколько различных точек зрения, но уже не таких диаметрально противоположных. Они различны не принципиально, во всяком случае, у марксистов. Но следует ли из этого, что мы марксисты не должны излагать историю религии так, как мы понимаем ее. Тов. Полидорову нельзя отказать в оригинальности его точки зрения, но согласитесь с тем, что в ней нет ни грана диалектического материализма. История религии изучена марксистами, пожалуй, не более и не менее, чем история семьи или история происхождения частной собственности, потому что материал для изучения истории религии и происхождения семьи и частной собственности в одинаковой степени нам мало доступен. Нам приходится пользоваться подсобными материалами, сравнительным языковедением, этнографией, антропологией. Если кто-нибудь скажет: так как история происхождения частной собственности марксистами недостаточно еще разработана, поэтому нельзя

излагать историю происхождения частной собственности, то мы только посмеемся над таким чудаком. Мы скажем: так как история происхождения частной собственности плохо разработана марксистами, то марксисты обязаны ее разработать незамедлительно. Они должны попытаться об'яснить все непонятные до сих пор моменты в этой истории. Почему же недопустимо проделывать ту же самую работу по отношению к истории религии, которую проделываю я, тов. Степанов и ряд других наших товарищей, интересующихся и занимающихся вопросами о происхождении религии. Можно критиковать те или иные наши выводы, считать их более или менее спорными, неверными, но сказать, как это говорит тов. Полидоров, что

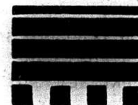
> «все сравнения мифов разных религий, выискивания сходства между ними есть путь реформирования церкви, очищения религии, а не борьбы с ней»,—

это значит, выбрасывать из нашего марксистского багажа такие замечательные и живые для всякого марксиста работы, как работы Кунова (происхождение религии), Эйльдермана («Первобытный коммунизм и первобытные религии»), П. Лафарга («Миф о непорочном зачатии», «Об Адаме и Еве» и другие). Невежество—не доказательство. А, между тем, от таких утверждений в «Спутнике Коммуниста» веет величайшим невежеством, своего рода нигилизмом: не нашего, мол, ума дело это, пусть буржуазные ученые занимаются сравнением разных религий и т. п., а нам, марксистам, это ни к чему.

Марксистам, дескать, нечего и пытаться соваться в эту область своим коммунистическим рылом, в калашный ряд, где обильно упражняются буржуазные писатели. А что же мы тогда предоставим читателю для изучения истории религии. Не думает ли тов. Полидоров, что в этом отношении помещенная в «Безбожнике у станка» божественная кино-лента истории фирмы бога отца и сына заменит собою такую историю религии? Я вовсе не против того, чтобы историю религии преподносили в живой, увлекательной, остроумной, даже в игривой форме. Но ведь одной игривостью не заменишь интереса к этому вопросу в широких трудящихся массах. *Они хотят знать,* откуда произошла религия, как она складывалась, и *мы обязаны* рассказать им это. Ведь если встать на точку зрения тов. Полидорова, то нельзя было бы, например, в учебнике о первобытной культуре перечислять имена разных существующих и вымерших народов на том основании, что это скучно, что это утомительно. Поэтому мы будем продолжать эту работу изучения религии и советуем нашим товарищам антерелигиозникам: пусть вас не пугают имена и названия исчезнувших богов и богинь, ищите за ними тот общественный строй, который их выдвинул, общественные отношения, выдвинувшие веру в этих богов.

Раз заговорили уже о методах антирелигиозной пропаганды, нельзя пройти мимо еще одного вопроса, чисто тактического. Надо ли обязательно так сильно ругаться, так «крепко выражаться», как это делает «Безбожник у станка». В этом отоншении чрезвычайно характерна эволюция, проделанная «Безбожником». Первый номер, вышедший с тиражем в 20.000 был встречен, как новинка, как сенсация, сразу завоевал себе место. Номер 2, февраль 1923 г., вышел с обложкой со следующей подписью: (повидимому эти слова произносит рабочий, указывающий на символическое изображение иеговы) «Пора нам рассеять туман, который буржуазия на нас напустила. Долой эту сволочь, эту религию». Когда в прошлом году на 12-м с'езде партии была устроена выставка «Безбожника» Московского Комитета, товарищи поступили очень хорошо, что целомудренно закрыли эту надпись, спрятали ее. Мне приходилось неоднократно спорить с товарищаим именно по этому вопросу: нужно ли употреблять такие выражения, или полезнее обходиться без них? И я считаю, что чем реже мы будем повторять в нашей антирелигиозной пропаганде пред крестьянскими и рабочими массами такие выражения, как «религия сволочь», тем скорей мы найдем дорогу к колеблющимся массам верующих. Этой точки зрения придерживаюсь я и сейчас. Мне кажется, эту точку зрения начинает усваивать и «Безбожник». Как бы то ни было, тон многих статей «Безбожник у станка», как и тон рисунков стал, конечно, терпимее. Можно только порадоваться, что редакция «Безбожника у станка» становится на эту позицию. Поэтому, Московскому Комитету надо решительно одернуть т. Полидорова, когда он продолжает проповедывать: *Скупиться на крепкие слова нечего*».

Опытных антирелигиозников у нас мало. Задача антирелигиозной пропаганды в общем и целом, конечно, определяется п. 13 программы РКП и решениями с'ездов партии. 13-й с'езд партии дал нам определенные директивы, но в рамках этих директив, конечно, большой простор для инициативы, для разработки различных форм и методов антирелигиозной пропаганды. Переиначивая определенную фразу о литературе, можно сказать об антирелигиозной пропаганде, что все виды антирелигиозной пропаганды хороши, кроме скучных. Достоинство «Безбожника у станка» заключается в том, что он сумел на три четверти выполнить эту задачу, изгнать скуку со страниц своего журнала. Но он не выполнит задачи марксистского органа, если он не изгонит из головы своих сотрудников те совершенно немарксистские мысли, которые заставляют их противопоставлять антиклерикализм безбожию в советском государстве.

Максим Полярный.

О путях к коммунизму в отсталых странах.

I.

Ленин в своем всемирно-историческом значении является творцом пролетарской революции и ее величайшим теоретиком и тактиком. «Ленинизм есть теория и практика пролетарской революции вообще, теория и практика диктатуры пролетариата в особенности», — пишет т. Сталин о сущности ленинизма.

В построении своей теории пролетарской революции для данной исторической эпохи Ленин исходит, между прочим, и из того основного факта, что «национальный» капитализм, переросший в высшую стадию своего развития—в империализм, есть *всемирная система финансового* господства и политического порабощения со стороны ничтожной кучки передовых стран громадного большинства населения.

С другой стороны, империализм углубил и довел до крайнего напряжения противоречие между кучкой передовых стран, закабаливших громадное большинство колониальных и полуколониальных стран, разделив мир на две неравные части (помимо классового антагонизма внутри каждой страны)—наций угнетающих и наций порабощенных. «Весь мир... разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство населения, около 70% населения земли принадлежит к угнетенным народам» (Ленин).

Для Ленина «самой важной основной идеей решений второго конгресса по нац. вопросу является «различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии»,—говорил Ленин.

В этом заключается одно из основных противоречий империализма, порождающих неизбежный взрыв пролетарской революции. Освободительное анти-империалистическое движение народов колоний и полуколоний представляет не меньшую опасность для империализма, чем восстание пролетариата передовых стран и наступление первого не менее реально и неизбежно, чем наступление второго.

Колониальные народы вместе и при поддержке (как в СССР) победившего пролетариата передовых стран свергают иго империализма, освобождаются от колониального гнета. Власть переходит в одних случаях прямо к пролетариату колониальных стран, при поддержке крестьянства, а в других — в руки национ. революц. буржуазии колоний с тем, чтобы через определенный период времени перейти окончательно в руки пролетариата и беднейшего крестьянства этих колоний.

Какими путями пойдет хозяйственное возрождение этих республик? Каково будет направление хозяйственного развития в окраинах с недоразвитым капиталистическим способом производства или даже с докапиталистической экономией? Неизбежно ли для первых, а, в особенности, для последних — прохождение этапа капиталистического развития?

Этот вопрос важен не только с чисто теоретической стороны—как проблема сочетания и соединения разных способов производства при переходной эпохе от капитализма к коммунизму. Нет—он представляет собой актуальной важности практический вопрос, от того или иного решения которого зависит судьба пролетарской революции, судьба миллионов колониальных рабов и полурабов. Эта проблема представит, несомненно, самую труднейшую задачу на другой день после свержения буржуазии в отсталых полукапиталистических странах.

Как известно, этим вопросом занимался впервые 2-й конгресс (1920 г.) Коминтерна и решен он был в сторону необязательности капиталистической стадии экономического развития.

Вот что говорил Ленин на конгрессе по данному вопросу:

> «Постановка вопроса была (в комиссии конгресса М. П.) следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а Советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отдельных народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры бойцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Конгресс в указанном смысле вынес решение. Это было сказано и решено в середине 1920 года, когда Советская Россия еще не вышла из эпохи военного коммунизма, из эпохи войн и блокад. Тогда еще не было сколько либо значительного опыта положительного строительства национальных советских республик. Тем не менее, гениальность Ильича позволила наметить ему программу и путь, реальная постановка и осуществление которой только сейчас (четыре года спустя) становится возможной—пока что в рамках СССР.

Итак, с помощью победоносного пролетариата капиталистических стран, при его активной поддержке, отсталые колониальные народы могут и должны развиваться к коммунизму, минуя стадию капиталистического развития.

«Но позвольте, как же вы, коммунисты, игнорируете состояние производительных сил и данный уровень культуры, идеологии и проч.», спрашивает нас «ученый» меньшевик.

На этот «убийственный» вопрос у т. Ленина имеется, действительно, убийственный ответ.

Как известно, в коротенькой статье по поводу «Записок» Суханова Ленин возвращался снова к вопросу о теории пролетарской революции. Полемизируя с Сухановым по вопросу об уровне производительных сил и о предпосылках к революции, он пишет:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот «определенный» уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

С точки зрения начетчиков марксизма—тут полнейшая ересь, метафизика. Но с точки зрения революции, революционной практики (хотя бы СССР) это—истина, непреложный исторический факт.

Глубокий смысл этой цитаты будет яснее, когда мы к ней подойдем с точки зрения отсталых колоний или окраин какой-либо «великой» державы. Возьмем СССР и ее окраины—Туркестан, Башкирию, Киргизию и проч. Для последних уже факт (да какой еще!) завоевание Ленинской предпосылки для поднятия производительных сил и уровня культуры. Этой *политической* предпосылкой является рабоче-крестьянская власть на окраинах. Тут вещи представляются в обратном виде, ибо такова диалектика революционного развития. То, что при капитализме являлось целью и задачей—становится предпосылкой, а предпосылка при капитализме (культурный уровень и проч.)—целью и задачей революционного периода.

Вот почему, имея такую величайшую предпосылку, как рабоче-крестьянская власть—наши отсталые окраины (и в нынешнюю эпоху вообще все отсталые народы) могут идти смело прямой дорогой к социализму, не боясь ни прорицаний и ни наветов меньшевиков и всех слуг империализма.

Но возможна и другая ситуация. Представим себе, что пролетарская диктатура восторжествовала почти во всех государствах Запада и Америки. Так неужели, находясь в полном *социалистическом* окружении, имея гигантскую помощь международного пролетариата, восточные колонии и полуколонии должны будут проходить непременно этап капиталистического развития и неужели эти колониальные миллионные массы думать не смеют о социализме?

Ясно, что при подобной ситуации (а она неизбежна) лопнут всякие меньшевистские разговоры об уровне производительных сил.

Если мы говорим, что взрыв социальной революции и на востоке, подготовленный эпохой разлагающегося империализма, означает не что иное, как *непосредственную* борьбу за социализм, движение отсталых народов прямой дорогой к социализму, то означает ли это, что на Востоке возможна *только непосредственно* пролетарская революция, немыслима и невозможна революция буржуазная? Другими словами—каков будет характер революции на Востоке, каково будет соотношение между социалистической и буржуазной революциями на Востоке?

По этому вопросу Ленин дал косвенный ответ в своих работах, касающихся содержания и характера Октябрьской революции.

Прежде всего что такое само понятие «буржуазно-демократическое содержание» революции?

«Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков, отношений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.» (Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 364).

Переходя к 1-му этапу Октябрьской революции (до разгона учредилки) Ленин спрашивает: «Была ли тогда революция буржуазной? Конечно, да—постольку, поскольку законченым делом нашим было довершение буржуазно-демократической революции, поскольку еще не было классовой борьбы внутри «крестьянства».

Что же именно было «законченным делом» буржуазно-демократической революции? Ленин пишет: «Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религии, угнетение национальностей... Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен», вы увидите, что мы их вычистили начисто».

Если взять эту законченную и четкую характеристику задач буржуазно-демократической революции,—то мы сразу убеждаемся, что чистка этих «авгиевых конюшен» составит на первый период основную задачу революции на Востоке. Следовательно, не может быть никаких сомнений на счет неизбежности буржуазного характера революции на Востоке.

Основной вопрос тут заключается в следующем: остановится ли на этом революция на Востоке, или она перескочит через эту грань, не довольствуясь очисткой авгиевых конюшен феодализма, примется за очистку остатков буржуазных конюшен?

И на этот вопрос Ленин дает совершенно определенный ответ:

«Прежде всего мы, большевики, знаем, «что она (социалистическая революция) не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической», знаем, «что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед», за ту черту, откуда начинается задача социалистической революции.

Ленин дает наглядную картину, как Октябрьская революция одновременно осуществляла задачи социалистической революции.

В чем выразились эти задачи?

«1) мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти, 2) мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых, 3) мы создали советский тип государства,—гигантский шаг вперед после 1793—1871 годов» («Новые времена, старые ошибки в новом виде»).

Кроме того, в статье «О значении золота» Ленин добавляет к этим задачам:

4) «революционный выход из империалистической войны» и 5) «экономическое строительство основ социалистического уклада».

Никакое действительное и серьезное революционное движение не может ограничиться в странах Востока *только* чисткой авгиевых конюшен феодализма, оно должно и *вынуждено* будет сразу направить свое орудие против буржуазных основ в своей стране, а, следовательно, и против буржуазии всего мира. Поэтому революция на Востоке, безу-

сложно и неизбежно перерастет за грани буржуазно-демократической революции—превратится в социалистическую революцию.

Как происходит и при каких условиях будет происходить это перерастание буржуазной революции в социалистическую?

«Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы».

«Мы решали вопросы в буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы... Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказывали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции... Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерости первую».

Вот как, на основании опыта России, Ленин изображает соответствие между пролетарской и буржуазной революцией в эпоху империализма.

Остается выяснить вопрос, в какой мере сказанное может быть применимо, распространяемо на грядущие революции на Востоке?

Поскольку верен общий анализ мировой обстановки, постольку, конечно, верны и выводы о соотношениях буржуазной и пролетарской революции в применении к странам колоний.

Но «борьба и только борьба» решает в конечном счете, насколько буржуазный характер революции перерастает в социалистический.

Итак, было бы ошибочным предполагать, что на Востоке революция *непосредственно* примет чисто социалистический характер. Революция на Востоке прежде всего должна очистить (если возможно, то в такой же короткий срок, как в Октябре в России) остатки феодализма и крепостничества, с тем, чтобы при поддержке западно-европейского пролетариата—перейти к решению задач пролетарской революции. При известной ситуации борьбы, разрешение задач буржуазной революции (очень грандиозных в обстановке Востока) может произойти так быстро, «мимоходом», что они (задачи) в исторической перспективе превратится лишь в «побочные продукты» социалистической революции.

К последнему исходу борьбы должны стремиться все компартии стран Востока.

Борьба, несомненно, будет невероятно тяжелой, но восставшие миллионы трудящихся—способны будут творить чудеса мужества, силы и энергии.

III.

В своей речи на 2-м конгрессе т. Ленин говорил:

«Какие средства для этого (перехода к коммунизму в отсталых странах М. П.) необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт».

С того момента, как были высказаны эти слова, прошло три года, пока Ленин, в своей гениальной работе «О кооперации (1923 г.) дал ответ на поставленный им же вопрос (на 2-м конгрессе).

Со времени второго конгресса Союз ССР совершил переход к НЭП'у, накопил богатый опыт практического хозяйственного строительства в отсталых странах. Тем ценнее этот опыт, что он проделан в обстановке НЭП'а, т.-е. в обстановке, допускающей капиталистическое накопление наряду с социалистическим, в обстановке сотрудничества мелких производителей-крестьян с крупной социалистической промышленностью и торговлей. Правда, весь опыт накопляется лишь в рамках одного нашего Союза, при условиях международного капиталистического окружения. Но именно потому, что наш опыт обставлен самыми свирепыми трудностями, что он совершается при единоборстве Союза ССР со всем капиталистическим миром,—именно поэтому этот опыт приобретает исключительное, не только внутри-союзное, но и международное значение.

В какой же форме отливается у Ленина этот практический опыт в рамках нашего Союза?

Мы считаем, что наиболее законченное выражение итогов нашей работы, как первой страны, для которой строительство социализма стало практической задачей дня,—дано в последней замечательнейшей работе «О кооперации». В этой работе поставлены снова и снова проблемы социалистического строительства в условиях НЭП'а, намечены перспективы и дана общая схема перехода от капитализма через НЭП к социализму. В этой работе, служащей прекраснейшим дополнением (и даже прямым дополнением) к работе «О пропаганде», в наиболее отчетливой конкретной форме дано обобщение опыта работы Советской власти с точки зрения страны, с преобладанием мелко-товарного крестьянского хозяйства. Именно это последнее обстоятельство дает нам право толковать и связывать учение Ленина о кооперации в приложении ко всем крестьянским, колониальным и полуколониальным странам.

Прежде всего, в чем чисто экономическое различие кооперации при капитализме и при диктатуре пролетариата?

«При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу». «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

Вот почему должен совершенно измениться наш взгляд на кооперацию.

И вот почему «такое гигантское необ'ятное значение приобретает для нас кооперирование России».

Но кооперация имеет не только глубоко принципиальное значение. Она ценна больше всего с практической стороны, с точки зрения доступности и ясности для самих масс, «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьян*».

«А, ведь, в этом, опять таки, главное»,—продолжает Ленин,— «одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело научиться практически строить

этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Эта «практичность, доступность для масс—придает наиболее жизненное значение кооперации перед другими формами рабочих и крестьянских об'единений. В этом залог успеха кооперативного строительства.

Какие же задачи отсюда вытекают?

«Собственно говоря, нам осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованым», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации... «*Только*» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму».

Однако, из всего сказанного, конечно, нельзя строить себе иллюзии о легкости социалистического строительства. Сам Ленин говорит, что для перехода к поголовному кооперированию населения нам потребуется целая историческая полоса, примерно определяемая им в одно-два десятилетия. В данном случае нас интересует не эта сторона. Мы хотим выяснить вопрос: какие пути и методы хоз. строительства нужны для перехода к социализму (при диктатуре пролетариата) от капиталистических и даже докапиталистических хоз. отношений?

И ясным неопровержимым ответом служит вышеприведенное суждение Ленина о кооперации. Кооперация, развивающаяся на земле и на средствах производства, принадлежащих государству, является основой того хозяйственного строя, из которого непосредственно вырастает социализм в странах с отсталой, мелко-буржуазной экономикой (конечно, при сочетании этой крестьянской экономики с крупной социалистической промышленностью данной страны или другой, но с победоносным пролетариатом). Та длительная эпоха, которая должна заполнить переход от докапиталистических отношений к социалистическим, она представлена будет эпохой кооперативного строя, эпохой своеобразного мелко-буржуазного кооперативного социализма, постепенно перерастающего в подлинный социализм, социализм на основе электрофикации и крупной индустрии.

Ибо «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,—это есть строй социализма» (Ленин).

Сплошное кооперирование населения неизбежный исторический этап идущего к социализму пролетариата в союзе с крестьянством. Кооперация не только мост между городом и деревней, но в большей степени это мост между капитализмом и социализмом.

Теперь попробуем конкретно подойти к хозяйственному развитию в наших нац. окраинах и рассмотрим, какое значение приобретает для них кооперация.

Почти во всех нац. окраинах СССР господствует мелко-товарное, частично и натуральное хозяйство, при ничтожных размерах промышленного развития. Уровень экономического и культурного развития весьма низкий. В прошлом эти окраины служили колонией для буржуазии и дворянства. Купеческий и ростовщический капиталы, проникшие туда, жестоко и хищнически эксплоатировали нац. окраины, с одной стороны ставя искусственные рогатки экономическому развитию их, а с другой—вывозя все накопленные населением ценности в метрополию. Словом, окраины доведены до нищенского положения. Фактическое неравенство с метрополией велико.

Задача российского пролетариата притти, по мере сил, на помощь этим жертвам империалистского грабежа. Помощь идет.

При таких условиях, как пойдет, по какому руслу хоз. развитие окраин?

Пролетариат, господствующий класс России, как сказано выше, начинает оказывать материальную и финансовую помощь нац. окраинам. Предположим, что эта помощь идет довольно широкой струей в наши: Туркестан, Киргизию, Татарию, Якутию и проч. Она используется для развития производительных сил окраин. Часть идет на развитие 1) государственной промышленности, 2) кооперации и госторговли, а часть на поддержку 3) крестьянского (скотоводчески - промыслового, земледельческого) хозяйства (последняя помощь совершенно неизбежна).

Одновременно начинается общий под'ем как государственного (социалистического), так и мелко-буржуазного хозяйства. Что вызывает параллельное развитие двух начал—социалистического и капиталистического. В скобках заметим, что социалистическое накопление производится капиталистическими методами.

Преобладание социалистического накопления за счет капиталистического может произойти в окраинах *только* в том случае, если финансовая и иная помощь центра будет велика настолько, что ее доля в общем национальном доходе (в данной окраине) будет составлять преобладающее значение. Вспомним, что в наших окраинах, в виду отсутствия так называемых командных опорных хозяйственных высот почти нечего противопоставлять росту частно-капиталистического накопления

Если же эта финансовая и иная помощь будет незначительна, то в окраинах на некоторое время безусловно преобладание капиталистического накопления будет происходить совершенно естественно и неумолимо.

IV.

Посмотрим теперь, нет ли в самих окраинах таких элементов хозяйства и таких слоев населения, которые могли бы составлять опору социализма?

Как уже указали, основа экономики окраин — мелкотоварное, частично-натуральное производство.

Но какое есть средство об'единения мелких производителей и воздействия на них?

В первую голову *кооперация*. Ее рост будет означать одновременно ослабление частного торговца, частного капиталиста.

«Действительное кооперирование действительных масс населения» — вот что единственно доступно и возможно для самих окраин при их организованном выступлении против капиталистического накопления.

При внимательном подходе к экономике и социальной структуре окраин, мы можем найти много того, что само просится в кооперирование, в об'единение против нэпманов, реставрированной и новорожденной буржуазии.

Даже при слабой классовой дифференциации мы можем найти, примерно, такие слои населения.

1) Охотники-пушники. Совершенно естественно, что там, где они составляют значительную группу, и где пушной промысел для них составляет основной источник существования (Север, Якутия и др.), там

необходимо приступить к созданию промыслового кооперативного союза пушников-охотников.

2) Рыболовы. Аналогичное положение с охотниками.

3) Кустари (самых разнообразных профессий). Тут задача также ясна—их об'единить, кооперировать, отбить от частных спекулянтов. Организовать выгоднейший сбыт продуктов, кредитовать и проч.

4) С.-х. батрак. Здесь возможно их об'единение в полу-коопер., в полу-профессиональный союз или об'единение. Здесь задача партии серьезнее и поважнее. Тут нужна классовая организация.

5) Мелкие (лишь формально самостоятельные) скотоводы, земледельцы. В зависимости от местных условий—их можно слить с батраками, или организовать артели, коллективные хозяйства—активный элемент кресткомов.

6) Середняцкие элементы—всех родов хозяйства. Здес нужна величайшая осторожность. Действовать только примерами. Втянуть их в первую очередь в потребительскую кооперацию, ориентировать на советскую власть, втягивать в кресткомы и проч.

Таковы грубые схематичные формы работы среди социальных группировок населения наших окраин.

Таким образом, мы видим, что как экономика, так и соц. строй окраин—позволяет вполне развертывать работу кооперирования туземного населения. И только этот путь кооперирования (при условии всемерной помощи центра и партии) обеспечит усиление и господство социалистического накопления.

Партия должна направить все силы на работу кооперирования. Ибо «тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (Ленин).

Сверх-обычная помощь центра окраинам и сверх-обычная работа в нац. окраинах по созданию широкого кооперативного движения, комбинирование этих элементов, сочетание и смычка кооперативного об'единения мелких товаро-производителей с государственной промышленностью и торговлей, вот что нужно в первую очередь сделать в наших нац. республиках, вот по какому пути должно идти хозяйственное возрождение бывших царских колоний.

И вот почему кооперация в специфических условиях бывших колоний—приобретает исключительное, еще более гигантское значение, чем в России.

Вот почему вопросы кооперативного строительства должны стать в центре внимания компартии в окраинах.

Кооперация должна закрепить и завершить октябрьские завоевания. Кооперация должна подвести экономический фундамент под политические завоевания.

Процесс кооперирования населения окраин будет процессом ликвидации исторически-сложившегося, фактического неравенства. Рост кооперации в окраинах будет равносилием росту социализма. И именно кооперация послужит мостом от докапиталистической экономики окраин к коммунизму.

Мы думаем, что все сказанное Лениным о значении и роли кооперации в приложении к мелко-буржуазной, крестьянской экономике СССР и ее окраин целиком и полностью применимо и ко всем колониальным и полуколониальным народам и странам.

Как Индия, так и Китай (если взять пример с них) находятся в такой стадии хозяйственного развития, когда капитализм, проложив себе

дорогу, растет семимильными шагами, но в то же время остатки мелко-буржуазного хозяйства настолько крепки, что они, несомненно, как преобладающая форма хозяйства (как и в СССР), переживут период социальной революции. И на другой день после нее—перед трудящимися массами Индии, Китая и др. стран встанет вопрос о постепенном продвижении к социализму. И все, что мы говорили о кооперации в обстановке СССР—будет с теми или иными изменениями, но в основном приложимо и к этим странам.

Кооперативный строй, о котором говорит Ленин—станет неизбежной, исторической эпохой на пути от полу-варварских, до-капиталистических способов производства к социалистическому. Кооперация для народов Востока послужит, таким образом, также мостом между ними и Западом. Именно через кооперативные предприятия будет пробивать себе дорогу высоко развитая техника индустрии и земледелия, через кооперацию будут приобщаться к западно-европейской и американской культуре эти отсталые и задавленые ныне империализмом народы.

Процесс этот будет длителен, а путь тернист, не сплошь усеян розами, но победоносный пролетариат передовых стран сделает все, чтобы ускорить этот процесс. Братская помощь социалистического Запада, наверное, в колоссальных размерах двинет дело внедрения крупной промышленности в отсталые страны. Но тем с большей силой будет вырастать значение кооперирования всего мелко-буржуазного многомиллионного населения, хозяйство которого составит рынок для расцвета крупной социалистической промышленности самого Востока.

Вот почему мы считаем, что Ленин в работе «О кооперации» не только продолжил свою работу «О продналоге», об экономике СССР и ее перспективах, но и продолжил свои исследования национального и колониального вопроса, в частности ответил на поставленный им же и оставленный открытым вопрос о путях к коммунизму в отсталых народах на 2-м конгрессе Коминтерна.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мировая политика.

Основные линии.

Предлагаемый вниманию читателя сжатый обзор мировой политики—по отдельным основным странам и под углом зрения основных внешне-политических проблем,—отмечает, как основную характерную черту современного комплекса международных отношений, *переплетение двух тенденций:* тенденции к временному *сглажению* международных антагонизмов путем всяких компромиссов и сделок и—тенденции, выражающейся, наоборот, в *обострении* старых и *созревании* новых международных противоречий.

Если первая тенденция диктуется мировой буржуазии всем шатким укладом современных отношений—хронической социальной опасностью, всеобщей, еще не прошедшей, утомленностью от войны, но сильнее и прежде всего, в начале колоссальным, и теперь еще далеко не преодоленным, хозяйственным кризисом, неясностью ближайших экономических перспектив, необходимостью кое-как воссоздать единство мирового капитализма,—то, наоборот, противоположные тенденции заложены в самой антагонистической природе, в монополистических тенденциях современного империалистического капитализма.

Параллельное и скрещивающееся действие обоих противоположных тенденций может быть прослежено в политике более или менее всех стран, в сплетении, во внутренней динамике более или менее всех «проблем».

Доклад экспертов по репарационному вопросу представляет из себя, без сомнения, один из центральных пунктов в развитии современных внешне-политических отношений, представляет из себя *новый, крупный этап в мучительном, затяжном процессе обратного сращения мирового капиталистического организма в одно целое,* после того, как мировая война с ее многоразличными последствиями разорвала этот целостный и сложнейший организм на части.

Дальнейшим крупным фактором развития в ту же сторону является постепенное ослабление центробежных тенденций в С.-А. С. Штатах, постепенный катабазис С. Штатов с накопленным ими колоссальным богатством и излишками кредитного капитала в обедневшую капиталистическую Европу. Начинается процесс реставрации европейского публичного кредита. Силы взаимной сцепляемости не только европейского, но и мирового капитализма получают новый импульс.

Капиталистический мир явно вступает в *новую—вторую—полосу политики своеобразного крупно-капиталистического «пацифизма»,* политики компромиссов и оппортунистических сделок, лавирования, сглаживания противоречий после того, как первая, начавшаяся в конце 1920 г., полоса привела только к весьма частичным, а отчасти и просто противоположным результатам.

Мы думаем, что *эти тенденции* утомленного, обескровленного империализма наложат сильнее, непосредственнее других—антагонистических тенденций—свой *отпечаток на ближайшую фазу развития мировой политики.*

Но они не в состоянии будут преобразить всей природы современного империалистического капитализма, они не способны стать залогом его органической «реформы», которая выразилась бы в прочном обуздании, в приручении центробежных сил империализма.

Для возникающего шаткого равновесия сил будет представлять постоянную угрозу не только глубокое противоречие между установившимся в России строем и строем всего остального мира, не только факт некоторой неравномерности, так сказать, аритмичности всего исторического процесса развития, находящий свое выражение как в хозяйственной области в неравномерности развития кон'юнктуры, так и в политической области в неоднородном чередовании у власти различных буржуазных классов и партий.

Более того: мы наблюдаем, как *под покровом начинающего остывать внешнего слоя созданного Парижскими мирными переговорами в 1919 г. миропорядка более глубокий молекулярный процесс приводит постепенно к обострению старых международных противоречий и возникновению новых.*

Вся южная часть Центральной Европы и весь ее Юго-Восток еще только выходит из состояния небулозы.

Даже и доклад экспертов—эта конституционная хартия капиталистической Европы, успевшая пока об'единить на своей основе колоссальную коалицию, начиная от американских банкиров и кончая германскими социалистами,—буквально насыщен латентными (скрытыми) элементами международного соперничества и борьбы.

Но, повидимому, *главный узел будущих мировых конфликтов завязан на водах Тихого океана, где ни одна из основных капитальных проблем не приближена к своему разрешению, и где ныне скрещиваются основные линии мирового соперничества за обладание морями.*

Только более глубокое ознакомление с природою современного, столь отличного от предвоенных, мирового хозяйственного кризиса с его многогранными явлениями—колоссальным ростом производственного аппарата при одновременном сокращении возможности сбыта, значительным несоответствием в размерах производства в основных отраслях мирового хозяйства, небывалым быстрым процессом *индустриализации* стран, молодого, колониального капитализма и т. п.—только исследование этих основных явлений капиталистической современности *(к которому мы только еще подходим),* дало бы возможность измерить всю силу намеченных выше антагонистических тенденций.

Сложнейшее переплетение одних и других более подробно представлено в прилагаемом обзоре, причем, повторяем, нам думается, что, хотя и в формах только лабильного равновесия, центростремительные тенденции капитализма будут первое время, повидимому, превалировать над центробежными.

Америка (Соединенные штаты).

Дезертируя из Европы, убегая от европейского хаоса и чересполосицы, Соединенные Штаты фактически только возвращались к своей традиционной политике участия в европейских делах только «постольку—поскольку», только по мере своих интересов и надобностей. Противоположность между картиной, какую представляла старая Европа в последние годы, и картиной развития в северо-американской республике—здесь новый небывалый кризис, завершаемый рурским спазмом, там процветание на основе национального рынка—противоположность эта была еще слишком бьющей в глаза, чтобы на некоторое время еще не укрепить в массах основ консервативной и реакционной политики изоляции, обособления от смутных и пока маловыгодных европейских дел. Год 1923 и начало 1924 еще не приносят в этом отношении существенных перемен: национальный рынок еще продолжает давать полное и весьма выгодное занятие промышленности. Сокращение вывоза при небывалой занятости индустрии, обнаруживает все громадные возможности местного рынка. Ранняя весна 1923 года является моментом апогея национальной кон'юнктуры.

Республиканское правительство, правительство крупнейшей капиталистической буржуазии с спокойным достоинством регистрирует факт признания Великобританией своего громадного долга Америке (что обходится британскому бюджету ежегодно жертвою приблизительно в 35 миллионов фунтов) и требует такого же поклона заокеанскому золотому тельцу от России.

Год 1923 и начало 1924 являются *периодом величайшей хозяйственной самонасыщенности, политического самодовления и самодовольства Штатов.* Этого самодовольства не в состоянии существенно нарушить и громкие *небывалые нефтяные скандалы,* обнаружившие еще раз всю беспредельную корумпированность господствующего режима. Эти скандалы успели только несколько ослабить шансы республиканской партии, оказавшейся несколько более скомпрометированной, нежели соперничающая с нею в борьбе за власть и за подачки нефтяных магнатов демократическая партия. В условиях сытой замкнутости заокеанского могучего капитализма замечается зато своеобразное *измельчание политической борьбы:* в начинающейся президентской избирательной кампании ни одна партия не выступает крупной, ясно очерченной политической платформой, и, повидимому, всего меньшую на этот раз роль играют в избирательных платформах внешне-политические лозунги.

И все же всем своим тяжелым весом Америка давит на раскромсанную и истощенную Европу. Политика «изоляции» является в последнем счете только кулиссою, методом, в котором есть столько же элементов нажима, шантажа, сколь и ханжества. По существу, грозный пафос расстояния, устанавливаемый между полными сундуками и европейской разоренностью, представляет из себя манеру и способ ставить Европе определенные предварительные условия: этими условиями, при которых Вашингтон и нью-иоркская биржа готовы снизойти к более тесному сотрудничеству со старым материком, является—*склонение Германии перед необходимостью репарационных платежей и примирение британских и французских методов действия.* Американский капитал, хотя и никогда не выходя из роли ближайшего партнера и союзника Англии, требует здесь жертв от всех: от Германии—отказа от надежды задним числом аннулировать факт и последствия союзнической победы, от Франции—отказа от милитаристских спекуляций на континентальную гегемонию, от Англии—отказа от увлечения континентальным соперничеством с Францией, в особенности в дезорганизующих бесплодных формах хаотического дергания не только ллойд-джорджевской, но и керзоновской политики.

Иначе говоря, по существу, европейская политика Соединенных Штатов есть *политика «замирания» Европы, политика сглажения антагонизмов, политика своеобразного капиталистического «пацифизма»— и в этом смысле, в своей основной тенденции, политика Соединенных Штатов совпадает с основной линией политики Великобритании.*

Все же с некоторыми существенными различиями: Великобритания—в особенности в лице Ллойд-Джорджа и Керзона—стремилась этой политике придать особый отпечаток *британской гегемонии.* Соединенные Штаты преследуют при этом цель некоторой общей *нивелляции.* В принципе все должны быть равны перед американским маммоном. Политика Великобритании оказывается по своим ближайшим целям более всего родственной политике Соединенных Штатов, но Соединенные Штаты стремятся регулировать эту политику, как это показал прошлогодний опыт с неудавшейся попыткой лондонской дипломатии созвать против воли Франции международную финансово-репарационную конференцию, как это еще раньше обнаружил провал попытки Бальфура—Ллойд-Джорджа установить между репарационным вопросом и проблемой межсоюзнических долгов. И, с другой стороны: милитаристские увлечения Франции представляются Вашингтону и Нью-Иорку определенным излишеством и бесчестием—в виду явной невозможности для Франции приступить по примеру Англии к уплате ее долгов Америке,—но американские банки в высокой степени заинтересованы сохранением ценности французских бумаг, и Морган поспешил в критическую минуту подкрепит падающий франк. В этом смысле политика С. Штатов не лишена и по отношению к Германии, и даже по отношению к Англии, *некоторого франкофильского оттенка.*

Вся пассивность американской внешней политики не помешала американским банкирам Дауэсу и Ионгу, хотя и под бутафорскою видимостью «неофициального» участия, *сыграть решающую роль в работах комиссии экспертов.*

Выраженная еще раньше с президентского места готовность С. Штатов принять *участие в международном верховном судилище,* пусть и не под непосредственными ауспициями Лиги Наций, показала всю условность политики изоляции, в которой растущая международная связанность Америки пробивает фактически брешь за брешью. И даже грандиозный нефтяной скандал сыграл здесь свою роль, поскольку он дал возможность заменить скомпрометированного генерального прокурора Догерти—Стоном (Stone), непосредственным доверенным лицом Моргана, представителя сильнее всего связанных с Европой «интересов».

До недавних пор идеи, враждебные политике изоляции, находили свою главную опору, с одной стороны, в *финансовом* капитале, со времен войны тесно связанном с союзническими странами и заинтересованном в применении своих колоссальных излишков, с другой стороны, в *фермерстве,* страдающем от ставшего хроническим, несоответствия между ценами промышленных и сельско-хозяйственных продуктов, несоответствия, об'ясняемого обнищанием европейских рынков при гро-

мадном, наоборот, увеличении производства основных сельско-хозяйственных продуктов в Штатах (за исключением хлопка), непрекратившемся и после наступления в Европе с концом 1920 г. громадного промышленного кризиса. (Средняя производства основных родов зерна для 23 г. выражается цифрою 111, а в рекордном 22 г.—цифрою в 131 при средней в 100 в 1919).

Наоборот, *промышленность*, колоссально развившая за последнее десятилетие свой вывоз в *неевропейские* страны, и, прежде всего, занятая за последние годы восстановлением всего расстроенного за время войны оборудования страны (что и явилось главною основою недавней высокой кон'юнктуры) была скорее носительницей узко-протекционистских тенденций, протекавших параллельно с политикой изоляции (от Европы).

Наступившая под влиянием такого мощного стимула, как военный и послевоенный экспорт, лихорадочная индустриализация (рост производственных способностей основной, металлургической промышленности не менее, чем на 50% при одновременном значительнейшем увеличении производства некоторых основных родов сырья—уголь, нефть) и чрезмерно быстрая по темпу колонизация, относительная «переколонизация»—страны, выразившаяся, в особенности в северо-западных Штатах, в небывалом росте земельной ренты, уже более неоправдываемом уровнем цен на сельско-хозяйственные продукты: все это вызвало некоторую *реакцию*. Эту реакцию мы находим не только в некотором мальтузианстве финансово-промышленных методов С. Штатов, в стремлении регулировать темп развития производства в особенности при помощи последовательной кредитной политики, но, прежде всего, в недавно решенном *существеннейшем ограничении иммиграции*, фактически закрывающем доступ в С. Штаты громадной эмигрантской волне из всего юга-востока и востока Европы. Этот акт громадного значения представляет из себя на вид новый крупный акт политики изоляции, по существу же он является, наоборот, показателем того, *что в лихорадочно ускоренном процессе своей внутренней колонизации, Сев. Америка достигла некоторого предела, некоторой грани в своем развитии, как колониальной страны*.

С наступлением некоторого момента насыщения этого процесса должны неизбежно усилиться *тенденции торговой экспансии во вне*.

Весна текущего года показала впервые с достаточной наглядностью *ограниченность, казавшегося неисчерпаемым, национального рынка:* в апреле месяце, хотя пока еще и при противоречивых признаках, наступает все же заметное *ухудшение кон'юнктуры* (сокращение производства стали примерно на 15%, дальнейшие сокращения в текстильной промышленности и т. п.). Явления эти неизбежно приведут *к усилению роли и промышленного фактора* в борьбе с политикой утрированного «изоляционизма». *Доклад комиссии экспертов, без сомнения, должен в этом отношении явиться поворотным пунктом. За докладом Дауэса скрываются руководящие американские банки*, уже предрешившие свое видное участие в первом, предвиденном в докладе Дауэса, репарационном займе в 800 миллионов марок, и готовящиеся к финансированию и в других формах германской промышленности. Колоссальное накопление золота в Соед. Штатах, концентрирующих ныне у себя немногим меньше половины всего мирового запаса, приводящее к обесценению золота (в настоящий момент приблизительно на 40%) и, стало быть, уменьшающее ценность не менее чем четырехмиллиардного золотого запаса Штатов (в том числе трех миллиардов долларов государственного федерального банка) и в то же время ухудшающиеся экспортные возможности по сравнению со всеми прочими странами с их валютою ниже золотого паритета,—эта золотая «опасность» все сильнее толкает финансовый капитал Америки в Европу, в которую он в последнюю послевоенную эпоху канализовал только немногим больше денег, чем в страны Дальнего Востока, и гораздо меньше, чем в американские страны (соответствующие цифры для 1923 г.—не считая конверсий—70 миллионов долларов для Европы, 50 милл. для стран Дальнего Востока и 93 милл. для стран Южной и Северной Америки). Это еще всего только начало медленного процесса, но и оно бесспорно обозначает *максимальную точку развития в политике «восстановления» европейского капитализма со времен прекращения мировой бойни*.

Это развитие соответствует общей, своеобразно «пацифистской» линии утомленного капитализма послевоенной эпохи. И в отношениях между обоими крупнейшими капиталистическими державами—Соед. Штатами и Великобританией—отношениях, носящих в себе могущественный зародыш единственного *мирового* антагонизма нашего времени, период своеобразного сотрудничества, соучастья в *об'единенном суперкапиталистическом англо-саксонском тресте*—продолжается. Доклад комиссии экспертов, без сомнения, обозначает собою *новый зенитный момент в развитии мировой гегемонии англо-саксонского капитализма*.

Смягчению антагонизма между обоими руководящими капиталистическими державами способствуют не только временный параллелизм их основных, диктуемых непосредственнейшими экономическими заботами в условиях мирового хозяйственного кризиса, стремлений к «замиранию» и к «возобновлению» европейского рынка.

В том же направлении действует и смягчение некоторых основных антагонистических моментов у обоих полюсов—британского и американского. Со стороны Америки назовем все более *явный провал надежд на возможность с'импровизирования торгового флота, способного соперничать с британским* (провал, выразившийся в истекшем 1923 году в серьезном дефиците линий, находящихся в управлении государства, либо переданных им в управление частных лиц).

Со стороны Великобритании назовем, прежде всего, еще гораздо более интенсивную поглощенность хозяйственными заботами при слабой надежде на быстрое полное восстановление, далее: растущую зависимость Канады от Соед. Штатов (и как рынка, и еще более как источника финансового капитала), наконец, растущие затруднения в основных колониях, прежде всего, в Индии. *Все это вместе существеннейшим образом сокращает свободу движения британского империализма на целую историческую эпоху* и заставляет его молчаливо мириться со многими фактами, в их числе с заметным усилением позиции Соед. Штатов в *Мексике*, где Юз своей решительной и последовательной поддержкой правительства Обрегона (признанием и впоследствии поддержкой деньгами и военным снаряжением) успел существенно обогнать Англию. Также и на Дальнем Востоке, со времен Вашингтонской конференции, все труднее можно представить себе со стороны Англии политику открытого антагонизма по отношению к Соед. Штатам. (И здесь глубокий социально-политический процесс, происходящий в сложном организме Индии, играет также некоторое задерживающее значение).

Наконец, и в сфере борьбы английских и американских трестов за нефть мы также наблюдаем несомненную detente: временное примире-

ние интересов уже состоялось в отношении бывших русских концессий в Северной Персии и все явственнее намечается в попытках сговоров на счет русской нефти с устранением Франции.

Вот более или менее формула теперешней действительности и ближайших перспектив. *Для ближайшего периода политический барометр по всей линии американской политики показывает на погоду. Но в то же время более глубокий исторический процесс, связанный неразрывно со всей природой современного капитализма, с его фатально монополистическими тенденциями, и в частности, со строем отношений, кристаллизующихся в бассейне Тихого океана, медленно, но неуклонно готовит опасность новых конфликтов.*

Признаки скрытых противоречий громадной потенциальной силы можно явственно различить в *политике вооружений* Соед. Штатов. Решения Вашингтонской конференции по существу никого не удовлетворили. Эти решения слишком явственно оставили широкую свободу для обхода установленных ограничений. Вся энергия подписавших Вашингтонское соглашение держав устремилась в сторону не только воздушного флота, но и тех категорий более легкого вспомогательного морского флота (подводные лодки, крейсера с водоизмещением ниже 10.000 тонн и т. п.), которых не коснулись Вашингтонские ограничения. Саботаж со стороны Франции на Вашингтонской конференции принес в результате «пользу» всем соперничающим морским державам. В этой сопернической борьбе Соед. Штаты не только не отстают, но из уст нового морского секретаря Штатов—Вильбуря мы услышали недавно, при внесении им в палату новых морских кредитов, знаменательное словечко о том, что в *области вспомогательного флота Америка должна обеспечить себе уже не только равную сильнейшим позицию, но «господствующее положение»*. Одновременно, со ссылкой на техническое несовершенство американского боевого флота, все учащаются в американской прессе утверждения, будто бы Америка и здесь оказалась обогнанной Англией, и будто бы фактическое соотношение сил боевого флота выражается ныне не в установленной конференцией формуле 3 : 5, но 3 : 4 : 5.

Пред лицом явных громадных затруднений, создаваемых *в Китае* всякой «конструктивно»-империалистской политикой, колоссальным социальным процессом, который в формах хронической гражданской войны потрясает эту огромную страну, Вашингтонский империализм держит себя пока в отношении японо-китайских проблем в осторожно выжидательной позиции. Но он ни на минуту не выпускает из глаз этих крупнейших об'ектов мировой политики. Добившись уже устранения Японии из Шандуня, он стремится держать и Россию подальше от Китая и вообще резервирует этот крупнейший оставшийся об'ект колониальной эксплоатации для будущих, более «благополучных» времен.

Неслыханно возросшая со времен войны *экономическая связанность Соед. Штатов с Японией,* занимающей ныне одно из первых мест в американском вывозе и почти первое место, во всяком случае, равное Англии и Канаде в американском ввозе, связанность еще усугубленная временными последствиями землетрясения, конечно, и бесспорно является по существу крупнейшим фактором *умиротворения* японо-американских отношений. Но основная, всеоб'емлющая внутренняя проблема Японии, вытекающая из факта ее относительно колоссального перенаселения, при слабости ее собственной питательной базы и нищете в области основных родов промышленного сырья, этим фактом не устраняется.

Упорство же, с каким, вопреки сопротивлению президента Кулиджа, обе американских палаты своей отменной, так называемого, «джентельменского соглашения» от 1907 г. фактически упразднили возможность японской иммиграции, обнаруживает ярко всю скрытую силу противоречий, и, создавая для Японии безвыходное положение, прямо-таки толкает ее именно в Китай, являющийся в то же время величайшим об'ектом скрытых вожделений других держав.

Наконец, некоторое уже указанное выше исчерпание внутреннего, национального рынка Соед. Штатов, относительная—с точки зрения темпа—«переколонизация», растущая в связи с этим необходимость искать компенсирующих *внешних рынков,* должна со временем неизбежно повести к обострению международного торгового соперничества, в первую голову соперничества с Великобританией. Знаменательным, почти сенсационным сигналом этого намечающегося процесса явился преданный гласности доклад Совета Американского Государственного Федерального Банка. Совет решительно возражает против взятия в основу нового германского Эмиссионного Банка, британского фунта стерлинга, как стоящего ниже золотого паритета. Всесильное американское банковское учреждение провозглашает принцип необходимости полного перехода всех европейских валют на золото, в противоположность британским финансовым кругам, отстаивающим принцип постепенности этого перехода. По смыслу это столкновение принципов эмиссионной политики обозначает собою ни что другое, как *стремление со стороны Соед. Штатов вытеснить фунт стерлинга, как основную меновую единицу в мировом торговом обороте, пошатнуть положение Лондона, как мирового финансового и расчетного центра, и в частности, вступить в прямую борьбу с другими державами за преобладающее влияние в Германии на основе, созданной докладом экспертов.*

Англия.

Уже почти целых четыре года основным фактом, налагающим свою печать на всю политику Великобритании, остается мировой хозяйственный кризис, который неизбежно должен бы особенно тяжело коснуться этой страны, связанной более всех остальных с мировым рынком. Все другие заботы—сопернническая борьба с Францией за континентальную гегемонию, борьба за возвращение утерянных позиций на Дальнем Востоке, вырисовывающийся на историческом горизонте антагонизм с Соед. Штатами, единственный *мировой* антагонизм нашего времени—все эти заботы временно подчинены *основной, актуальнейшей и непосредственнейшей заботе—тяжелой борьбе за возможности сбыта, за восстановление разрушенного войною европейского рынка, за сохранение расшатывающихся устоев Британской империи.* Политика всех очередных британских правительств, коалиционного, обоих консервативных и рабочего правительства представляет из себя по существу только разные варианты этого политического лейтмотива.

Ллойд-Джордж кладет начало этой политике своеобразного крупно-капиталистического пацифизма, политике компромиссов, оттяжек, лавирования, замазывания антагонизмов. Попытки проводить эту политику, без сомнения, совпадают вначале с моментом апогея британских влияний на европейскую политику. Но эта политика, нашедшая свое внешнее выражение в бесконечном цикле международных конференций, не приводит к положительным результатам. Репарационные конферен-

ции приводят к поражению умеренной политики во Франции в лице Бриана, приходу к власти Пуанкарэ и в своем финале—к Рурской оккупации. Попытки решения «русского вопроса» на конференциях Генуэзской и Гаагской подготовляют только падение самого Ллойд-Джорджа. Средиземноморские увлечения британского премьера—Ллойдж-Джордж всегда представлял в системе британской политики узко-европейскую, а не мировую линию — приводят к разгрому Греции, сопровождаемому брюскированием доминионов. Единственное конкретное достижение этой эпохи—это Вашингтонские ограничения основных категорий морских вооружений. Но и это относительное достижение окупается фактическим признанием мирового почина и первенства Соед. Штатов: на Вашингтонской конференции Великобритания делает смиренный вывод из изменившегося в результате войны соотношения сил, она переходит официально на one power standard и жертвует под натиском Соед. Штатов и попадающей во все большую от них зависимость Канады своим двадцатилетним союзом с Японией, что меняет все соотношение сил на водах Тихого океана, приводит к постепенному, хотя еще только латентному обострению британских отношений с Японией и к планам постройки крупной базы в Сингапуре.

Политика нерешительности и компромиссов проводится и в самой империи по отношению к крупнейшим колониям: в Египте правительство метрополии колеблется между методами «сильной руки» лорда Алленби и либеральными начинаниями лорда Мильнера, в Индии политика метрополии выражается то жестокой бойней в Амритсаре, то реформой Монтегю-Чельмсфорд, вводящей своеобразный дуализм в управление этой величайшей из колоний.

В результате, бесплодная нервность и дергание ллойд-джорджевской политики приводит в беспокойство британские деловые круги, и с ними вместе деловые круги всего мира, жаждущие «спокойствия». Эти деловые круги обращаются против своего недавнего любимца—Ллойд-Джорджа.

Политика пришедших ему на смену консерваторов представляет из себя по существу только новый вариант той же политики оппортунизма и компромиссов, диктуемой насущнейшими нуждами британского торгового и промышленного капитализма.

Бонар Лоу в разгоряченную атмосферу ллойд-джорджевской политики привносит только одну новую нотку, нотку столь желанного «спокойствия». Это с таким треском возвещенное утомленным буржуа «спокойствие» оказывается бессильным помешать пред'явленному России авантюристскому ультиматуму Керзона. В Западной Европе политика «спокойствия», в виду явно беспокойного характера политики Франции, приобретает значение и смысл простого подчинения Франции, ее почину и ее «совершившимся фактам». На январской (1923 г.) парижской конференции Бонар Лоу просто умывает руки и после этого жеста Понтия Пилата дает Пуанкаре свое благословение на рурскую авантюру. Керзоновские метания и чисто дипломатические жесты силы, за которыми не следует действие, только подчеркивают унизительное бессилие лондонской дипломатии. В знаменитом сентябрьском коммунике британское правительство неожиданно открывает тождество своих взглядов с правительством Пуанкаре, и по существу толкает падающего—падающую Германию. *Вся политика Великобритании в период Рурской оккупации есть политика неверия в свои собственные силы,* политика, строющая свои надежды только на сопротивлении Германии и внутреннем развитии в самой Франции.

Единственное практическое достижение политики «спокойствия» это:

а) во-первых, прекращение войны с Турцией, купленное ценою отказа от Севрского мира, принесения в жертву Греции и равнозначущее признанию собственного поражения;

б) во-вторых, соглашение с Соед. Штатами о платеже долгов, продиктованное, прежде всего, дефляционными интересами британских крупных банков и обременяющее новым тяжелым бременем британский бюджет.

Этой безжизненной и безыдейной политике Болдвин, став во главе того же консервативного правительства, пытается противопоставить конструктивную программу развития имперских связей, воссоздания империи, как самодовлеющего хозяйственного целого, спаянного системой протекционистских мер.

В *хозяйственном* отношении эта новая программа обозначает собой по существу торжественно засвидетельствованную потерю веры в возможность скорого «восстановления» Европы. Болдвин торжественно хоронит ллойд-джорджевские надежды, а сам Ллойд-Джордж, став во главе либеральной оппозиции, превращается постепенно в пессимиста. Болдвиновская утопия продиктована также несомненною боязнью опасности германской конкуренции после решения репарационной проблемы.

В *политическом* отношении программа Болдвина обозначает собою капитуляцию на европейском материке перед Францией.

Ошеломляющий провал протекционистской затеи приводит к власти Рабочую Партию, которую неизменное действие все тех же фактов—факта весьма медленного и неравномерного улучшения хозяйственной кон'юнктуры с сопровождающей ее громадной безработицей—заставляют по существу вести все ту же политику «восстановления» европейского и мирового капитализма средствами оппортунистических компромиссных и пацифических жестов. Все та же спекуляция на расширение возможностей сбыта при одновременном давлении рабочих масс, ищущих в этом вопросе не только материального удовлетворения, приводит правительство Рабочей Партии к безусловному формальному признанию Совроссии.

Дальнейший вариант в политике Рабочей Партии рядом с усилением пацифистской нотки, выразившейся, прежде всего, в отказе от постройки крупной морской базы в Сингапуре, вносит не столько даже более умелый, терпеливый, замаскированный дружественными фразами расчет на внутреннюю эволюцию в самой Франции, сколько счастливое стечение обстоятельств во времени: тот подарок судьбы, каким явилось для правительства Макдональда падение французского франка и вслед за ним падение и самого Пуанкаре вместе с национальным блоком. Этот *двойной крах,* которого чуть было не задержали совместно с Морганом и британские банки, своей акцией по поддержке франка, расчищает существенно путь для «примирения» англо-французских интересов и совместного «решения» репарационного вопроса, основанного на совместной, умело *дозированной эксплоатации Германии* без чисто разрушительных приемов в стиле Рурской оккупации, но зато в духе мальту-

зианского, *кастрированного капитализма,* исходящего из предпосылок длительно сокращенных возможностей мирового рынка. «Регулирование» германской хозяйственной жизни при помощи разных международных органов заменит с успехом всякие болдвиновские, протекционистские пошлины. Германская промышленность будет извлечена из мертвящих когтей французского милитаризма, наносящего удары и собственной стране, но зато опасность слишком свободного и скорого расцвета германского промышленного соперничества на мировом рынке будет задушена в зародыше, на самом месте возникновения этой опасности. Германскому национальному хозяйству будет дано право на дозированную жизнь, будет создан в центре Европы *капитализм второго разряда.*

В этом смысле и в этих пределах, без сомнения, оппортунистско-«пацифистская» политика Великобритании—как раз при рабочем правительстве—*подходит к своему относительно крупнейшему успеху.*

Этот успех, который, повидимому, наложит свой отпечаток на ближайшую эпоху, не мешает тому, что параллельно этим усилиям и потугам внешне-политического оппортунизма, в социально-политическом организме Великобритании продолжают и при рабочем правительстве, как и при предыдущих правительствах, развиваться более глубокие и длительные тенденции противоположного, *антагонистического* характера.

На это указывает уже тот факт, что *британские вооружения не только не сокращаются, но в некоторых категориях происходит даже их дальнейшее усиление.* Продолжается, прежде всего, энергичное строительство воздушного флота на основе провозглашенного консервативным правительством и направленного своим острием против Франции принципа one power standard. С незначительными сокращениями осуществляется даже в ускоренном темпе и судостроительная программа. Пацифистские соображения с легким сердцем приносятся в жертву неизменным историческим целям британского империализма, как и желание создать искусственно занятие для пары тысяч безработных и удовлетворить минимальной подачкой страдающую от безработицы миллионную массу. Единственным серьезным уклонением от консервативной программы вооружений является отказ от постройки крупной морской базы в Сингапуре, но и эта самая дешевая из пацифистских демонстраций, экономящая британскому бюджету немногим более одного миллиона фунтов в год, носит явно только временный характер. Несмотря на это, она вызывает резкое сопротивление не только британских империалистов, но и свирепо японофобски правящих групп тихоокеанских доминионов, являющихся в последнее время во всех отношениях сильнейшей колониальной опорой британской империалистской программы.

В отношении Германии, правительство Рабочей Партии при всем своем пацифизме оказалось, в результате, более близким британским консерваторам, нежели либералам, являющимся в силу специфической европейской ограниченности их политического горизонта, главными носителями противофранцузского антагонизма. Боязнь германской конкуренции и желание во что бы то ни стало обеспечить рынки сбыта британской промышленности, представляет из себя элемент некоторого скрытого родства между внешне-политическими целями, какие ставит себе Рабочая Партия и консервативная оппозиция. Факт преобладания безработицы и низкой заработной платы, как раз в отраслях промышленности, более всего связанной с внешними рынками, не остается без влияния ни на одну из британских политических партий. И *расчет на возможность регулировать и нормировать в будущем производство и международную торговлю Германии, является, по меньшей мере, таким же источником восторга всех трех британских партий пред докладом экспертов, как и надежда вывести, наконец, при его помощи Европу из состояния хронической политической анархии и хаоса.* Макдональд об'единяет в одно специфическое целое оппортунизм либералов и их вражду к европейской политике Франции с франкофильством консерваторов, стремящихся, прежде всего, к ограничению и подавлению германского производства.

Несмотря на временный отказ Великобритании от постройки сингапурской морской базы, продолжающаяся неуклонно борьба за восстановление утерянного во время войны положения на Дальнем Востоке в условиях все возрастающих осложнений в Индии, постепенно приводит британскую политику в Тихом океане к подчинению политике Соед. Штатов и, стало быть, в той же мере постепенно обостряет ее отношения с Японией. Только громадные имманентные трудности китайской проблемы и невозможность в условиях господствующего маразма и кризиса мобилизовать для более или менее насильственного ее решения сколько-нибудь крупные силы и средства, навязывает пока Англии, также как и Соед. Штатам, тактику пассивного выжидания. Но британская пресса не устает изображать самыми мрачными красками внутреннее положение в Китае, и перспектива принятия против азиатской республики новых репрессивных мер уже начала было соблазнять воображение предшествовавшего Макдональду консервативного правительства.

Наконец, в отношениях с Россией правительство Макдональда, хотя уже и на основе факта безусловного признания Союза Советских Республик, по существу продолжает старую политику азиатского антагонизма, как и в основном спорном вопросе о долгах и возмещениях, старую политику крупной капиталистической буржуазии.

Германия и репарационный вопрос.

Место, которое занимает Германия в международной обстановке, все еще в первую очередь и больше всего определяется состоянием репарационной проблемы. В то же время Германия остается своеобразным центром мировой политики—не центром сил, которые, исходя из Германии, действуют во всех направлениях, но центром, вокруг которого неизбежно группируется большая доля основных факторов, определяющих международное положение. Но так как Германия является не единственным центром, а одним из центров, относительное значение которого представляет величину переменную, то для оценки международного положения всегда существенно установить тенденцию: возрастает или ослабевает удельный вес этого германского центра мировой политики.

Для настоящего момента можно с уверенностью констатировать тенденцию возрастания. Политическая эволюция в Англии и Франции, нашедшая выражение в правительстве Макдональда и в поражении национального блока на французских выборах; фактическое включение Соед. Штатов в круг активных участников решения репарационной проблемы, и, с другой стороны, при всех критических явлениях все же чувствительная консолидация грандиозного хозяйственного организма Германии—все это делает ту сферу, в центре которой лежит Германия, ареной для конкретной попытки осуществить более устойчивое, чем до сих пор, равновесие мировых хозяйственных и политических отношений.

* * *

В развитии репарационной проблемы в настоящее время приходит к завершению целый большой период. Германия еще раз фактически поставлена пред ультиматумом союзников и Америки с тем отличием от прежних, что требования этого ультиматума носят практический, по крайней мере, для ближайших лет, реально осуществимый характер. Германия уже приняла эти требования и на этот раз должна будет их осуществлять.

Но докладом экспертов и принятием его заинтересованными сторонами история не кончается. С этого момента начинается новый период, существенные черты которого уже заложены в теперешней ситуации. И если для ближайшего будущего на первый план выступает тенденция замирения и взаимного приспособления, то этим отнюдь не устраняются все прежние конфликты и не уничтожаются предпосылки для возникновения новых. Напротив, целый комплекс конфликтных возможностей заложен уже в самом приближающемся теперь к осуществлению соглашении.

* * *

Об'ективное суждение не может отказать докладу экспертов в большом остроумии и значительном размахе мысли. Авторы этого документа создали целую систему для разрешения основного противоречия репарационной *проблемы—противоречия между задачей выжать из Германии возможный максимум платежей и боязнью возродить Германию, как могучего экономического конкурента,* так как экономический под'ем и в особенности форсирование вывоза явились бы единственными реальными предпосылками платежеспособности Германии. Выработанная экспертами система должна, во-первых, *оградить* Германию сейчас и постоянно ограждать в будущем от экономической катастрофы, нормируя ее платежный баланс и создавая возможности кредита, во-вторых, *стимулировать* развитие производительных сил для усиления платежеспособности Германии, в-третьих, *сдерживать* это развитие в пределах, не допускающих превращения Германии в грозного экономического конкурента, и, в-четвертых, так *регулировать* перекачивание материальных благ из Германии в союзные страны, чтобы это не оказывало угнетающего действия на хозяйственную деятельность последних.

Поскольку такая система воплощена в виде ряда реально осуществимых мероприятий, она обещает для некоторого периода преодоление Германией острого кризиса и непосредственные выгоды для всех тех, кто заинтересован в Германии, с одной стороны, как в покупателе или как в поставщике необходимых продуктов, а с другой стороны, как в рынке для вложения капитала. Но как попытка регулировать развитие на ряд лет, на целый долгий период мировой истории, эта система представляет собою *грандиозную утопию идеологов послевоенного капитализма* и должна в процессе своего осуществления вызвать к жизни целый ряд противоречий, которые будут развиваться как в центре применения этой системы, т.-е. в Германии, так и среди настоящих и будущих кредиторов Германии.

* * *

Изрядная доля утопии имеется уже в основной идее достичь постоянного регулирования экономического обмена между Германией и внешним миром, в то время, как в самой Германии хозяйственная жизнь должна остаться нерегулированной, а в других странах не только не существует предустановленной гармонии интересов, но, наоборот, именно на почве эксплоатации Германии будут возникать все новые и новые противоречия. Но эта сторона имеет пока что лишь теоретический интерес, так как изобретенная экспертами система должна вступить в полное действие лишь через ряд лет. Раз'единяющие моменты, латентно имеющиеся в программе экспертов, могут сказаться в отношениях между странами Антанты сравнительно поздно.

Главный источник противодействующих тенденций будет находиться в самой Германии. На протяжении длительной практики должна будет вскрыться утопичность мысли, будто возможно то стимулировать в стране экономический под'ем, то снова, так сказать, «прижимать» ее экономическое развитие, чтобы постоянно держать развитие производительных сил в определенных искусственных границах. Немыслимо представить себе безболезненное течение этого процесса и то, чтобы национальный хозяйственный организм не стал резко реагировать против таких экспериментов. Вряд ли можно сомневаться, что по мере того, как Германия станет «свободнее дышать», в ней все больше будет нарастать стремление к сопротивлению, и, что еще важнее, возможность это сопротивление оказывать. Этот процесс нельзя целиком отодвигать в некоторое неопределенное будущее. Он начинается уже теперь и будет развиваться вместе с первыми же этапами осуществления плана экспертов.

Но сейчас, независимо от различных внешних проявлений и даже вопреки им, огромная масса немецкого населения несомненно жаждет замирания и «возвращения к нормальности», на что дает надежды принятие плана экспертов. Индустрия, если не единодушно, то в ее главной массе и в лице решающих групп, определенно хочет возможно скорейшего соглашения на основе выработанного экспертами плана. Для нее возможность жить теперь важнее туманных перспектив относительно довольно далекого будущего. И так как на другой стороне, среди союзников, в настоящий момент победило стремление к соглашению, и неизбежный спор из-за дележа добычи пока отложен на неопределенный срок, то программа экспертов, как временное и предварительное решение, будет осуществлена с относительно незначительными трениями. Указанные здесь утопические моменты подчеркивают этот временный предварительный характер, предвещают накопление конфликтного материала на обеих сторонах, но не ослабляют значения достигнутого решения.

* * *

В начавшемся новом периоде развития брутальное насилие уступает место сложному механизму экономического взаимодействия, *хирургию сменяет терапия,* высоко современная по технике и насквозь капиталистическая по духу. Таков доклад экспертов. На место начатого Рурской оккупацией разрушения важнейших отраслей германской промышленности, он предвидит систему тормазов для будущего экономи-

ческого развития Германии; он исключает всякие анексионистские попытки вплоть до спекуляции на покровительстве сепаратизму, изживаемому теперь изнутри и самой Германией. Капитал ищет гарантий более верных, чем соглашение между правительствами, не в демократических международных организациях, в роде Лиги Наций, но в деловых соглашениях между заинтересованными группами. И доклад экспертов, освобождая основные индустрии Германии от военного гнета и политического шантажа, впервые открывает путь к осуществлению таких комбинаций, как «*Союз угля и железа*», между французской и германской индустрией, или возможное соглашение между германской и итальянской индустрией, лишенной и угля и железа, к созданию двусторонней *итальяно-германской* или «треугольной» *итальяно-германо-французской комбинации*.

Германские промышленники, требующие принятия доклада экспертов, конечно, прекрасно отдают себе отчет в тяжести налагаемого на германское хозяйство бремени. Но они идут на это не только ради спасения в данный момент, но и потому, что предвидят в будущем для себя гораздо более выгодную позицию, когда, перестраховав себя сетью соглашений с различными группами иностранного капитала, они смогут гораздо свободнее маневрировать, отыскивая себе союзников среди вчерашних врагов.

Наконец, для германского капитала тяжесть положения смягчается еще тем, что программа экспертов, поскольку она предусматривает давление на экономическую, в частности, финансовую политику государства, относительно больше идет навстречу стремлениям индустрии и закрепляет за ней некоторое преимущественное положение во внутренней политике.

* * *

Вся масса немецкого пролетариата и малоимущих слоев должна будет сильнейшим образом почувствовать тяжесть налагаемого на Германию бремени. Так, доклад экспертов самым прямым образом толкает германское правительство на усиление *косвенного обложения*, при чем, возможности такой формы эксплоатации населения оцениваются экспертами чрезвычайно высоко. Достаточно указать, что эксперты ожидают от обложения табака чистой прибыли 850 мил. марок, тогда как в довоенной неурезанной Германии вся стоимость потребления табака и табачных изделий равнялась приблизительно 1 миллиарду. Предписываемая экспертами *железнодорожная политика ляжет тяжелым гнетом на все население*, а в особенности на *железнодорожных рабочих и служащих*, так как рентабельность железных дорог будет повышаться в значительной мере за счет эксплоатации их труда.

Вообще, на почве осуществления проекта экспертов, неизбежно резкое обострение классовых противоречий. Борьба за распределение наложенных на Германию тягот неуклонно будет развиваться. Рурские промышленники уже ставят вопрос о *двенадцатичасовом* рабочем дне!

Пролетариат, руководимый компартией, всеми силами будет бороться против формулированного «экспертами» плана мирового капитала, того плана, в основу которого положено порабощение германского рабочего класса отечественному и мировому капиталу.

Беспощадно борясь против плана «экспертов», т.-е. против превращения Германии во «второразрядное» индустриальное государство,

фактически в колонию Антанты и Америки, борясь против переложения главных тяжестей на плечи неимущих, коммунистическая партия — и только одна!—выступает, как руководительница освободительной классовой войны пролетариата, как вождь преданной буржуазией германской нации.

Основные моменты мировой ситуации в отношении СССР.

Первая фаза политики капиталистических держав по отношению к Советской России определялась вооруженным вмешательством. *Вторая*— надеждами на быстрое внутреннее перерождение большевизма в условиях политического и в особенности хозяйственного контакта с внешним капиталистическим миром. С исчерпыванием политики интервенции и рождением преувеличенных надежд на действия и амплитуду «Нэпа», отношения руководящих капиталистических держав входят в *третью полосу*, характеризуемую следующими основными моментами.

Хозяйственные перспективы Советской России, процесс восстановления ее хозяйства и ее международных связей оценивается в общем гораздо *более трезво, чем в первый период «Нэпа»*. В первый период тяжко страдающая от внезапно вспыхнувшего кризиса сбыта капиталистическая буржуазия и ее правительство (в первую голову правительство Ллойд-Джорджа) бросились чисто диллетантски в поиски новых рынков и возможностей, но сравнительно скоро буржуазия и ее политические приказчики спохватились, что, во-первых, и в предвоенную эпоху внешняя торговля России не играла решающей ни даже особенно крупной роли в общей системе мирового товарообмена (так, внешняя торговля огромной России не превышала торгового баланса маленькой Бельгии, а доля России в предвоенном вывозе Великобритании определялась парою процентов и т. д.), что, во-вторых, восстановление хозяйственных сил России и ее внешних торговых связей идет относительно медленным темпом (в вывозе Великобритании в минувшем 23 г. Россия занимает приблизительно то же самое место, что и Португалия), наконец, на опыте не одной только концессионной политики Совроссии капиталистические державы убедились, что они столкнулись в этой стране с духом революционной «замкнутости».

В связи со всем этим в отношениях держав наметилась полоса некоторого охлаждения надежд и некоторого длительного «разочарования», и, в результате, некоторого ослабления чисто экономического интереса к России. В нестройном «концерте» держав, Германия до последнего времени представляла в этом отношении только частичное, далеко не полное исключение.

Этой-же тенденции наметившегося относительного «охлаждения» способствовали и в известной мере продолжают способствовать некоторые крупные внутренние процессы в *потрясенном тройным действием войны, революции и кризиса организме мирового капиталистического хозяйства*. Послевоенный капитализм имеет уже за собою целую эпоху, когда он отстраивался не как целое, а, так сказать, периферически, по частям, разрозненными географическими этапами на основе *национальных* сил и возможностей отдельных, более или менее *самодовлеющих* в хозяйственном отношении стран. Классическим этому примером явились Соед. Штаты с их политикой изоляции и расцветом на основе внутрен-

него рынка. До некоторой степени, аналогичный случай представляла из себя Франция. Те-же расчеты (на этот раз утопичные) воодушевили собой недавнюю протекционистскую попытку Болдвина.

Эти попытки изоляции и экономического обособления не могли способствовать усилению тенденций к сближению с Россией, и Совроссия сама не обещала стать одним из тех географических этапов возрождающегося периферически капитализма.

После периода натиска и бури ллойд-джорджевского диллетантского пацифизма отрезвленный европейский капитализм *постепенно примирился на целую историческую эпоху с фактом сокращения, сужения своей базы эксплоатации* и в чисто географическом отношении, и в более общем отношении возможностей сбыта. (Мало того, в отдельных центрах он приступил даже к *свертыванию* своей разбухшей во время войны производительной базы, как в случае с Рурской областью, где на целый год было парализовано германское производство). Сужение русской части и европейском производственном аппарате ощущалось в этот мальтузианский период послевоенного капитализма тем менее болезненно, что «отсутствующие» *стандарты российского производства заменены были новыми, отчасти уже весьма крупными стандартами капиталистической индустрии, выросшими за последний десяток лет в целом ряде колониальных и полуколониальных стран.*

В частности и, по крайней мере, *финансовому капиталу* в связи с этим развитием колониального капитализма было куда направлять свои излишки с расчетом на крупную и, главное, верную добычу. Тем более, что прибыли финансового капитала сопровождались почти в каждом случае усилением экспортных возможностей стран-кредиторов и способствовали их основной тенденции укрепления их экономической связи с эксплоатируемыми колониальными странами.

Одновременно и параллельно становилось более ясным, что быстрая реставрация экономических сил Европы, и в частности России, требовала бы относительно крупных кредитных средств. Но ничто так медленно не возрождается, как разрушенный тончайший организм международного капиталистического кредита, представляющего собою строго математическую функцию расчета на верную и в каждый данный момент относительно максимальную прибыль.

Процесс возрождения кредитоспособности европейского материка уже намечается, но только это процесс по существу самый медленный и постепенный, при чем, отдельные крупные его этапы, как, прежде всего, германский этап, с точки зрения интересов крупнейших мировых кредиторов, получают некоторое право первенства перед другими этапами.

Т. о., некоторой революционной замкнутости Совроссии, стремящейся строго дозировать и регулировать свою экономическую связанность с внешним капиталистическим миром,—отвечала по *другую сторону* также некоторая замкнутость.

Вопреки этим тенденциям, в факте недавнего признания СССР правительствами Великобритании и Италии, и даже разгоревшимся некоторым соревнованием европейских буржуазных государств вокруг этого вопроса появилось некоторое несомненное *усугубление интереса к союзу революционных республик.* Факт сам по себе очевиден, но его размеры и значение определяются, усиливаются, или, наоборот, ограничиваются следующими тремя моментами:

а) факт этот в значительной степени восходит своим происхождением (в особенности, в случае с Англией) к симпатиям и давлению рабочих масс. Дальнейшие практические результаты этого факта признания определяются *в этой связи* силою и степенью этого давления.

б) Своеобразно возросший интерес буржуазных кругов капиталистических держав по отношению к Совроссии является в этой стадии в гораздо большей степени *интересом политического, нежели хозяйственного характера.* Этот политический интерес определяется, прежде всего, общим желанием довести, наконец, европейские отношения до некоторой «нормальности», до некоторого, хотя-бы «относительного», порядка, исключающего, или, по крайней мере, ослабляющего возможности новых конфликтов и потрясений. Во второй уже линии, этот интерес диктуется уже целые годы борьбой капиталистических держав за преобладающую долю влияния на Европейском Востоке и Юго-востоке. До сих пор эта борьба, протекавшая в явных и еще более в скрытых формах, являлась частью и функцией более общей борьбы британского и французского империализма за европейскую континентальную гегемонию. В последнее время в этой-же области выступили на сцену и некоторые специфические интересы фашистской Италии в связи с ее созревающими великодержавными устремлениями—в бассейне Средиземного и Черного морей и во всем Юго-востоке Европы.

Поскольку все эти интересы в этой первоначальной своей стадии преследуют более узко политические цели, они еще сами по себе не являются гарантией хозяйственного «сближения» с Россией на основе существенных уступок и серьезных инвестиций со стороны признающих или собирающихся признать СССР капиталистических держав (классическим примером в этом отношении может служить Раппальский договор, как акт, прежде всего, политический и не принесший в хозяйственной области крупных плодов).

в) В конечном счете интерес капиталистического мира в целом к Совроссии является пока *не столько интересом настоящего, сколько будущего времени. Находящиеся в состоянии хронического соревнования друг с другом, капиталистические державы стараются резервировать для себя это будущее России.* Это составляет по существу последнее слово их русской политики. По существу,—но в особенности в области конкретного, хозяйственного сотрудничества, это есть политика *терпеливого,* хотя и полного взаимной подозрительности *выжидания.* Россия представляется воображению капиталистической буржуазии всех стран крупнейшей и соблазнительнейшей *колонией будущего.* Но также и еще гораздо более, чем в отношении далекого Китая,—тут наблюдается некоторая несомненная аналогия — она учитывает полностью все имманентные неопределимые трудности, стоящие на пути колонизационных устремлений.

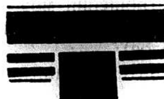
Только взаимная грызня, боязнь опоздать и моменты особенной остроты хозяйственного кризиса заставляют политиков капиталистических держав по отношению к России выйти из состояния относительной пассивности.

Доклад комиссии экспертов по репарационному вопросу, временно сближая друг с другом руководящие капиталистические державы всего мира и создавая почву для некоторого сращения европейских национальных капитализмов, — пусть и подкапываемого усугубленными в исторической перспективе антагонистическими тенденциями — воссоздает некоторые элементы *опасности общего сговора капиталистиче-*

ских держав против СССР. Этого сговора теперь нельзя считать неизбежным. Но опасность образования *единого фронта капиталистических держав* для разрешения общим натиском русской «проблемы», без сомнения, вырисовывается на горизонте. Первые признаки подобной эволюции намечались еще и раньше в недавнее время и в Англии, и в особенности во Франции, а в настоящий момент зарождение подобных мыслей можно заметить и в Германии. В условиях современной социальной и экономической действительности весьма немного данных за то, чтобы эта опасность могла напомнить собою старый призрак вооруженной интервенции, поскольку в самой России совласть остается нерасшатанной. Но в своей борьбе за внешнеполитическое равноправие и за заинтересованное содействие иностранного капитала в восстановлении своих хозяйственных сил СССР может натолкнуться на новые затруднения.

Здесь, как и по всей линии взаимных отношений Совроссии и капиталистического мира, *основным регулятором были и остались, наряду с внутренней устойчивостью и силой Советской власти, об'ем и темп процесса восстановления хозяйственной жизни революционной страны*.

(Окончание следует).

Проект экспертов.

Попытка империализма крутыми, грубо-реакционными, фашистскими и полуфашистскими мерами решать основные вопросы политико-экономической жизни потерпели неудачу. Открытая воинствующая керзоно-пуанкаристская реакция вынуждена отступить. На передний план выступают «левые» партии буржуазии, в том числе и социал-демократия. Наступает «демократическая» эпоха, когда капитал более «мягкими» средствами будет делать свое кровавое дело мирового грабежа.

Как же при «полевении», при новом «демократическом» курсе решается репарационный вопрос? Декларация нового французского правительства, оглашенная вождем левого блока и премьер-министом Эррио, гласит:

«Мы имеем право на репарации, которые и хотим получить во имя международной справедливости и порядка... Хотя новое французское правительство относится враждебно к политике оккупаций и территориальных залогов, при настоящем положении дел в Германии, такая политика является необходимой не только со стороны Франции, но и со стороны всех народов, дабы обеспечить себя от возрождения наступательного националистического пангерманизма. В виду этого мы считаем *невозможным эвакуировать Рур*, пока не будут даны гарантии, предусмотренные экспертами относительно точного и равномерного выполнения Германией своих обязательств, при чем, эти гарантии должны быть переданы организациям, которые имели бы право располагать ими».

Эту длинную цитату из правительственной декларации сопоставим с весьма лаконической цитатой из обращения главы национального блока Мильерана к собранию французской торговой палаты. 24 февраля 1924 г. Мильеран заявил:

«Оккупация Рура всегда была в наших глазах средством, но не целью. Мы ждем того часа, когда завершатся переговоры, устанавливающие дату уплаты наших долгов и одновременной эвакуации Рура».

Разница между левой декларацией и правым заявлением, очевидно, лишь та, что декларация довольно пространно говорит о справедливости и других высоких материях и «пока» отказывается от эвакуации Рура, тогда как Мильеран вообще втирал очки. *Ни Мильеран, ни Эррио не хотят отказаться от Рура.* Мильеран это доказал на практике, а желание Эррио демонстрировало «левое» большинство сената 20 февраля 1924 года. Это *левоблокистское* большинство апплодировало Пуанкаре, когда он заявил, что его преемник, кто бы он ни был, вынужден будет продолжать его внешнюю политику.

Эррио будет продолжать внешнюю политику Пуанкаре хотя бы потому, что положение его в парламенте непрочно, что победа «левых» на выборах не была решительной. Сопоставим выборы 1924 года с выборами 1914 года—накануне войны. Партии, в ноябре 1919 года, на-

кануне первых послевоенных выборов составившие национальный блок, в парламенте 1914 года имели 189 голосов. Ныне, в парламенте 1924 г., их имеется 266. Партии, составляющие ныне левый блок, насчитывали в парламенте 1914 г.—397 депутатов, ныне—285. Большинство левого блока ныне, не считая 27 коммунистических голосов, всего на-всего сводится к 19 голосам. Вполне понятно, что левый блок никак не сумеет решиться теперь на такие радикальные шаги, на которые могли решиться, но не отважились, левые партии накануне разгара мировой войны, имея на своей стороне большинство в 208 голосов.

Разумеется и то, что левый блок теперь не то, чем были составившие его партии в 1914 г., ибо и мелкая буржуазия уже не та. Война не только перекроила карту Европы, но выкопала более глубокие рвы между классами. Мелкая французская буржуазия, которая пошла воевать по патриотическому зову своих вождей, разочаровалась уже в их шовинистическом лозунге: «немец за нас заплатит». Она уже не требует платежей «за все», а довольствуется хотя бы смягчением «дороговизны и сокращением налогового бремени». Но и для этого левому блоку опять-таки придется обратить свои взоры на немца, забраться в его кошелек. Репарационный вопрос остается в силе. Левый блок вынужден будет попытаться его разрешить, вынужден будет хотя бы в целях стабилизации франка.

Тут на сцену выступает известный проект экспертов. В чем его сущность? В журнале «Международная Жизнь»—орган НКИД—читаем:

«...Он (проект экспертов) представляет из себя... первую практическую, конкретную и весьма деловую попытку об'единить в одно целое две весьма конкретные и взаимно дополняющие друг друга цели: *сохранить экономическую жизнеспособность Германии* и, вместе с тем, *не допустить* того, чтобы она могла *развиться* в слишком опасного *конкурента* для других промышленных стран на основе своего совершенствованного и расширенного производственного аппарата». («Междун. Жизнь», № 2—3, 1924 г.).

Эксперты согласны дать Германии возможность жить, но жить в рамках, предначертанных союзниками. Эту сложную задачу связать народ по рукам и ногам, не религиозными заповедями, нарушение которых смывает причастием, а довольно жестким канатом, эксперты намерены осуществить следующим путем:

1. Восстановить полное экономическое, политическое и административное *единство Германии*.

Это значит, что Франция должна будет эвакуировать свои войска из Рурского бассейна, который будет включен в границы Германии, как они предначертаны в Версальском договоре. Но эвакуация произойдет не без «продуктивного залога» которого все время добивается Франция.

2. *Продуктивными залогами* Германии, регулирующими правильное поступление репарационных платежей, должны быть все доходы от таможенных пошлин и налогов на алкоголь, табак, пиво и сахар. Минимум этих доходов должны быть не ниже 1.250 миллионов зол. марок в год.

Для контроля этих поступлений эксперты предлагают назначить *иностранного комиссара*. Последний не должен вмешиваться в дела немецкой администрации, занятой сборами этих «продуктивных залогов». Но эксперты оставили за союзниками право перенять в свои руки и административные функции, если Германия не выполнит требуемых от нее в этой области обязательств.

Чтобы получить эти «продуктивные залоги», как и репарационные платежи вообще в полноценной валюте, эксперты предусматривают стабилизацию германской марки путем *иностранного займа* в 40 млн. фунтов стерлингов, *моратория* и путем оганизации нового *эмиссионного банка*.

3. Новый эмиссионный банк с основным капиталом в 20 млн. фунтов стерлингов будет иметь монопольное право эмиссии в течение 50 лет, он будет частным предприятием с участием иностранного капитала. В своих функциях по отношению к правительству и хозяйству Германии он заменяет государственный банк.

Правление банка, его руководящий орган, будет состоять исключительно из немцев. Педставители союзников, Соед. Штатов, Голландии и Швейцарии, по одному представителю от каждой страны, составляют иностранную половину «Главного совета банка». Для союзного контроля деятельности банка будет поставлен союзный комиссар. Получая право фиксировать официальную учетную норму, банк, будет фактически регулировать германский кредитный рынок.

Но это право банка является лишь одним из звеньев той цепи, которую союзники собираются набросить на Германию. Главные звенья составляют источники поступлений в счет репарационных платежей.

4. *Источники поступления репарационных платежей—железные дороги, промышленность* и *налоги*.

Железные дороги переходят в руки частного общества и будут эксплоатироваться на хозяйственных началах. Административный комитет состоит наполовину из немцев и наполовину из иностранцев. Иностранный комиссар будет контролировать деятельность железных дорог и поступления в счет репарации. Если доход будет ниже требуемого, комиссар имеет право повысить тарифы. Сверх того, репарационная комиссия получает пятипроцентные железнодорожные облигации на 13 миллиардов золотых марок.

От промышленности эксперты требуют промышленных шестипроцентных облигаций на 5 миллиардов зол. марок.

Для налоговых поступлений эксперты требуют максимального их повышения «до крайних пределов платежеспособности». Этой статье поступлений «эксперты уделили свое основное внимание», причем, *предпочтение* оказано ими *косвенным, а не прямым налогам*, т.-е. они *переложили налоговое бремя с буржуазии на широкие народные массы*.

5. Организуемый для расчетов переводный комитет должен ведать теми суммами, которые накопятся в эмиссионном банке для репарационных платежей. Перевод рапарационных сумм за границу должен происходить так, чтобы вывоз валюты или товаров не отразился на состоянии курса марки. Поэтому переводный комитет должен будет при каждом отдельном случае определить, какая сумма и в какой срок может быть вывезена за границу без ущерба для курса марки. Комитету предоставляется также право часть репарационных сумм не вывозить из Герамнии, а поместить в немецкой промышленности.

Здесь кроется невидимая статья дохода репарационной комиссии. Переводный комитет фактически сумеет регулировать вексельный кредит, устанавливать учетную норму, поддерживать одну отрасль немецкой промышленности в ущерб другой и толкать всю промышленность Германии в желанном для иностранного капитала направлении. Это—полная хозяйственная диктатура, предоставленная иностранному капиталу. Для того, чтобы всецело перенять в свои руки контроль над хозяйственной

жизнью Германии, *эксперты устраняют Германию из переводного комитета.* Он будет состоять из представителей союзников и Соед. Штатов и будет возглавляться агентом по репарационным платежам.

Такова в общих чертах сущность проекта экспертов. Проект оставляет открытым вопрос об общей сумме репараций, не говорит также, на какой срок он рассчитан. Для ближайших пяти лет он намечает следующие суммы репараций, подлежащих уплате:

Годы.	Миллиардов золот. марок.
1924—25	1.000
1925—26	1.220
1926—27	1.220
1927—28	1.750
1928—29	2.500

Германская буржуазия согласилась на этот бессрочный вексель. Она этот вексель готова подписать, ибо надеется, что для подавления пролетарской революции ее рейхсверу придет тогда на помощь союзный штык. Союзники будут ведь защищать интересы своих собственников на немецкой территории, а косвенно—интересы самих немецких капиталистов.

Таковы расчеты немецкой буржуазии. Даже националисты, эти патриоты независимой германской империи, протестуют только против теоретической части проекта. Они, видимо, одобряют его практику: 24 июня фракция националистов внесла в рейхстаг резолюцию относительно переговоров по поводу проекта экспертов. Резолюция только и требует, чтобы правительство торжественно протестовало против заявления доклада экспертов, что германское правительство ответственно за возникновение войны. И только! В «цивилизованной» Европе подписывается договор, порабощающий одну из самых передовых стран. Германская буржуазия соглашается на это порабощение, она *предает* свое собственное отечество, ибо это предательство ей выгодно, ибо всю тяжесть она надеется возложить на плечи пролетариата.

Но удастся ли осуществить план экспертов? Два основных препятствия на его пути. Первое—германский пролетариат. Он не может позволить,—он не позволит мировому капиталу за счет неслыханного ухудшения его положения устраивать свои дела. А второе препятствие заключается вот в чем.

Германия может платить бывшим союзникам только при условии восстановления ее промышленности и усиления ее вывоза. Но именно этого Франция и Англия боятся хуже смерти. Макдональд, тот самый Макдональд, который называет доклад экспертов «лучшей, богом ниспосланной (буквально!) возможностью», одновременно заявляет: *«Угроза Европе со стороны Германии состоит не в милитаризме, а в экономическом подавлении».* Пацифист Норман Энджелл пытается уговорить Макдональда: «Если германские химические краски, — пишет он,—должны стать средствами уплаты репараций, то не насаждайте же искусственно в странах Антанты химических фабрик для конкуренции с Германией». («Нойе Фрайе Прессе», 30 апреля).

Да, когда Германия превращается в колонию Антанты, когда англо-франко-американский империализм ставит всю ее промышленность под свой контроль, «конкуренция» теряет смысл, и она, вероятно, постепенно будет устраняться. Мировой капитал, очевидно, установит свое-

образное «плановое начало», в основе которого будет лежать *совместное ограбление, совместное закабаление германского пролетариата.*

План экспертов удовлетворил *все партии, кроме коммунистической.* Социал-демократы немецкие, французские, английские приветствуют «счастливое» разрешение репарационного вопроса. В чем «счастье» заключается? В том, что германский капитал, контролируемый международным капиталом, забирает в свои руки государственные железные дороги, что рабочий день удлиняется, заработная плата сокращается, расходы на безработицу и социальное законодательство сокращаются, — словом, торжествует буржуазия *и вся тяжесть перелагается на плечи рабочего класса.*

План экспертов это—*единый фронт империализма и социал-демократии против рабочего класса,* не только германского, но и международного, ибо ухудшение положения германских рабочих рано или поздно означает ухудшение положения французских, английских, бельгийских рабочих. Далее—единый фронт против рабочего класса это—*единый фронт против Советского Союза,* авангарда мирового пролетариата. И вовсе не случайно, что именно в период обсуждения плана экспертов берлинская полиция учинила налет на наше торгпредство.

Мировой капитализм понимает основной смысл капиталистически-социал-демократического решения репарационного вопроса и мобилизует массы против закабаления немецкого пролетариата. *Конференция представителей компартий Германии, Франции и Бельгии* заявляет, что доклад экспертов представляет собою второй Версаль, что он обрекает пролетариат к каторжным работам, что против него необходима международная революционная борьба. Конференция представителей парламентских комфракций Франции и Германии единодушно намечает общий план борьбы против плана экспертов. Весь Коммунистический Интернационал будет поднимать мировой пролетариат против порабощающего германский народ плана экспертов.

Наброски В. И. Ленина по истории РКП.

Печатаемая ниже записка В. И. Ленина с планом работы **по истории партии** была послана тов. Бухарину в связи, если мы не ошибаемся, с заказанной Ц. К. статьей о нашей партии для иностранных товарищей.

В этой записке чрезвычайно интересной является попытка периодизации, где различные этапы партийного развития рассматриваются одновременно и под углом зрения источников возникавших разногласий и под углом зрения отношений между большевиками и меньшевиками. Крохотный, но великолепный набросок тов. Ленина, написанный на клочках бумаги (он дается нами с увеличением в несколько раз), проливает свет на споры, ведущиеся теперь в связи с некоторыми, уже появившимися, работами по истории нашей партии (А. Бубнова, В. И. Невского и др.).

Рукопись носит характер сжатого наброска также и по форме. Чтобы сделать ее удобочитаемой, мы сочли возможным расшифровать сокращения, сделанные в рукописи. Все, что не принадлежит перу т. Ленина, заключено нами в квадратные скобки.

Вот записка Владимира Ильича (см. вкладной лист):

1.

Перечень (хронол[огический]) **предшеств[овавших] расхождений.**

1903 X.	Организ[ационный] в[опро]с. § 1 устава.
1904.	Земск[ая] кампания.
1905 V.	Отн[ошение] к рев[олюции], к ст[а]ч[ечной] б[орь]бе, к воор[уженному] восст[анию].
1905 VIII.	Бойкот Г[осударственной] Д[умы] или участие?
1905 X.	
1905 XII.	Восст[ание] [декабрьское в Москве].
1906 I-III.	Бойк[от] Г[осударственной] Д[умы] или уч[аст]ие?
1906 IV-V.	Отн[ошение] к Г[осударственной] Д[уме] 1-го соз[ыва].
1906 VII.	Отн[ошение] к в[ооруженному] в[осстанию].
„ IX.	„ „ партиз[анской] б[орь]бе.
1907 I-II.	Выб[оры] в II Д[уму]: лев[ый] бл[ок] или с к.-д.?
1907 IV.	2-ая Г[осударственная] Д[ума].
1909-10.	Ликвид[атор]ство.
1911.	Пленум Ц. К. Еди[нство] или раскол?
1912.	Раскол (Ликвид[аторст]во).

1/ См. стр. 9.

Перечень (хронол.) предшеств. расхождений.

X. 1903. Отделение б-ов. 8 [illegible]

1904. Земск. кампания.

1905. V. Отн. к рев., к [illegible], к вооруж. восст.

1905. VIII. Бойкот Г. Д. [illegible]

1905. X

1905. XII. [illegible]

1906. I–III. Бойк. Г. Д. [illegible]

1906. IV–V. Отн. к Г. Д. 1-ой сд.

1906. VII. Отн. к [illegible]

" IX. " " [illegible]

1907. I–II. Отн. к Г. Д. [illegible] ?

1907. IV. 2-ая Г. Д.

1909. [illegible]

1911 [illegible]

[illegible]

1912. [illegible]

2//

1913. "[illegible]" ?

1913 Отн. к III к Г. Д.

1914 Отн. к [illegible] в-не

1917. II–III. Отн. к февр. рев.

1917 V. Коалиц. мин-во

1917 VII [illegible] сов.

1917. IX. Корн. и Дем. Сов.

1917. X.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] и [illegible]

1918 [illegible] Отн. [illegible]

1919 " " " [illegible]

1920

1921.

3/// [illegible] с [illegible]

(смена численн. соотношения)

1903 — 20 — 24 — 44 голоса (один [illegible])

съезд

1905. Объед. съезд. За [illegible] ([illegible])

1906. [illegible] ([illegible]) [illegible]

1907. Лонд. съезд. [illegible] ([illegible]) [illegible]

(Фракции в [illegible] Думе)

1911–12: V С. [illegible] ([illegible]) ([illegible])

1917. VI — [illegible] С. С.

1917. XI. { 1½ (?) [illegible] / 9 [illegible] } [illegible]

1½ [illegible]

3 [illegible]

4/// [illegible]

т. Бухарину!

В связи с [illegible] [illegible] Вы сегодня [illegible], посылаю Вам свои заметки. Я разделял бы [illegible] и [illegible]: переходы (α) [illegible] спора, расхождения и раскола

(β) смена новых [illegible] и новых [illegible].

(γ) смена периодов [illegible] у [illegible] и у [illegible] (м. б. в диаграмме можно представить?)

[illegible] Ваше мнение. [illegible] Ленин

2.

1913. „Стач[ечный] азарт“ и т. д.
1913. Отн[ошение] к III к (?) Г[осударственной] Д[уме].
1914. Отн[ошение] к имп[ериалистической] в[ой]не.
1917 II-III. Отн[ошение] к февр[альской] рев[олюции].
1917 V. Коалиц[ионное] мин[истерст]во.
1917 VII. 1-ый с[‘ез]д сов[етов].
1917 IX. Корн[иловщина] и Дем[ократическое] Сов[ещание].
1917. Совласть.
Террор.
Брест[ский] мир.
Заговоры и гражд[анская] в[ой]на.
1918. Гражд[анская] в[ой]на. Отн[ошение] ме[ньшеви]ков.
1919. „ — „ — „ — „ — „
1919.
1920.
1921.

3.

Б[орь]ба б[ольш]е[ви]ков с ме[ньшеви]ками:
(смена числен[ных] соотношений).

1903. С‘езд $\frac{20}{24}$ 44 голоса (одна п[арт]ия).

1905. Два с‘езда. Za (Zirka) = (равны) приблизит[ельно] (две п[арт]ии).

1906. Стокг[ольмский] с[‘ез]д. Точно (7-10 голосов) **одна** п[арт]ия.

1907. Лонд[онский] с[‘ез]д. Точно (7-10 голосов) **одна** п[арт]ия. (Фракции в Гос[ударственных] Думах).

1910—12 Р[абочие] сборы (из сб[орни]ка о ликв[идатор]стве) (одна и 2 п[арт]ии).

1917 VI. Первый Всер[оссийский] С[‘ез]д Сов[етов].

1917 XI. { $1^1/_2$ (?) мил[лиона голосов]. Выб[оры] в У[чредительное] С[обрание]
9 мил[лионов голосов]

$\frac{1^1/_2 \text{ милл.}}{9 \text{ милл.}}$

4.

Не взять-ли сие **канвой** для Вашей статьи? Или нечто в этом роде?

Т. Бухарин!

В связи с темой, к[ото]рую Вам сегодня поручил ЦеКа, посылаю Вам свои заметки. Я размышлял об этой теме и планировал:
(α) перечень **предметов** спора, расхождений и раскола.
(β) смена полос раскола и полос единства.
(γ) смена периодов б[о]л[ь]ш[инст]ва у ме[ньшеви]ков и у б[ольш]е[ви]ков (м[ожет]. б[ыть] в диаграмме можно представить?).

Черкните Ваше мнение... I/XII Ленин.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О книге проф. **Н. Д. Кондратьева и Н. П. Огановского.** „Перспективы развития сельского хозяйства СССР". Москва. 1924.

В предисловии читаем, что книга представляет два доклада, освещающие «важнейшие вопросы перспектив развития сельского хозяйства». В своих предварительных обще-методических замечаниях проф. Кондратьев отмечает, что перспективный план развития сельского хозяйства должен состоять из двух частей. «Первая часть должна содержать в себе по возможности обоснованное и по возможности количественно выраженное представление о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства. Вторая часть плана должна содержать ту систему принципов сельско-хозяйственной политики и ту систему согласованных с этими принципами мероприятий государства, которые направлены на осуществление упомянутых выше перспектив развития сельского хозяйства».

Рассматриваемый труд имеет дело только с первой частью, т.-е. с перспективами развития сельского хозяйства и лишь с некоторыми соображениями самого общего порядка о построении системы политики и мероприятий, поскольку обе части являются тесно связанными.

На страницах 29—32 проф. Кондратьев дает это «обоснованное и по возможности количественно выраженное представление о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства». Там-же, на странице 34, сам автор оговаривается, что считает «предложенное количественное выражение грядущих перспектив сельского хозяйства лишь, как самое приблизительное..., но тем не менее, некоторое значение за ним, если верны основы, на которых оно построено, необходимо признать».

Поэтому остановимся, главным образом, на этих принципиальных основах построения плана и ограничимся только отдельными замечаниями по поводу второй части книги.

К принципиальным основам проф. Кондратьев относит следующие четыре главные фактора развития сельского хозяйства: 1) рост населения, 2) разделение труда между городом и деревней и между отдельными сельско-хозяйственными районами, 3) рынок и 4) улучшение техники. Анализ их проходит через все три рассматриваемые периода: период до войны, период войны мировой и гражданской и период войны экономической политики. На предполагаемом изменении отношений между ними строятся перспективы развития сельского хозяйства в будущем.

Поэтому для оценки принципиального обоснования плана нам необходимо вкратце остановиться на рассмотрении природы каждого из этих отдельных факторов, чтобы сделать потом некоторые выводы об общем построении плана.

Начнем с первого и, повидимому, самого главного фактора—роста населения. Прирост населения в 19% связывается с таким же увеличением дохода от сельского хозяйства в первом и в третьем периодах; уменьшение населения во второй период вызывает деградацию сельского хозяйства; наконец, «темп прироста сельского населения мы можем признать за минимальный темп развития и самого сельского хозяйства» в будущем. Словом, плодитесь и размножайтесь и уплотняйте Советскую территорию—вот вернейший рецепт для под'ема сельского хозяйства! «С ростом плотности населения, как всегда, должно было итти и, действительно, шло увеличение разделения труда среди населения. Это разделение труда шло прежде всего в форме дифференциации между городом и деревней». (Стр. 7). Значит рост населения причина возникновения общественного разделения труда, отделения промышленного труда от сельского хозяйства?

Но в таком случае, следовало бы указать на те границы, за пределами коих прирост населения начинает вызывать общественное деление труда и опускаясь ниже коих это воздействие прекращается. В России во время войны убыль в сельском населении, по словам автора, содействовала упадку сельского хозяйства, но в Пруссии подобная же убыль, обусловленная войной, мы знаем, привела к большой механизации сельско-хозяйственного труда, следовательно, к повышению производительности его. Если движение производительных сил сельского хозяйства прямо пропорционально движению прироста народонаселения, то чем об'ясняется тот факт, что в различных странах изменение этого фактора в одном и том же направлении вызывает противоположные тенденции в развитии сельского хозяйства?

Восточная и Западная части Соединенных Штатов по густоте населения неодинаковы: в 1920 году на востоке на душу приходилось 7,4 акра, на западе—43,7. Сельское население с 1910 по 1920 г. на востоке увеличилось на 1,2%, на западе—на 6,6%. А доход с акра за то же время возрос: на востоке на 150, на западе—на 135,7%. Если прирост населения верный барометр развития производительности сельского хозяйства, то почему в Соед. Штатах меньшему приросту сельского населения на востоке соответствует большой прирост дохода, а на западе—наоборот? Почему, наконец, в штатах Новой Англии, Средне-Атлантических и Центральных северо-восточных тех-же Соед. Штатов абсолютное сокращение сельского населения сопровождается ростом производительности сельского хозяйства?

Если в результате прироста населения за одним плугом стали бы ходить два рабочих, или вместо прежнего одного пустили в работу два плуга, то от этого не повысилась, а понизилась бы производительность труда, следовательно, и сельского хозяйства. Этим мы хотим подчеркнуть, что каждая данная система техники требует *определенного* количества рабочих рук. И каждая машина, каждое орудие производства рассчитано на определенное количество работы. Отсюда следует, 1) что возросшее население прежде, чем оказывать то или другое влияние на производительность сельского хозяйства, должно соединиться со средствами производства на этих рациональных основах и 2) что «от степени развития производительных сил, или, что одно и то-же, от сте-

пени развития техники, зависит даже самая возможность численного прироста населения». (Бухарин—«Теория исторического материализма», ст. 135).

Прирост населения, таким образом, не является самостоятельным показателем прогресса сельского хозяйства, не есть причина этого последнего. Сам прирост населения зависит от развития производительных сил и приспособляется к нему на каждой данной ступени. Это приспособление выражается в абсолютном увеличении и относительном перенаселения на экстенсивной стадии развития сельского хозяйства и в абсолютном сокращении сельского населения на интенсивной стадии с тенденцией перехода относительного перенаселения в абсолютное.

Поэтому совершенно неосновательно на основе плотности населения делить Союз на районы интенсивного и экстенсивного сельского хозяйства. Это называется ломиться в открытую дверь и носиться над поверхностью экономических явлений. Словом, рост населения совершенно не пригоден для *об'яснения* под'ема сельского хозяйства или его регресса, хотя самый факт под'ема в довоенный и нэповский периоды стоит вне спора, равно как регресс—во время войны и революции.

* * *

Перейдем к другим факторам—разделению труда между городом и деревней, между отдельными сельско-хозяйственными районами и затем к рынку.

Экономическая сущность рынка сводится к определенному типу связей между обособленными товаропроизводителями. Рынок уже предполагает производителей, не удовлетворяющих целиком своих потребностей продуктами собственного труда, предполагает общественное разделение труда, в основе коего лежит разделение труда между городом и деревней. Но последнее вызывается не ростом населения—как старается убедить в этом автор, а развитием производительных сил. Отделение обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства *превращает само земледелье в отрасль хозяйства, производящую на рынок.* А товарное производство есть начало развития капитализма и в промышленности и в земледелии. Развитие его вызывает не только дальнейшее углубление общественного разделения труда в городской промышленности, но сопровождается также неизбежным дроблением самого сельского хозяйства на отдельные отрасли и районы и системы земледельческого хозяйства, вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства, т.-е. сопровождается углублением рынка. Сельское хозяйство в этом процессе становится в подчиненную роль по отношению к промышленности, оно приспособляет свое развитие к требованиям города через рынок. Образование промышленных центров, увеличение их числа, концентрация в них все большего и большего количества населения не может не оказывать самого глубокого влияния на весь строй деревни, не может не вызывать роста торгового земледелия.

Этим мы хотим подчеркнуть, что основной фактор расширения общественного разделения труда в сельском хозяйстве и углубления рынка сбыта продуктов сельского хозяйства—это прогресс промышленного производства, что, однако, не мешает развивающемуся общественному разделению труда и углубляющемуся рынку оказывать обратное

влияние на ускорение развития как промышленности, так и сельского хозяйства. Будучи сами следствиями — они становятся производными причинами и факторами.

Такой-же характер второстепенной причины носит и последний фактор улучшения техники сельского хозяйства.

Таким образом, авторы ограничились только анализом второстепенных взаимодействующих факторов развития сельского хозяйства на основании изучения конкретно-статистического материала вне связи с основным. Поэтому: 1) вывод, что сельско-хозяйственный прогресс довоенного периода, выражающийся в пяти тенденциях, вызван совокупностью этих второстепенных факторов, является *теоретически* необоснованным. 2) Установленные тенденции эволюции в отношении между этими факторами носят характер чисто эмпирического констатирования, от которого нельзя подняться до анализа основной причины, обуславливающей эти тенденции. А без последней невозможно дать теоретического обоснования динамики сельского хозяйства в будущем. Поэтому проф. Кондратьеву необходимо было ее внести извне в виде, так называемой, «внутренней инерции» развития сельского хозяйства. «Если эволюция сельского хозяйства в прошлом в довоенный период,—говорит он,—имела определенное направление, если в основных чертах это направление проявилось и в новом под'еме сельского хозяйства после установления новой экономической политики, то. очевидно, что это направление эволюции коренится в достаточно глубоких и основных причинах. Очевидно, поэтому, что развитие сельского хозяйства обладает некоторой внутренней инерцией. Отсюда при учете дальнейшей эволюции сельского хозяйства, мы должны очень серьезно принять во внимание направление той инерции, которая есть в развитии сельского хозяйства» (Стр. 16). Как философов идеалистов из всех трудных положений выручал бог, так экономистов народнического толка выручает «внутренняя инерция», *особые* законы развития сельского хозяйства. 3) Поэтому прогноз о вероятных тенденциях эволюции сельского хозяйства, сообразованный с подобной основной причиной, не есть теоретическое обоснование проблемы, а только констатирование проблемы, к обоснованию которой нужно еще приступить. Нет ничего удивительного поэтому в том, что сопоставляя вероятное и желательное направление развития сельского хозяйства, «не трудно видеть, что между ними существует в основных чертах внутреннее соответствие» (Стр. 24). Но тут же автор успокаивает читателя пояснениями, что «при всем внутреннем соответствии желательного и вероятного развития сельского хозяйства в основе, остается значительное поле для сознательного вмешательства органов государства в развитие сельского хозяйства в целях приближения вероятного развития к желательному, в целях рационализации этого вероятного направления». Но это именно фразы для обнадеживания читателя, не вытекающие из самой теоретической концепции автора. 4) Никакого *теоретически-обоснованного* представления о вероятных и желательных перспективах развития сельского хозяйства автор не дал.

Действительная тенденция эволюции сельского хозяйства во всей его совокупности является продуктом столкновения различных причинных факторов, соотносительная роль которых может быть предусмотрена лишь в исследовании движения основного фактора, который их обусловливает. Такое исследование основного фактора в тесной связи с производными придало бы проблеме *теоретический характер.* Тако-

вым основным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является, как уже выше указано, крупное промышленное производство, в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности. Только при такой постановке вопроса можно было бы, с одной стороны, учесть удельный вес всех факторов, как главных, так и второстепенных, влияющих на развитие всего народного хозяйства, в том числе и сельского. С другой стороны, исходя из перспектив развития нашей промышленности на ближайшее будущее и соответствующего ему изменения в соотношении между отдельными второстепенными факторами развития сельского хозяйства— мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим цифровым представлениям о желательном развитии сельского хозяйства.

Вторая основная теоретическая ошибка заключается в том, что принцип развития производительных сил из одной общественной формации—чисто капиталистической — переносится в общественную формацию переходного типа, представляющую соединение элементов социализма с капитализмом. Поэтому желательное направление совпадает с действительным теперешним и довоенным, и предлагаемые четыре директивных идеи, коими должна проникнуться система государственных мероприятий, как-то: 1) ставка на интенсификацию определенных районов, 2) на рационализацию экстенсивного хозяйства многоземельных районов, 3) на повышение товарности крестьянского хозяйства и 4) индустриализацию сельского хозяйства—по существу говорят о необходимости поддерживать и поощрять наметившиеся еще до войны и при нэпе тенденции развития сельского хозяйства.

А для ускорения темпа их, предлагается, чтобы система мероприятий государства стремилась: «1) развить самодеятельность и поднять хозяйственную инициативу массового населения, 2) стремиться к организации этой самодеятельности, в частности, к кооперированию крестьянских масс и 3) должна обеспечить условия накопления материальных ценностей в сельском хозяйстве.

Отправляясь от этих основных положений, продолжает автор,—и следует строить систему мероприятий в области сельско-хозяйственного кредита, в области рынка и цен, в области кооперации, в области переселения и колонизации, железнодорожных тарифов, таможенных тарифов и т. д.».

Предлагая такие основные положения, автор, очевидно, не учел той перемены политического строя, которая произошла в октябре 17 г. К диктатуре, которая держится на союзе пролетариата и беднейшего крестьянства, и которая должна все усилия направить на расширение социалистического оазиса в производстве, при одновременном под'еме производительных сил и при одновременном укреплении союза с беднейшим крестьянством—эти основные положения не подходят; по существу своему, они являются приемлемыми для всякого правительства, стоящего на защите интересов деревенского кулачества. Но у нас есть еще разоряющееся крестьянство, и для обеспечения устойчивости победы, мы должны притти ему на помощь.

Поэтому выдвинутые автором положения следовало бы заменить другими, а именно: 1) развитие производительных сил сельского хозяйства и постепенное направление их из русла индивидуального в русло коллективного хозяйствования, 2) поддержания соответствия между развитием производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве, 3) укрепление политического союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Если мы заменим эти три положения только что намеченными, то мы чисто капиталистическую линию развития сельского хозяйства заменим линией развития «через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации к социализму», на чем совершенно правильно настаивает тов. Калинин в своих тезисах о работе в деревне («Правда», № 87).

Что касается второй части книги, составленной проф. Огановским, то она в части своей конкретно-статистической может дать некоторый фактический цифровой материал для ориентировки в некоторых вопросах для практических работников. К недостатку надо отнести то, что автор все время пользуется методом средних чисел, почему процессы дифференциации среди крестьянства, процесс накопления и темп его, действительное распредеёление наличного инвентаря живого и мертвого по хозяйствам различной мощности, и движение его перераспределения,—все эти процессы остаются затушеванными. А без учета всех их невозможно построить классовой политики в деревне.

Появление работы Кондратьева и Огановского под фирмой Земплана служит показателем того, насколько сильно влияние буржуазных аграрников *даже* в руководящих правительственных учреждениях.

На этом примере мы лишний раз убеждаемся в том, насколько небрежно относится наша партия к аграрной теории, насколько настоятельно необходимо в ближайшее время отрядить квалифицированных партийных т.т. для преодоления буржуазного засилья в руководящих земельных организациях.

Я. Берзтыс.

Марксизм и „марксизм“.

(по поводу книги **Н. Н. Суханова.** Очерки по экономии сельского хозяйства. Издательство „Книга“ Москва—Ленинград 1924 г.).

Сама по себе книга Н. Н. Суханова не представляет особого интереса, поскольку она является лишь подправленным, дополненным изданием прежних его статей. Однако, *в связи с книгой* возникает ряд интереснейших вопросов. В «Очерках по экономии сельского хозяйства» автор не дает, разумеется, новых теоретических положений и сколько-нибудь новых аргументов—стоит только сравнить «Очерки» с основным трудом его—«К вопросу об эволюции сельского хозяйства». Некоторые места поражают почти буквальным сходством.

Зато предисловия к этим книгам друг от друга радикально отличаются и по немаловажному вопросу. В предисловии к «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», написанном в декабре 1908 года, на стр. 7—8 Суханов говорит:

> «Но как бы то ни было, будут ли основные положения этой работы (III части) утверждены, как несомненные и истины, или будут опровергнуты, как беспочвенные фикции,—во всяком случае, необходимо констатировать, что эти положения, по самому своему характеру, затрагивают основные пункты «наших разногласий» и что правильность или неправильность их должна решить судьбу существующих в России общественно-научных доктрин. Перед нашим

«марксизмом» ставится дилемма: или доказать, что положения эти несостоятельны..., или признать, что это направление, т.-е., главным образом, его самостоятельные практические проявления в русской жизни—не имеют ни малейших raisons d'être. Что же касается другого направления, то автор склонен думать..., что оно может твердо стоять на ногах *только* в случае правильности этих положений. Но если положения эти правильны, то оно действительно стоит на незыблемом фундаменте, прочно и непоколебимо».

Таким образом, марксизм посрамлен, «другое» направление стоит на незыблемом фундаменте. Что это за «другое» направление—ясно из контекста. Теперь посмотрим, что наш автор говорит в предисловии к «Очеркам по экономии сельского хозяйства».

«Я убежден, что защищаю на дальнейших страницах именно те позиции, какие должны быть свойственные *марксизму. (Стр. 3).*

И дальше.

«Но как бы то ни было, основным стимулом при опубликовании этих этюдов является утверждение марксистских принципов в экономии сельского хозяйства. Основной их целью является борьба с общераспространенными аграрными заблуждениями наших народников и западных ревизионистов». (Стр. 4).

Как уже упоминалось, вторая книга является почти что пересказом первой. Чем же об'яснить в таком случае сухановскую метаморфозу? Это превращение, чем бы оно ни вызывалось, интересно опять-таки не само по себе. Оно должно знаменовать целый перелом, целый переворот в понимании ряда вопросов. Сам Суханов об'ясняет свою «трансформацию» тем, что *по существу* изменений никаких нет, что нужно только дать теперь теории присущее ей наименование.

«Новое издание выходит в сильно исправленном, даже переработанном виде. Впрочем, *по существу* изменений тут почти нет—только частности. В сфере аграрной теории я никогда не примыкал ни к каким официальным марксистским течениям, всегда будучи марксистом. Думается, события теперь бесспорно доказали, что я был прав. Во всяком случае, мне и теперь, через 15 лет, отказаться,—кроме фирмы, марки, *по существу* дела,—совершенно не от чего». (Земельная рента и принципы земельного обложения. 2-е изд. 1922 г. Стр. 3).

Таким образом, меняется *только фирма, марка.* Что же произошло, что давало бы возможность на народнический фабрикат поставить марксистскую марку, или —как думает Суханов —снять с марксистского произведения марку народничества? И если действительный марксизм представляет теперь Суханов, то кто же прав, чья доктрина себя оправдала и что есть марксизм в аграрном вопросе, если народники начинают защищать марксизм против эпигонов народничества и «марксистских» ревизионистов? Все эти вопросы неизбежно всплывают, когда слушаешь откровения Суханова.

Пролетарская революция в России многое поставила на голову—в том числе и почти все социально-экономические проблемы. Мы уже на второй день пролетарской диктатуры превратились в «оборонцев», мы разом развенчали прелести «демократии», за которую сами до того боролись. С утверждением революции и «переоценка ценностей» проникала все более вглубь. Классическим образцом здесь является кооперация. Характер и задачи кооперации с пролетарским переворотом в корне изменяются. Тов. Ленин в своих последних статьях лучше всего доказал это. Такой же переворот должен произойти, происходит и с пониманием аграрного вопроса. Старая теория, старые схемы не годны для страны победившего пролетариата.

Всякому теперь очевидно, что мелкое крестьянское хозяйство в значительной своей массе доживет, дожило до эпохи пролетарской диктатуры, когда развитие в сельском хозяйстве не может дальше итти по пути разложения мелкого натурального хозяйства внедряющимся в него и побеждающим капитализмом. Однако, *наперед* еще нельзя сказать, что марксистская доктрина обанкротилась, или, что народническое учение—это и есть марксизм высшей марки. Так, признание нами за кооперацией первенствующей роли в деле строительства коммунизма еще не говорит за то, что мы были неправы, критикуя «кооперативных социалистов», что мы теперь должны отказаться от такой критики. Вопрос решается практической проверкой.

В России после Октября мы имеем подавляющее большинство в сельском хозяйстве на стороне мелких собственников—крестьян. Капитализм в своей классически-чистой форме—крупного сельско-хозяйственного предприятия с наемными рабочими и машинной усовершенствованной техникой—отсутствует совершенно. Ублюдочные зародыши капитализма пока играют совершенно незначительную роль в общей системе сельско-хозяйственного производства Советской России. Перспективы для капиталистических образований также довольно плачевны,—сверх обычных, экономических затруднений, стоящих на пути капитала в сельском хозяйстве, теперь прибавляется еще упорное сопротивление середняцких слоев и общая политическая линия пролетарского государства. ***Будущее не за капиталистическим сельским хозяйством.*** Однако, это еще не значит, что ***крупное, технически-передовое*** хозяйство не имеет никаких шансов развития. Наоборот, и об'ективные экономические тенденции, и стремление пролетарской власти сходятся на перспективе укрупнения и технической рационализации сельско-хозяйственных единиц. Укрупнение это должно происходить путем развития коллективно-крупных хозяйств, путем кооперирования мелких самостоятельных производителей. Итак, будущее за коллективно-крупным хозяйством, но не в капиталистической форме, а в форме кооперативно-коммунистической.

Попробуем с этим сопоставить схему Суханова, которая имеет свойство оставаться одинаковой, какую бы марку ни наклеивал на нее автор. По Суханову, об'ективная экономическая тенденция всех капиталистических стран такова: капитализм не только не может вытеснить все другие формы сельского хозяйства, но он сам неизбежно должен деградировать, уступая свое место мелкому хозяйству самостоятельных одиночек-семей. И вовсе не потому, что крупное хозяйство имеет мало преимуществ перед мелким, вовсе не потому, что специфические условия техники сельско-хозяйственного производства неблагоприятны для развития крупного хозяйства. Наоборот. Крупное хозяйство, так же, как и в промышленности, здесь имеет все преимущества перед мелким, парцельным. Препятствует развитию капитализма не технический момент, а экономический. Экономический закон убывающего плодородия делает возможным расширение производства только при условии устойчивого повышения цен на продукты сельского хозяйства. Основного орудия капиталистов—низких цен нет в условиях сельско-хозяйственного производства. Это заставляет прибыль сельско-хозяйственных предприятий держаться постоянно на уровне более низком, чем средний.

Благодаря успешной, таким образом, конкуренции крестьянских хозяйств, работающих и вовсе без прибыли, капитализм отступает, очищая место мелкому частно-собственническому хозяйству.

Все это говорит за то, что только *экономические условия капитализма* мешают развитию крупного хозяйства в сельско-хозяйственном производстве. Если же строить крупные сельско-хозяйственные предприятия на основе не капиталистических методов, то результат должен получиться противоположный. В конечном счете должны победить производственные ассоциации мелких хозяйчиков, в какой бы форме коллективизация ни происходила: кооперирование, государственное обобществление и т. д. Таким образом, Суханов намечает следующую схему социально-экономической эволюции современного сельского хозяйства: крупно-капиталистическое производство, мелко-собственническое, коллективно-крупное (ассоциации производителей), коммунизм.

Схема Суханова, как мы видим, на первый взгляд, почти во всех деталях совпадает с нарисованной нами схемой эволюции форм нашего хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Теперь становится понятным, почему вдруг нашему автору захотелось сменить «марку». Что же, однако, это должно означать: мы ли превратились в народников, и Суханов только из деликатности одевает марксистский костюм; или же мы в своих действиях только теперь поступаем по марксистски, а истинным марксизмом является теория Суханова?

Ни то, ни другое. Суханов остается Сухановым, а марксизм—марксизмом. Здесь происходит обычное непонимание всего различия условий развития при капитализме, и в эпоху диктатуры пролетариата. Только подобная путаница позволила Суханову об'явить свои взгляды ново-марксистским откровением. Следует помнить, что тенденция от капиталистических форм к крупно-коммунистическим в нашем сельском хозяйстве намечается только потому, что *мы имеем в качестве предпосылки диктатуру пролетариата.* Если это «небольшое» условие забыть, то... Суханов станет марксистом.

Дела капитализма в сельском хозяйстве Советской России плохи вовсе не потому, что он «вообще» экономически не может конкурировать с мелким хозяйством. Мы знаем, что сейчас намечаются *противоположные* устремления—капитализм под различнейшими масками стремится доказать свою боеспособность, живучесть. В качестве гарантии против капиталистической линии развития выступают политические и экономические возможности пролетарской диктатуры—уничтожение частной собственности на землю, влияние крупной *пролетарской* промышленности, политика «кооперативного нажима» и все прочие, находящиеся в руках рабочего класса рычаги политической власти. Сельское хозяйство развивается даже в условиях диктатуры пролетариата не по схеме Суханова, хотя последняя до некоторой степени все же приближается к действительности. Даже и теперь вопрос еще стоит в плоскости *борьбы* двух тенденций. «*Кто кого*»—*этот вопрос разрешится только практически в повседневной борьбе нашей с зародышами капитализма.* Никакого «отмирания», экономического «отступления» капитализма в сельском хозяйстве не происходит, поскольку этому не содействует нажим со стороны пролетарского государства. Иллюзии безболезненного «самоуничтожения» капитализма питают вреднейшие наивно-детские заблуждения.

Нечего говорить, что схема Суханова к «чистому капитализму» неприложима вовсе. Здесь было бы неуместно давать развернутую критику теории Суханова, отметим только, что она покоится на нелепой теории убывающего плодородия, что она не учитывает всей сложности процесса внедрения капитализма в сельское хозяйство, что она склонна забывать поэтому те важнейшие процессы, которые происходят *внутри* мелкого, крестьянского хозяйства.

Интересующий нас вопрос о том, что есть марксизм в аграрном вопросе, разрешается, по нашему мнению, следующим образом. Увидев частичное (*частичное,* ибо и здесь вопрос разрешается только *после борьбы*) осуществление своих иллюзий в условиях диктатуры пролетариата, Суханов на весь мир об'являет, что вот он и только он оказался прав, истинный марксизм провозглашен им давным-давно, а большевиками принят в качестве руководящей директивы только теперь, после Октябрьской революции. На деле же Суханов попрежнему должен остаться во власти (уже новой) иллюзии—будто он марксист, а марксистское учение о капитализации сельского хозяйства остается попрежнему правильным и незыблемым, как правильным оказывается и изменение точки зрения после победы пролетариата.

Необходимо раз навсегда отмежеваться от подобного рода новоявленных марксистов, которые не замечая и не понимая колоссальнейшего переворота во всех социальных явлениях, произведенного пролетарской революцией, стремятся пустить в оборот свои старые взгляды под новой марксистской маркой, перенеся условия диктатуры пролетариата на развитие капитализма вообще.

Только радикальное изменение наших взглядов вместе с пролетарской революцией делает их *внешне похожими* то на взгляды оборонцев, то на «кооперативных социалистов», то на народников. И только тупоумие может здесь подсказать мысль о *пересмотре* основ марксизма.

Ив. Капитонов.

К. Корш. Марксизм и философия.

Статья тов. Корша, немецкого коммуниста, впервые появившаяся на немецком языке в «Архиве» Грюнберга, вышла в настоящее время отдельной брошюрой и в русском переводе.

Тов. Корш является одним из представителей той группы немецких коммунистов, которая пытается в настоящее время ревизовать философию ортодоксального марксизма—диалектический материализм, опираясь на Гегеля.

Интерес к Гегелю рос за время войны и революции одновременно в различных общественных группах. Известно значение, которое придавал изучению Гегеля тов. Ленин. Но если тов. Ленин настаивал на организации кружков *материалистических* друзей гегелевской диалектики для лучшего усвоения *марксова* метода, то немецкие меньшевики (напр. Кунов) и буржуазные философы хватались за Гегеля—теоретика государства и Гегеля—идеалиста. Ближе к этим последним склоняется и группа т.т. Корша, Лукача, Фогараши и других. Правда, надо отметить, что вся группа, и тов. Корш в особенности, весьма туманно формулирует свои взгляды, и уклоняется обычно от более подробного выяснения их по спорным вопросам, по тем вопросам, по которым она претендует сказать нечто новое. Подчас приходится более догадываться и читать между строк, чем опираться на буквальный текст статей ее последова-

телей. Но и имеющегося на бумаге достаточно, чтобы показать, что мы имеем пока еще не вполне развернувшийся, но грозящий вскоре развернуться во всю, уклон от марксизма.

Рассмотрим же с этой точки зрения брошюру тов. Корша.

Прежде всего, нужно отметить отношение тов. Корша к Марксу и Энгельсу. Для него их деятельность и мировоззрение не остаются в основе своей неизменными, начиная с «Немецкой идеологии» и кончая их смертью. Для тов. Корша Энгельс (и очевидно Маркс) в позднейших произведениях выражается *менее* «ясно», нежели в ранних работах (стр. 41—42). Корш противопоставляет Маркса и Энгельса раннего и позднего периодов их жизни, отдавая предпочтение первому перед вторым. При всей своей радикальности (Корш расхваливает Маркса, находящегося в 43—48 г.г. в «расцвете» своих сил, в период революции и т. д.)—на деле это типично ревизионистская точка зрения. Не даром в рецензии на статью тов. Корша в № 3 «die Gesellschaft» К. Каутский тоже принимает это противопоставление, с той лишь разницей, что он за старого Маркса против молодого.

Противопоставление молодого Маркса старому получается у Корша потому, что он хватается за молодого Маркса того периода, когда он еще не совсем был марксистом, когда он находился еще под влиянием Гегеля и Фейербаха. Недозревший Маркс так близок душе тов. Корша потому, что он сам не совсем марксист. И в нем еще настоящий Маркс, автор «Немецкой Идеологии» и «Капитала» борется с Гегелем. Происходит это потому, что тов. Корш не видит шуйцы Гегеля. Для него Гегель—материалист. Материализм для тов. Корша сводится лишь к связи теории с практикой (см. рецензию в № 10—11 «die Internationale» на книжки о Гегеле), а эта связь в свою очередь, по Коршу, «в эпоху Гегеля составляла жизненный принцип всей философии и науки» (26). Но такое определение философии Гегеля представляет ее в заведомо ложном свете, так как, во-первых, единство теории и практики само у Гегеля было чисто-теоретическим положением и, во-вторых, идеализм диалектики Гегеля заключался как раз в том, что борьбу противоречий он понимал как проявление саморазвивающейся идеи, а не как борьбу противоречий материального мира, производными от которой являются противоречия идей. Корш не понимает вообще смысла материалистической диалектики, поскольку он не выдвигает, как ее основной принцип, борьбу противоречий. Само единство теории и практики принимает у него идеалистический характер, поскольку он *отождествляет* теорию с практикой, при чем поэтому теоретическое преодоление предмета превращается у него и в практическое его преодоление.

Мы останавливаемся на всех этих теоретических ошибках подробнее, потому что в силу действительной связи теории с практикой, из них вытекают и определенные, *политически* опасные, ошибки т. Корша.

1) Прежде всего, тов. Корш, неверно противопоставляя молодого и старого Маркса, неверно поэтому же представляет историю марксизма за последние 80 лет. Для него она делится на три периода: а) до 1848 г., б) до конца столетия, в) до нашего времени. Таким образом, *смазывается вся эпоха II Интернационала* и соединяется в одно целое с деятельностью Маркса в I Интернационале. Для него «менее важными» оказываются: Парижская Коммуна, всемирно-историческое значение которой, как известно, очень высоко оценивалось Марксом и Лениным, основание и падение I Интернационала, основание II Интернационала (стр. 47).

2) Выпячивая чрезмерно роль теории, идей, Корш тем самым обосновывает теоретически того типа уклоны, которые всегда недооценивали роль организации *масс*, роль партийной дисциплины и подменивали потребность в *практическом* единстве партии разговорами о единстве, достигаемом исключительно на почве *теоретического* примирения различных партийных течений. Поэтому же в вышеназванном номере «die Internationale», в статье о «Ленине и Коминтерне», Корш высказывается против принятия программы К. И. и против установления сейчас уже принципов ленинизма, опираясь на то, что еще не достигнуто единство среди *теоретиков*-коммунистов, ленинцев, люксембургианцев и т. д. Он не понимает, что это единство может зависеть не только от силы убеждения (хотя бы ленинцев), а и от быстроты изживания мелкобуржуазных и с.-д. предрассудков в коммунистических партиях, что принятие определенной точки зрения может не отсрочить, а лишь ускорить этот процесс.

Наконец, придавая решающее значение в теории диалектики неверно им понимаемому принципу единства теории и практики, Корш тем самым становится на точку зрения Лукача, что в природе диалектики нет. Отсюда же его теория об отмирании философии марксизма вместе с отмиранием государства. Корш ссылается на слова раннего Маркса о необходимости осуществить философию, тем самым устранив ее. Корш не понимает при этом, что в данном случае Маркс, тогда находившийся еще под влиянием Фейербаха, говорит о необходимости осуществить в действительности чисто теоретический гуманизм немецкой философии того времени. Все это рассуждение на деле есть отказ от диалектического материализма, как метода познания и *природы* и общества, отказ от него, как от определенного мировоззрения, поскольку содержание марксистской философии и заключается на деле ни в чем ином, как в материалистической диалектике, и в этом смысле вместе с государством отмереть не может.

Как мы видим, книга Корша ревизует марксизм в ряде важнейших его положений. Тот факт, что она написана коммунистом только показывает, как неблагополучно по части теории в коммунистическом движении и как зорко мы должны следить за чистотой нашего идеологического знамени и нашего метода в классовой борьбе—марксизма.

Совершенно необходимо в этом отношении подвергнуть скорейшей подробной критике и в западной литературе все новейшие отклонения от марксизма, расчищая, таким образом, почву для воспитания возможно более широких кругов партий Интернационала в духе диалектического материализма и прививая им противоядие против всех и теоретических и политических ошибок.

Н. К.

С. Н. Гоанский. Очерки по политической экономии. Пособие для партшкол, парткружков, профкружков, рабфаков и самообразования. Вып. I.

Заработная плата. Издательство „Красная Новь“. Москва, 1924 г.

«Каждый, кто будет заниматься по предлагаемой книге, ничему не должен верить на слово, а выводы делать исключительно на основании приведенных фактов»—эти слова, стоящие в самом начале предисловия

к рецензируемой книге, служат действительным исходным пунктом всех построений тов. Гожанского. Действительно, теоретические положения автора вытекают из того фактического материала, которым в изобилии снабжена книга. Это стремление непременно опереться на факты, это превосходное презрение ко всякому теоретическому анализу, ко всяким логическим доказательствам («ничему не должен верить на слово»), ко всякой абстракции, напоминает нам жаркие споры о методике преподавания предметов обществознания в высшей школе, которые в протекший учебный год охватили широкие круги педагогов-общественников.

Книга тов. Гожанского должна послужить для нас тем пробным камнем, о который должно разбиться то или иное направление методической мысли. Ибо здесь мы имеем уже не общие разговоры о необходимости изгнания схоластики и абстракции, не рассуждения о необходимости фактического фундамента для широких теоретических обобщений, а *практическую попытку* дать систематическое изложение одной из проблем политической экономии, исходя из «новых» методических требований. С другой стороны, мы теперь имеем возможность не ограничиваться только указаниями на неизбежное пагубное влияние «новых методических веяний», на марксистскую методологию общественных наук, а с фактами в руках (книжка Гожанского) должны показать, проявилось ли это влияние в данном случае, и если проявилось, то в чем именно.

Политическая экономия—преподавание ее—стояла в центре методических споров. Ради «изгнания схоластики» из этой особенно «талмудистской» науки предлагался сразу целый ряд реформ: прежде всего, необходимо уничтожить разделение между собственно политической экономией, экономической политикой и экономической географией; затем в качестве исходного пункта рассуждений необходимо брать конкретный жизненный материал—отсюда изменение в плане развертывания науки; дальше—необходимо брать материал близкий слушателю, и по времени («советская политическая экономия» наиболее ретивых «упростителей»). В дискуссии указывалось, что подобные методические эксперименты неизбежно приведут к извращению марксовой методологии, к вырождению теоретического анализа в простое обобщение повседневных фактов экономической жизни, т.-е. *к вульгарной политической экономии.*

Тов. Гожанский применяет в своем изложении в большей или меньшей степени все эти основные методические нововведения и поэтому, к сожалению, не удерживается в рамках марксистской методологии, а расширяет их в меру своих методических потребностей. Мы должны со всей серьезностью разобраться в степени и причине теоретического грехопадения тов. Гожанского, так как это имеет, несмотря на ничтожность повода, большой научно-теоретический и *политический* смысл.

В наше время, когда «внимание к теории» становится политической директивой, больше всего приходится опасаться теоретического разложения извнутри, под каким бы соусом оно ни подавалось. Теоретическая гегемония марксизма заставляет всякую буржуазную заваль одевать на себя «марксистский» костюм, и хуже всего, если из среды марксистов наблюдается встречное стремление обкарнать, подновить марксизм, «сделать его более понятным». *Всякое отступление от чистоты марксизма* в наших условиях означает внедрение буржуазного влияния, *означает частичную сдачу буржуазии политических позиций,* так как изгнание последышей капитализма из сферы науки стало теперь одной из очередных *политических* задач. С другой стороны, в данном случае мы имеем попытку прорыва в наиболее опасном пункте научного фронта, в пункте, где наука становится массовой политической силой, перевариваясь в головах нашей партийной молодежи. Ведь, специальной задачей наши «обновители» себе ставят упрощение построения общественных наук *ради облегчения преподавания их.* «Облегченные», «обновленные», по-просту—извращенные, положения марксизма сразу, без всякого предварительного критического обстрела будут прививаться нашей учащейся молодежи—политическая опасность такого «методического маневра» бьет здесь в глаза.

«Не верить на слово»—в этой несколько грубоватой формуле уже выражена неизбежность извращения Маркса тов. Гожанским. Основа марксистской политической экономии и ее коренное отличие от всякой буржуазной вульгарщины состоит как раз в том, что она учит нас не *верить фактам капиталистической действительности.* Если верить фактам и *только им,* тов. Гожанский, то прибыль мы должны признать результатом лучшей организации предприятия, результатом машин, результатом торговой сделки и пр., и пр.; в заработной плате мы увидим оплату *всего* труда, отдаваемого рабочим капиталисту, в цене—результат частного сговора контрагентов торга и т. д. Фактов мало. Не просто из фактов делать обобщения требует марксистская методология политической экономии, а об'яснить эти факты, показать действительное их значение, вскрыв теоретическим анализом (неизбежно *абстрактным* анализом) социальную подоплеку их.

Но тов. Гожанский «не верит на слово», т.-е. никакого теоретического анализа социальных отношений не допускает. Посмотрим, что у него получилось. Прочтя книжку, с недоумением вопрошаешь себя: что сие—Туган, Железнов или Гожанский? И обладай тов. Гожанский в несколько большей степени профессорской солидностью в изложении—можно было бы ошибиться! *Никакого намека на марксистский анализ заработной платы в «труде» тов. Гожанского нет.* Заработная плата является в виде оплаты труда, и только в этой иррациональной форме служит выразителем оплаты рабочей силы. *Цена труда это* тот *факт* (факт, тов. Гожанский), который *единственно* существует на капиталистической поверхности, который скрывает, затуманивает отношения эксплоатации, стоящие за ним, который должен и может быть об'яснен только теорией ценности рабочей силы, основанной на общей теории ценности. Ничего этого тов. Гожанский не понял.

Он попросту приравнял заработную плату к ценности рабочей силы (точнее, представил, что ценность рабочей силы есть заработная плата). Поэтому никакого анализа социально-экономического значения этой категории не дано. Поэтому, уровень заработной платы выводится из обычного уровня потребностей рабочего, а этот последний из общего уровня богатства страны и соотношения сил классов. Схема как-будто не Марксова. Поэтому, различный уровень оплаты труда рабочих разной квалификации об'ясняется соотношением спроса и предложения на рабочем рынке. Поэтому, в *заработной плате* (а не в ценности рабочей силы) учитывается классом капиталистов необходимость содержания семьи рабочего (вульгарные апологеты капитализма горевать по поводу таких «марксистских» блестков не станут). Поэтому... в теории уровня заработной платы тов. Гожанский держится не-марксистских взглядов, впрочем—может быть, и наоборот.

В следующей главе: «Виды заработной платы» автор дает нам *голое описание* различных форм оплаты труда и их влияние на производительность и напряженность труда, без попытки дать какой-либо анализ значения этих форм в роли винтиков социального механизма капиталистической эксплоатации, прикрытой и скрытой целой сетью превращенных, ложных экономических категорий. Впрочем... такое теоретическое рассуждение есть.

«Поденщик получает свою плату после отработанного дня. Значит, его заработной платы должно ему хватить на день. Служащий обычно получает плату раз в месяц; он, стало быть, должен прожить месяц на свое жалование. Отсюда следует, что всякая заработная плата (!) должна дать возможность рабочему прожить определенное время: день, неделю, две недели, месяц и т. д. Значит, плата по времени—*повременная заработная плата*—основная форма заработной платы. Все другие формы заработной (платы?) исходят из этой основной».

Это самое теоретическое место из всей главы. И здесь аляповатая вульгаризация положений Маркса настолько бьет в глаза всем, кто сколько-нибудь с ним знаком, что приходится пожалеть, почему Гожанский *вовсе* не воздержался от теории.

Если заработная плата не служит специальной формой проявления и одновременно заволакивания капиталистической эксплоатации вообще, то с переходом к системе пролетарской диктатуры здесь ничего *принципиально* измениться не может. Так это и есть у Гожанского. Изменились, конечно, условия уровня заработной платы и его колебаний, но чтобы произошло какое-то *качественное* изменение роли заработной платы в ее функции экономической категории—этого т. Гожанский, конечно, не замечает. А между тем, это непонимание дает возможность роста настроений типа «Рабочей Правды» и откровенно «кронштадских». Если за марксистской фразеологией Гожанского кроется жалкая вульгарная болтовня, то за революционной, анти-буржуазно-коммунистической фразой может скрываться возможность совсем не коммунистических настроений.

Исключительно «теоретической» является глава VI. «*Превращение реальной заработной платы в рабочую силу*». Здесь автор хочет убедить весь свет в необходимости повышения заработной платы и для этого пускается в длинные вычисления количества поглощаемых человеком калорий и отдаваемой им рабочей энергии. Он утверждает, что с ростом заработной платы растет не только продукт труда, но и *ценность* этого продукта и растет в возрастающей прогрессии. Было бы грустно приводить здесь рассуждения тов. Гожанского. Калорийность, чистейший физиологизм—вот весь теоретический багаж нашего автора. От марксизма здесь не осталось даже и перьев—марксистской фразеологии. Преподносить подобную физиологистскую гиль нашей комвузовской молодежи, это вреднее всяких Енчменов в области философии.

На 110 страницах «очерков» тов. Гожанский расписался в своем теоретическом убожестве и в правоте тех, кто во время методической дискуссии предостерегал от всяких перегибов, ставящих под вопрос чистоту марксистской теории. Если теория приобретает для нас особо важное значение, то проникновение буржуазно-вульгарных отрыжек в изучение общественных наук нашей молодежью становится политической опасностью.

И. В—ан.

Белые финансисты о нашей денежной реформе.

В последнем, 3-м номере выходящего в Берлине под редакцией Прокоповича «Экономического Вестника», в котором участвуют такие научные «светила» эмиграции, как Струве, Бернацкий, Бруцкус, Чупров, помещены статьи о нашем денежном обращении. Статьи написаны незадолго до последних мероприятий по проведению денежной реформы, когда уже ясно обрисовались ее очертания, и содержат оценку как основ реформы, так и ее перспектив. В этом смысле они представляют большой интерес.

Первая статья Бернацкого, министра финансов правительства Керенского, «Проблема денежного обращения в России» посвящена, главным образом, червонцу, так как автор считает, что в «системе параллельного денежного обращения Советской России червонной валюте суждено заменить казначейскую».

Автор, конечно, не удовлетворен эмиссионным законом, находит в нем «технические дефекты», однако, вынужден заявить, что «приступ к осуществлению денежной реформы в таком виде (т.-е. путем эмиссии банкнот) можно было приветствовать». Он признает и успехи политики Госбанка. Анализируя отношение червонца к золоту на внутреннем рынке, автор приходит к выводу, что Госбанку удалось закрепить это отношение на определенном уровне: «С 1-го июня (1923 г.) картина меняется и внешним образом создается впечатление устойчивости новой валюты». Что касается до отношения червонца к иностранной валюте, то и здесь: «официальный успех... по причине отсутствия рынка и сосредоточения иностранной валюты лишь в руках лиц, имеющих постоянные сношения с государственными учреждениями, был достигнут» (стр. 89). На-ряду с этим, вместо определенных в законе 25%, «наличное покрытие превышает 50% выпущенных банкнот, что не может не импонировать при внешнем ознакомлении с фактами» (там же).

Но само собой разумеется, для белого финансиста все эти «импонирующие» факты денежной реформы являются лишь «видимостью», «внешней картиной», «большевистской шумихой». Он хочет разобрать «дело по существу». Зная Бернацкого, не нужно заглядывать в конец статьи для того, чтобы знать, к чему приведут эти рассуждения по существу. Разумеется, «денежная реформа и советская экономика» оказываются вещами «несовместимыми», «пресловутому червонцу» предсказывается скорая гибель и т. д. Иначе и быть не может. Но нас интересуют рассуждения Бернацкого не с той стороны. Важнее для нас знать, каковы те препятствия, на которые,—как надеется Бернацкий,—мы споткнемся при проведении денежной реформы, откуда грозят последней опасности.

По мнению Бернацкого, причина предсказываемой им неудачи реформы лежит, прежде всего, в положении и способе кредитования государственной промышленности. Собственно говоря, инфляция червонцев уже есть..., в виду особых условий кредитования промышленности: не имея возможности сбыть товар, государственные предприятия покрывают ссудами в Государственном и других банках свои кассовые дефициты. Именуются ли обеспечения векселями, или «долговыми обязательствами, обеспеченными материальными ценностями»,—в условиях советской жизни это значения не имеет: векселя

государственных предприятий вовсе не отражают действительного товарного оборота, являясь простыми долговыми расписками»... Под «мертвые» склады готовых товаров на огромную сумму в золоте «выпускаются банкноты, ненужные для оборота»... «Выпущенные при таких условиях банкноты неминуемо при встрече с «частной экономикой», как ненужные для оборота, должны будут оцениваться сами по себе, и никакие ухищрения с монополией «иностранной валюты» им не помогут» (стр. 95). В подтверждение автор приводит таблицу падения покупательной способности червонца во второй половине прошлого года.

Другая опасность, по мнению Бернацкого, грозит червонцу со стороны «частной экономики». В недрах этой частной экономики, оказывается, «царит настоящий старый золотой рубль». На этот настоящий царский рубль автор возлагает большие надежды, ожидая, что он своим самочинным появлением ликвидирует советскую валюту, подобно тому, как королевские золотые монеты ликвидировали ассигнаты в эпоху первой французской революции.

Наконец, третья причина ожидаемой г. Бернацким гибели червонца и крушения реформы таится в советских финансах. Правда, и тут положение дел таково, что Советская власть может похвалиться крупными успехами, которые и белый финансист не в силах отрицать: «Конечно, нельзя отрицать некоторых успехов в финансовых достижениях Советской России; но это, по существу, вовсе не строительство, а более или менее организованный финансовый нажим на частное хозяйство» (стр. 101). Успех и здесь оказывается лишь «внешней картиной», «видимым благополучием», за которыми сказывается «трагический характер пролетарских финансов». Вывод автора: «Пока Советская власть упорно держится за «хозяйственные командующие высоты»,—за национализированную промышленность и транспорт, — неизбежны колоссальные бюджетные дефициты, а это неминуемо повлечет эмиссию банкнот в казначейских делах» (стр. 96).

Что касается «настоящего царского рубля», то «дружные свидетельства наблюдателей русской жизни» ввели г. Бернацкого в большое заблуждение. Предметом «стихийного стремления народных сил» является сейчас отнюдь не старый—с николаевским клеймом—рубль, а новый, с серпом и молотом. Именно так говорят «дружные свидетельства наблюдателей». Старый рубль вытеснен на задворке, и ожидать его воскресения было бы так же нелепо, как и воскресения царского режима.

Другое дело—это положение и способы кредитования промышленности и дефицит. Что здесь некоторые опасности существуют,— отрицать нельзя. Но мы видим эти опасности не хуже Бернацкого, боремся с ними и с каждым новым днем реформы и каждым шагом в ее проведении уменьшаем угрозу с этой стороны. Нет сомнения, что в следующем номере «Экономического Вестника» г. Бернацкому придется, нехотя и с кислой миной, признать успех конца денежной реформы, точно так же, как он вынужден был признать успех ее начала.

Вторая статья—А. Парков «Борьба за курс червонца и интересы народного хозяйства в Советской России»—является блестящим подтверждением того, какое большое значение имеет монополия внешней торговли и активный торговый баланс для успеха нашей

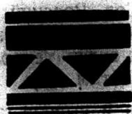
денежной реформы. Анализируя внутренний и внешний курс червонца, автор приходит к выводу, что Госбанку с большим успехом удалось поддерживать внешний курс червонца, чем внутренний. Это «свидетельствует о том, что для достижения удовлетворительных результатов внешнего курса червонца есть, несомненно, какие-то особо благоприятные обстоятельства, которых нет для сокращения внутренней покупательной силы червонца. Об этих обстоятельствах не трудно догадаться. Они кроются в том, что Советская власть искусственно изолировала народное хозяйство России от внешнего рынка и монопольно ведет и регулирует внешнюю торговлю» (стр. 110). «При настоящих условиях отсутствия внешних платежей по каким-либо другим обстоятельствам, кроме чисто-торгового, торговый баланс приобретает первенствующее значение в денежных расчетах между Сов. Россией и внешним рынком. Но Советская власть после первых лет торговли, когда закупка производилась на остатки золота, ведет теперь настойчиво и определенно борьбу за активный баланс» (там же).

Анализируя цифры ввоза и вывоза, автор приходит к заключению, что эта борьба успешна. «В последнее время баланс имеет тенденцию оставаться твердо активным». «Это обстоятельство, конечно, уменьшает необходимый спрос на иностранную валюту и создает благоприятные условия для удержания курса червонца в отношении к иностранной валюте. Кроме того, самый спрос на иностранную валюту монополизируется комиссариатом внешней торговли, имеющим возможность при участии комиссариата финансов регулировать цены на валюту (стр. 111).

Монополия внешней торговли и активного баланса,— продолжает автор,—дает возможность продления «нэп'а» и создает условия, при которых достигается видимость успехов в борьбе за внешний курс червонца. Стоит только разрушить те оковы, в которых находится внешняя торговля в Сов. России, как внешняя торговля оживится, спрос на иностранную валюту возрастет, что приведет к падению курса червонца» (стр. 112).

Попутно автор развивает свою программу по вопросу о внешней торговле. «Само по себе стремление к достижению активного баланса с точки зрения народного хозяйства должно быть рассматриваемо, как явление положительное». «Совершенно, конечно, бесспорно, что в России в будущем необходимо восстановить национальную промышленность» (стр. 111). Однако, эти общие правила оказываются непременимыми к Советской России, ибо тут дело идет о восстановлении «советской промышленности». Программа же автора заключается не в восстановлении, а в разрушении этой промышленности. Поэтому он не только ратует «за снятие оков» с внешней торговли и за свободный ввоз иностранных товаров, конкуренция которых не оставила бы, по мнению автора, и «следа» от советской промышленности, но согласен итти и на пассивный баланс: «Не страшен был бы первые годы и пассивный баланс, который, очевидно, неизбежен, и с которым надо бороться не изолированием России от внешнего мира, не потреблением создаваемых благ советским хозяйством, а восстановлением производительного частного хозяйства, с которым при иных условиях должен сотрудничать нужный нам иностранный капитал» (стр. 112).

Таким образом, „снятие оков“ с внешней торговли, которое вызвало бы падение червонца, допущение иностранной конкуренции, которая не оставила бы и «следа» от советской промышленности, а затем восстановление на развалинах советской промышленности «частного хозяйства» при сотрудничестве иностранного капитала. Такова экономическая программа эмиграции. Этой программе суждена участь тысячи других белогвардейских программ; она останется на бумаге,—на этот раз на бумаге «Экономического Вестника».

СОДЕРЖАНИЕ.